

На правах рукописи

АФТАХОВА Ульяна Владимировна

**МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМ РЕГИОНОМ НА ОСНОВЕ
РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА**

Специальность 5.2.7 – Государственное и муниципальное управление

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:

Д.э.н., доц. Жуланов Е.Е.

Пермь

2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМ РЕГИОНОМ В УСЛОВИЯХ РИСКОРИЕНТИРОВАННОЙ ЭКОНОМИКИ.....	14
1.1. Теоретико-методологические основы применения риск-менеджмента в государственном стратегическом управлении промышленным регионом.....	14
1.2. Современные концепции государственного стратегического управления промышленным регионом.....	33
1.3. Теоретико-методологические основы применения риск-менеджмента в государственном стратегическом управлении промышленным регионом.....	53
ГЛАВА 2. РАЗРАБОТКА ИНСТРУМЕНТАРИЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ, МЕТОДОВ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ И МАКРОРЕГУЛЯТОРОВ В РАМКАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМ РЕГИОНОМ.....	63
2.1. Теоретическое обоснование подхода к государственному стратегическому управлению промышленным регионом.....	63
2.2. Теоретико-методическое обоснование инструментария идентификации и оценки социальных рисков	84
2.3. Разработка макроэкономических регуляторов как инструментов системы государственного стратегического управления промышленным регионом.....	95
ГЛАВА 3. РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ ПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ И ОЦЕНКА ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ	125
3.1. Институциональные основы применения государственного механизма стратегического управления промышленным регионом	125
3.2. Расчет региональных макрорегуляторов и оценка Пермского края по степени проявления социальных рисков.....	137

3.3. Оценка социально-экономических результатов от применения авторского механизма государственного управления на примере Пермского края.....	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	163
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	166
Приложение 1	194
Приложение 2	197
Приложение 3	202
Приложение 4	205

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В условиях современной трансформации экономических реалий и усложнения системы государственного управления, возрастает необходимость в создании устойчивых и адаптивных моделей стратегического управления социально-экономическими системами любого уровня. Несмотря на реализацию масштабных реформ и запуск государственных программ, остаётся нерешённой ключевая задача – формирование действенного механизма управления промышленным регионом с учётом социальных рисков и долгосрочных эффектов.

Особенно это актуально в контексте достижения Целей устойчивого развития Российской Федерации (ЦУР), утверждённых в рамках глобальной повестки ООН. Среди них особое значение приобретают такие цели, как достойная работа и экономический рост (ЦУР 8), сокращение неравенства (ЦУР 10), устойчивые города и населённые пункты (ЦУР 11), а также партнёрство в интересах устойчивого развития (ЦУР 17). Указанные цели невозможно реализовать без эффективного и чувствительного к социальным рискам государственного стратегического управления, особенно на региональном уровне.

Современные вызовы, включая растущую институциональную фрагментацию и социально-экономические дисбалансы, требуют коэволюционного подхода, рассматривающего промышленный регион как открытое хозяйственное сообщество, формирующее устойчивость через интеграцию сетевых, институциональных и ценностных факторов. Однако практическая реализация такого подхода в государственном управлении остаётся ограниченной. В частности, существующие методы реализации государственных программ нередко страдают от отсутствия механизмов оценки и минимизации социальных рисков. Это приводит к неуправляемому росту социального напряжения в регионах страны и к практическому проявлению рисков, что в свою очередь, влечет снижение эффективности государственной

политики, срыв поставленных государственных целей и ухудшение фактического социально-экономического развития территорий относительно запланированных прогнозов.

Поэтому необходима разработка действенного механизма государственного стратегического управления, основанного на риск-ориентированном подходе, который позволит своевременно выявлять и нейтрализовывать угрозы, обеспечивая устойчивость и соответствие национальным приоритетам в рамках ЦУР РФ.

Все это усиливает актуальность решения сформулированной проблемы.

Степень разработанности проблемы. Проблемам развития социально-экономических систем, в том числе региональных, посвящены труды ученых многих отечественных научных школ. В трудах Л.А. Абалкина, А.Г. Аганбегяна, А.А. Акаева, С.А. Андрияшина, А.С. Булатова, К.К. Вальтуха, С.Ю. Глазьева, Р.С. Гринберга, М.В. Ершова, Р.И. Капелюшникова, В.Г. Клинова, В.Б. Кондратьева, Д.С. Львова, В.Е. Маневича, В.А. Мау, А.В. Молодчика, В.М. Полтеровича, В.В. Попова, Е.М. Примакова, В.К. Сенчагова, В.В. Симонова, С.Г. Синельникова-Мурылева, О.С. Сухарева, О.И. Хайруллиной, Б.А. Хейфеца, Ю.В. Яковца, Е.Г. Ясина рассмотрен широкий спектр вопросов решения проблем государственного стратегического управления и планирования социально-экономического развития, а также принципы разработки эффективной государственной политики и ее инструментов, детально проработаны теоретико-методологические подходы к формированию устойчивого социально-экономического развития РФ и ее регионов, а также механизмы и инструменты реализации данного процесса. Однако вопросы оценки влияния рисков на экономические процессы субъектов федерации могли бы получить более широкое развитие за счет моделирования упущенной выгоды от их проявления.

Риск как экономическая категория изучался в работах таких ученых В.А. Абчук, Н.Б. Акатов, А.П. Альгин, И.Р. Балабанов, М.С. Баканов, В.К. Ващенко, Ю.В. Вертакова, Ю.Н. Воропаев, В.Н. Вяткин, В.А. Гамза, П.Г. Грабовой, М.В. Лапуста, Ф.В. Маевский, В.С. Мюсийчук, П.Н. Половинкин, В.В. Поляков, Н.Ю. Рогов, Н.В. Соколинская, Е.Б. Телегина, А. П.Турусина, В.С. Чернов, А.М. Галаева, О.М.

Ольшанская, И.А. Эсаулова. Тем не менее, несмотря на неоспоримый вклад в экономическую науку и теорию риск-менеджмента, все эти исследования ограничивались исключительно фрагментарным подходом к изучению данной категории, выделяя только какой-то один риск из всей совокупности возникающих угроз.

Зарубежная теория и практика риск-менеджмента представлена более комплексным подходом в этом вопросе. Проблема взаимосвязи риска с экономическими процессами и начальные теоретические обобщения, которые легли в основу теории управления риском, представлены в трудах Я. Бернулли, А. Вальда, К.Гаусса, А. Гурвица, Дж.М. Кейнса, П.-С. Лапласа, А. Маршалла, Г. Марковца, Г. Менкью, О. Morgenштерна, Я. Моссина, Ф. Найта, Дж. фон Неймана, В. Парето, С.Пуассона, Р. Сэвиджа, К. Эрроу. Вопросам управления рисками в экономических системах посвящены работы У. Андерсона, У. Арсура, Дж.К. Гилбрейта, Э.Дж. Доллана, Ф. Найта, Дж. Росса, Ф. Хейне. Тем не менее, в силу значительного различия в особенностях функционирования социально-экономических систем и, прежде всего, того круга вопросов, который необходимо решить в первую очередь, методы, предлагаемые в данных исследованиях, не могут быть непосредственно применены к отечественным реалиям.

Таким образом, анализ работ указанных авторов свидетельствует о том, что существует необходимость в разработке особых методов государственного управления промышленными регионами с применением подходов риск-менеджмента, позволяющего минимизировать уровень социально-экономических рисков и на этой основе предотвратить экономические потери, обусловленные проявлением данных рисков. В настоящее время рассмотрены либо отдельные этапы управления рисками, либо управление отдельными видами рисков. Все это в комплексе актуализирует необходимость решения указанной научной проблемы, как на теоретическом, так и на прикладном уровне. С этой целью был сделан выбор объекта, предмета, а также определены цель и задачи настоящего диссертационного исследования.

Объектом исследования являются органы государственной власти в системе государственного стратегического управления промышленным регионом.

Предметом исследования выступают управленческие и экономические отношения, возникающие в процессе государственного стратегического управления промышленным регионом с применением методов риск-менеджмента.

Целью диссертационной работы является развитие теоретических положений и методического обеспечения государственного стратегического управления промышленным регионом на основе риск-менеджмента.

Достижение цели определило необходимость постановки и решения следующих **задач**:

1) обосновать направления развития теоретических положений в сфере государственного стратегического управления промышленным регионом в условиях риск-ориентированной экономики;

2) предложить инструментарий идентификации и оценки социальных рисков, а также создать систему макрорегуляторов, позволяющих в рамках государственного стратегического управления промышленным регионом превентивно корректировать его продвижение по рисковым ландшафтам;

3) разработать методику применения механизма государственного стратегического управления промышленным регионом и оценить ее эффективность на примере Пермского края.

Область исследования. Результаты исследования соответствуют следующим требованиям Паспорта специальностей ВАК РФ и принадлежат области исследования научной специальности 5.2.7. «Государственное и муниципальное управление (экономические науки): – 2 «Тенденции развития системы государственного и муниципального управления: международный и российский опыт. Государственное управление устойчивым развитием»; 16. «Стратегическое и индикативное планирование, теория и практика их осуществления на национальном, региональном и муниципальном уровнях»; 23. «Региональное управление. Взаимодействие федерального и регионального уровней управления. Методы и механизмы улучшения социально-экономических показателей регионов».

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составляют достижения научной мысли отечественных и зарубежных ученых в

области экономической теории, менеджмента, риск-менеджмента, теории экономического роста, теории экономики благосостояния.

Методы исследования. Для достижения цели и решения поставленных задач автором был использован комплекс методов, взаимно дополняющих друг друга: категориальный метод, логико-структурный анализ и синтез, исторический анализ, прикладные экономико-статистические и эконометрические методы (формализация, моделирование, корреляционный и регрессионный анализ), методы сравнительного анализа, интервьюирования, графического моделирования, алгоритмизации, рейтингования.

Информационную базу диссертации составили: официальные данные Госкомстата РФ и ЕМИСС за период 2004-2023 гг.; результаты исследований социально-экономических процессов в регионах РФ, полученные Аналитическим центром при Правительстве РФ, Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики», Общероссийской организацией «Опора России», Общероссийской общественной организацией «Деловая Россия», рейтинговыми агентствами «РИА Рейтинг» и «Эксперт», Центром научных информационных исследований глобальных и региональных проблем, Центром перспективных экономических исследований; нормативно-правовая база государственных органов власти; стратегии социально-экономического развития РФ и ее субъектов; результаты авторских исследований и опросов населения.

Основные защищаемые положения и их научная новизна. В процессе исследования получены лично автором следующие теоретические и методические результаты, определяющие научную новизну и являющиеся предметом защиты:

1. *Уточнено* понятие государственного стратегического управления промышленным регионом как механизма государственной политики на основе принципов и методов риск-менеджмента, учитывающего издержки упущенной выгоды от проявления социальных рисков. В основе данного механизма лежит маятниковый эффект, позволяющий взаимосвязано прогнозировать результаты от применения комплекса прямых и обратных связей между инструментами государственной политики и итогами развития промышленного региона. Благодаря этому представляется

возможным своевременно и превентивно выявлять социальные риски и управлять их уровнем на основе мониторинга и комплексного использования в механизме социально-стратегического, социально-ориентированного и социально-стоимостного подходов к управлению, а также методов анализа социально-экономических процессов с точки зрения значимости человеческого фактора и рисков для развития экономического потенциала индустриальной территории, что делает более прогнозируемым и регулируемым курс развития субъекта федерации на пути к достижению стратегических целей (**п. 2 «Тенденции развития системы государственного и муниципального управления: международный и российский опыт. Государственное управление устойчивым развитием»** паспорта специальности 5.2.7 «Государственное и муниципальное управление (экономические науки)») (Глава 1, параграфы 1.1, 1.2, 1.3, Глава 2, параграф 2.1, с. 14-83 диссертации);

2. *Предложен* инструментарий идентификации и оценки социальных рисков, учитывающий цели государственной политики, который служит основой инновационных методов государственного стратегического управления экономикой промышленного региона, организации взаимодействия бизнес-структур и органов государственной власти, под влиянием выявленных макрорегуляторов, воздействующих на уровень качества жизни населения и степень остроты проявления рисков в промышленном регионе. Данный инструментарий позволяет комплексно формировать стратегию и тактику государственного управления социальными рисками, влияющими на численность населения и объемы производства благ (**п. 16. «Стратегическое и индикативное планирование, теория и практика их осуществления на национальном, региональном и муниципальном уровнях»** паспорта специальности 5.2.7 «Государственное и муниципальное управление (экономические науки)») (Глава 2, параграфы 2.2, 2.3, с. 84-124 диссертации);

3. *Разработана* методика применения механизма государственного стратегического управления промышленным регионом на основе управления социальными и экономическими рисками, которая дополняет существующую теоретико-методическую базу оценки эффективности реализации государственной политики посредством анализа взаимосвязи рисков и макроэкономических процессов

территорий (п. 23. «Региональное управление. Взаимодействие федерального и регионального уровней управления. Методы и механизмы улучшения социально-экономических показателей регионов» паспорта специальности 5.2.7 «Государственное и муниципальное управление (экономические науки)») (Глава 3, параграфы 3.1, 3.2, 3.3, с. 125-162 диссертации).

Теоретическая значимость работы состоит в развитии методов анализа и оценки эффективности функционирования механизма стратегического управления промышленным регионом за счет повышения уровня качества жизни населения и сокращения издержек упущенной выгоды при нивелировании проявлений социальных рисков. В частности:

1) введено и формализовано с помощью системы рекурсивных уравнений понятие издержек упущенной выгоды для экономики промышленного региона, возникающих в результате проявления социальных рисков;

2) с помощью разработанных подходов и методов выявлен и обоснован маятниковый эффект, позволяющий проанализировать двусторонние взаимосвязи экономического развития и уровня социальной напряженности.

Результаты, полученные в диссертации, дополняют существующие формы и механизмы взаимодействия государственных органов власти, бизнес-структур и населения в целях повышения общественного благосостояния промышленного региона.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения предложенной автором методики, а также выводов и рекомендаций для разработки стратегий и программ национального и регионального социально-экономического развития. Рекомендации, выработанные в ходе исследования, могут быть использованы:

– федеральными органами государственного управления для определения регионов с критически высоким уровнем социальной напряженности и ее понижения;

– органами государственной власти субъектов РФ для разработки региональных концепций промышленной политики и стратегий социально-экономического

развития территорий на основе учета и нивелирования социальных рисков для обеспечения дополнительного экономического роста в промышленных регионах;

– высшими учебными и научными заведениями в процессе преподавания дисциплин «Государственное и муниципальное управление», «Риск-менеджмент» и «Региональная экономика».

Оценка достоверности. Научные результаты исследования подтверждаются применением общенаучных методов исследования, достаточным информационным обеспечением, полнотой анализа теоретических и практических разработок, эмпирическими данными и применением эконометрических методов исследования.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические результаты исследования были изложены в тезисах докладов и представлены на всероссийских научно-практических конференциях (Волгоград, 2014 г.), всероссийском симпозиуме (Екатеринбург, 2014 г.), международных научно-практических конференциях (Приштина, 2019 г., Пермь, 2019 г., 2018 г., 2016 г., 2015 г., 2014 г., 2012 г., Афины, 2014 г., 2012 г., Минск, 2017 г.).

Публикации. Результаты исследования представлены в 25 публикациях общим объемом 11,6 п.л. (личный вклад автора – 9,73 п.л.), в том числе в 7 статьях в журналах, рекомендуемых ВАК для опубликования результатов диссертационной работы («Экономическое развитие России», 2025г.; «Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки», 2019 г., 2018 г.; «Национальные интересы: приоритеты и безопасность», 2016 г.; «Экономика и предпринимательство» 2016 г.; «Проблемы современной экономики», 2015 г.; «Журнал экономической теории», 2014; «Российское предпринимательство», 2014 г.) и 2 Свидетельствами о государственной регистрации программы для ЭВМ.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка из 299 наименования и приложений; изложена на 207 страницах машинописного текста, включающего 19 таблиц, 10 рисунков и 4 приложения.

Во *введении* обоснована актуальность темы исследования, описана степень разработанности проблемы, сформулированы цель и задачи, определены объект и предмет исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В *первой главе «Развитие теоретических положений государственного стратегического управления промышленным регионом в условиях рискоориентированной экономики»* описана сущность государственной политики, выделены факторы и направления ее совершенствования, проанализирована современная парадигма риск-менеджмента, применяемая при государственном стратегическом управлении промышленными регионами. Теоретически обоснована проблема необходимости совершенствования государственной политики на базе управленческого механизма, предполагающего комплексный и системно взаимосвязанный учет факторов дифференциации субъектов РФ, социальных рисков и уровня качества жизни населения.

Во *второй главе «Разработка инструментария идентификации, методов оценки социальных рисков и макрорегуляторов в рамках государственного стратегического управления промышленным регионом»* обоснованы принципы и положения авторской методики риск-ориентированного государственного стратегического управления промышленным регионом. Дана авторская трактовка промышленного региона как целостной системы, включающей сферу промышленной политики и сферу социальной политики, интегрированных через ядро – население, что позволило концептуализировать маятниковый эффект и определить его значение для стратегического управления. Дано описание и обоснование инструментария оценки влияния рисков на социально-экономические результаты функционирования промышленного региона, а также методические рекомендации по управлению рисками и их влиянием на экономику промышленного региона на основе совокупности авторских макрорегуляторов, таргетированных на конкретные риски. Особое внимание уделено бюджету социально ориентированного развития (далее бюджет СОР) как институциональному инструменту стратегического планирования, соответствующего требованиям Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом

планировании в Российской Федерации» и согласованного с целями устойчивого развития. Вторая глава объединяет теоретическую концепцию маятникового эффекта с инструментами оценки и управления, что позволяет перейти от теоретической базы к практическим моделям государственного регулирования.

В третьей главе «Разработка методики применения механизма государственного стратегического управления экономикой промышленного региона на примере Пермского края и оценка ее эффективности» проведена практическая верификация предложенного инструментария на примере Пермского края, описаны институциональные основы применения авторского механизма, произведен расчет макрорегуляторов и рассчитаны потенциальные издержки упущенной выгоды для экономики Пермского края в виде сравнительных результатов оценки социально-экономического развития региона до и после применения авторского механизма. Полученные результаты подтвердили практическую значимость концепции бюджета СОР и системы макрорегуляторов как эффективных инструментов стратегического управления промышленным регионом.

В заключении обобщены результаты исследования, сформулированы выводы и рекомендации теоретического, методического и прикладного характера в области обеспечения государственного стратегического управления промышленным регионом.

В приложении представлены табличные материалы, дополняющие диссертационное исследование.

ГЛАВА 1. РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМ РЕГИОНОМ В УСЛОВИЯХ РИСКОРИЕНТИРОВАННОЙ ЭКОНОМИКИ

1.1. Теоретико-методологические основы применения риск-менеджмента в государственном стратегическом управлении промышленным регионом

Не смотря на широкий спектр экономических реформ в Российской Федерации и создание целого ряда рыночных институтов, самая главная задача – формирование действенных инструментов государственного стратегического управления промышленными регионами, до сих пор требует своего решения. Несбалансированность управленческих механизмов реализации государственной политики в условиях неопределенности и отсутствие инструментов мониторинга ее результатов привело к тому, что ключевые показатели развития экономики страны, такие как динамика валового внутреннего продукта, реальные доходы населения и уровень качества его жизни, сопоставимы с их доперестроечными значениями.¹

¹ Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Колмаков И.Б., Одинцова Е.В., Рязанцев В.И., Чашина Т.В., Черных ЕА. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2022 год // Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2022 год. 2023. №1 (202). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-dohodov-i-urovnya-zhizni-naseleniya-rossii-2022-god>; Ищенко И.В., Костыкова М.Ю. Жизненный цикл стратегического управления регионом: ключевые элементы и механизм функционирования // КЭ. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznenny-tsikl-strategicheskogo-upravleniya-regionom-klyuchevye-elementy-i-mehanizm-funktsionirovaniya>; Доменко Ю.Ю. Концепция и модель управления экономикой региона на основе инструментов стратегического планирования [Электронный ресурс] // Russian Journal of Management. – 2022. – URL: <https://rusjm.ru/ru/nauka/article/48399/view>; Ялалова А.И. Стратегическое управление промышленными предприятиями региона в условиях цифровой трансформации: проблемы и направления решений [Электронный ресурс] // ResearchGate. – 2023. – URL: https://www.researchgate.net/publication/382895949_STRATEGICHESKOE_UPRAVLENIE_PROMYSLENNYMI_PREDPRIATIAMI_REGIONA_V_USLOVIAH_CIFROVOJ_TRANSFORMACII_PROBLEMY_I_NAPRAVLENIA_IH_RESENIJ; Смирнова О.О. Три шага к стратегическому управлению [Электронный ресурс] // Препринты Института проблем управления РАН. – 2024. – URL: <https://vspu2024.ipu.ru/preprints/3876.pdf>

Во многом причина этого кроется в условиях неопределенности и проявления рисков, а также в человеческом факторе, который от части их порождает. Любая деятельность является последствием позитивно-негативной двойственности экономической активности единственного ее субъекта – человека. Сегодня человеческое общество достигло такого уровня производственных сил, а скорость научно-технического прогресса настолько высока, что природная и социальная сфера уже не могут выступать тем буфером и поглотителем рисков, какими они были всего пол века назад.

Феномен рисков и инструментов их минимизации исторически не утрачивает актуальности. Известны попытки пророков и гадателей Древнего Рима и Древнего Китая разработать методики риск-менеджмента на основе ритуальных процедур. В частности, на основе древнекитайской «Книги перемен» много веков принимались стратегические государственные решения. Именно этот сакральный труд на сегодняшний день считается первой развернутой системой риск-менеджмента.²

Долгое время человеческое общество верило, что будущее зависит исключительно от Бога. Однако, в XV веке, итальянский профессор математики Лука Пачоли впервые описавший венецианскую бухгалтерию, сформулировал свою задачу о разделе ставки при незавершенной игре.³ В последствии его книга «Сумма арифметики, геометрии, отношений и пропорций» («Summa de arithmetica, geometria, proportioni et proportionalità») станет источником вдохновения для многих выдающихся математиков, таких как Дж. Кардано, Н. Тарталья, Б. Паскаля, П. Ферма, работы которых ознаменуют зарождение теории вероятности и теории игр, что окончательно изменит подход к управлению неопределенностью и рисками в будущем.

Феодалные войны, шедшие в Европе в Средние века, вывели теорию и практику риск-менеджмента на новый уровень. Из охоты за удачей она постепенно

² Вяткин В.Н., Гамза В.А. Маевский Ф.В. Риск-менеджмент: превентивное управление. – М.: АП «Наука и образование», 2013. – с. 12

³ Сигал А.В., Сигал С.А. Параметрическая игра Луки Пачоли и её применение в экономике // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/parametricheskaya-igra-luki-pacholi-i-eyo-primenenie-v-ekonomike> (дата обращения: 15.06.2019).

начала превращаться в инструмент ведения большой политики. Впервые применение принципов риск-менеджмента в управлении государством можно встретить у Н. Макиавелли («Государь» и «Размышления над декадой Тита Ливия») или М. Монтеня («Опыты»).

В Лиссабоне, Португалия, в 1755 г. случилось катастрофическое землетрясение, которое унесло более 100 000 жизней. Именно после этой трагедии высказывания Ж.-Ж. Руссо, впервые публично возложившего ответственность не на Бога, а на людей, вызвали широкую и продолжительную дискуссию среди ученых из разных областей науки по всей Европе о том, как люди принимают решения, что заложило основы будущей теории рисков.

В работах Г.В. Лейбница и Я. Бернулли впервые были описаны процедуры и инструменты статистики, что позволило правительству Англии с 1725 г. активно применять таблицы смертности, которые впоследствии получили широкое распространение по всему миру.

Одним из первых вопрос управления рисками как экономическим процессом рассматривал Адам Смит.⁴ Он отмечал, что при анализе определяющих величину нормы прибыли факторов, необходимо в обязательном порядке принимать во внимание зависимость этого показателя от уровня рискованности ситуации. Вместе с ростом уровня риска норма прибыли увеличивается, но постепенно начинает отставать от него. Именно эта точка зрения легла в основу становления и развития классической и неоклассической теорий риска.

Сторонники классической теории риска, в частности Дж. Милль, Н. Сениор, рассматривали доход предпринимателя как совокупность двух составляющих: процент на вложенный капитал (заработная плата капиталиста) и плата за риск (как возмещение возможного ущерба от деятельности).⁵ Однако, такое толкование кажется несколько однобоким, поскольку в данном случае риск понимается как

⁴ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов : в 2 т. Т. 1. – Москва : Соцэкгиз, 1962. – 684 с. (Кн. I, гл. X, Кн. II, гл. I).

⁵ Милль Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. – Москва : Эксмо, 2007. – 1056 с. – (Антология экономической мысли); Сениор Н.У. Очерк науки политической экономии. – Москва : Директ-Медиа, 2008. – 312 с. – (Антология экономической мысли).

вероятность наступления неблагоприятных событий в результате определенных экономических решений или действий. То есть риск – это исключительно количественное выражение потерь, что, безусловно, сужает область исследования.

В 30-е гг. XX в. совместными усилиями А. Маршалла, А. Пигу были разработаны основы неоклассической теории риска. В соответствии с ее положениями, риск обусловлен неопределенностью экономической ситуации, при которой прибыль воспринимается как случайная переменная. Предпринимательство, которое функционирует в условиях неопределенности, должно руководствоваться в своей деятельности двумя категориями: размером ожидаемой прибыли – пользы и величиной ее возможных отклонений. Поведение, согласно этой теории, обуславливается концепцией предельной пользы.⁶ Это означает, что если необходимо выбрать один из двух вариантов действий, дающих одинаковую прибыль–пользу, то выбирается тот вариант, где колебания ее величины меньше.⁷ В процессе развития теории риска американским профессором страхования из Темплского университета У. Снайдером в 1955 г. впервые был предложен термин «риск-менеджмент». Однако, как наука риск-менеджмент начал приобретать свои очертания в 80-е гг. XX в.⁸

Несмотря на столь длинную историю изучения, очевидно, что до сих пор в современной науке не выработана однозначная теория риск-менеджмента. В частности, отсутствует общепринятое понимание категории «риск» как таковой. А следовательно, нет возможности организовать результативную систему идентификации, оценки социально-экономических рисков и управления ими.

Для решения этой проблемы всю совокупность теоретических позиций предлагается разделить на три группы в соответствии с тем аспектом, который ученые выделяют в качестве ключевого. В таблице 1 представлена авторская классификация научных подходов к пониманию сути риска. Проанализировав эти подходы, можно констатировать, что риск – это междисциплинарная категория, которая

⁶ Маршалл А. Принципы экономической науки. – Москва : Директ-Медиа, 2011. – 872 с.; Пигу А. С. Экономическая теория благосостояния. – Москва : Эксмо, 2008. – 864 с.

⁷ Беляев С.О. Классификация рисков: классический и неклассический подходы // Философия права. 2008. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-riskov-klassicheskiy-i-neklassicheskiy-podhody> (дата обращения: 15.06.2019).

⁸ Dionne G. Risk management: History, definition and critique. 2013.

охватывает все сферы человеческого бытия, в том числе эволюцию развития национального хозяйства, а также регионального, как его частности. Поэтому в рамках данной работы автор придерживается управленческого подхода к трактовке риска и определяет его как *деятельность, связанную с принятием управленческих решений для преодоления неопределенности в социально-экономической системе.*

Таблица 1 – Теоретические подходы к пониманию категории «риск»

Подход	Автор	Понимание сути риска
Вероятностный	Б. Бремер, П. Грабовый, Б. Кралофф, Дж. Милль, С. Петрова, В. Рудашевский, Н. Сениор, А. Смит, Й. Шумпетер и др.	Риск – это вероятность наступления событий с отрицательными последствиями в результате определенных экономических решений или действий
Доходный	Дж. М. Кейнс, М. Лапуста, А. Маршалл, Г. Мильор, Ф.Х. Найт, А. Пигу, В. Плэтт, Б. Райзберг, Л. Растрингин, П. Хейне, Н. Хохлов, Л. Шаршукова и др.	Риск – это угроза того, что предприниматель понесет потери в виде дополнительных расходов или получит доходы ниже того уровня, который он ожидал
Управленческий	В. Абчук, А. Альгин, Т. Бачкаи, Р. Качалов, А. Макаренко, Х. Маккей, Д. Мерсер, Д. Мессена и др.	Риск – это единство обязательств и индивидуально-групповых предпочтений или критериев оценки ситуации, на основе которых принимается решение. Риск – это деятельность, связанная с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели

Государственное управление рисками можно рассматривать как особую процедуру, методологически близкую к точным наукам. Любая социально-экономическая система характеризуется объективными параметрами, присущими ей в каждый конкретный момент времени. Уровень неопределённости, связанный с каждым из этих параметров, зависит от динамики внешней и внутренней среды.

С политологической точки зрения риск выступает как фактор устойчивости и легитимности государственной власти: способность государства управлять неопределённостью напрямую связана с доверием общества и уровнем политической стабильности.⁹

⁹ Easton D. A Systems Analysis of Political Life. – New York : Wiley, 1965. – 507 p.; Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. – London : Sage Publications, 1992. – 260 p.

В правовой сфере риск рассматривается как объект регулирования и надзора: нормативно-правовые акты закрепляют процедуры оценки и минимизации рисков, в том числе через механизмы стратегического планирования, бюджетного процесса и контрольных функций государства.¹⁰

С точки зрения управленческих наук риск является предметом планирования, мониторинга и оценки эффективности деятельности органов власти. В научной литературе подчёркивается, что именно интеграция риск-ориентированного подхода в систему государственного стратегического управления позволяет выстраивать адаптивные механизмы регулирования и обеспечивать баланс между долгосрочными приоритетами и текущими угрозами.¹¹ Следовательно, ключевая цель риск-менеджмента в государственном управлении заключается в выполнении миссии данной системы, состоящей в достижении её стратегических целей и задач, а также в осуществлении постоянной оценки изменения устойчивости и темпов развития экономики.

Кроме того, в системе государственного и муниципального управления риск-менеджмент представляет собой не только совокупность методов анализа и минимизации угроз, но и часть институциональной архитектуры стратегического планирования. Согласно Федеральному закону № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», именно государственные органы несут ответственность за формирование целей, прогнозирование, программирование и мониторинг социально-экономического развития.¹² Это означает, что система управления рисками должна быть интегрирована в документы стратегического планирования – стратегии социально-экономического развития, государственные программы, национальные проекты, региональные стратегии. Таким образом, риски рассматриваются не только как экономические категории, но и как управленческие

¹⁰ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 26 (ч. I). – Ст. 3378. Аузан А.А. Институциональная экономика: новые направления и приложения. – М. : Инфра-М, 2018. – 320 с.

¹¹ Hood C., Rothstein H., Baldwin R. The Government of Risk: Understanding Risk Regulation Regimes. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 236 p. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М. : Либроком, 2012 – 368 с.

¹² Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 26 (ч. I). – Ст. 3378.

параметры, от которых зависит результативность реализации государственной политики.

Особая роль в управлении рисками принадлежит бюджетно-финансовым инструментам. В научной литературе отмечается, что межбюджетные трансферты, субсидии и дотации являются не только механизмом выравнивания социально-экономического развития регионов, но и инструментом снижения рисков, вызванных асимметрией ресурсов и возможностей.¹³ В этом контексте риск-ориентированный подход к управлению предполагает увязку стратегических целей с механизмами бюджетного планирования и распределения финансовых ресурсов.

В применении к национальной экономике это означает, что уровень неопределённости должен находиться в пределах, гарантирующих устойчивое и сбалансированное развитие, сопровождаемое экономическим ростом. Иными словами, задача государства в сфере риск-менеджмента состоит в том, чтобы минимизировать воздействие рисков факторов, ведущих к экономическим потерям и социальным диспропорциям.¹⁴

Анализ нормативно-правовой базы Российской Федерации в этой части позволяет сделать вывод о том, что государственное стратегическое управление имеет устойчивую институциональную основу, однако учёт рисков в его рамках остаётся фрагментарным и недостаточно системным.

Базовым документом, определяющим содержание и механизмы стратегического управления, является Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».¹⁵ В нём закрепляется система стратегических документов – стратегии, государственные программы, прогнозы и планы, а также вводится принцип учёта внешних и внутренних факторов, способных повлиять на достижение целей социально-экономического развития. Хотя термин «риск-

¹³ Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М. : Либроком, 2012. – 368 с.; Кузнецова О.В. Региональная политика в России: институциональные механизмы и результаты. – М. : Ленанд, 2015. – 336 с.

¹⁴ Найт Ф.Х. Риск, неопределённость и прибыль = Risk, Uncertainty, and Profit. – Москва : Дело, 2003. – 360 с.; Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну = Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

¹⁵ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 26 (ч. I). – Ст. 3378.

менеджмент» напрямую не используется, закон фактически задаёт рамку для его применения в деятельности государственных органов, ориентируя на необходимость выявления и оценки угроз.

Особое место в государственной управленческой практике занимают положения Бюджетного кодекса Российской Федерации и ежегодные «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики». Именно здесь формируется понятие фискальных рисков, связанных с колебаниями цен на нефть и газ, недоимкой по налогам и долговыми обязательствами. Эти риски критически значимы, поскольку именно они обеспечивают налоговую базу и формируют значительную часть межбюджетных трансфертов.¹⁶

Особое значение в последние годы приобрели президентские указы. Так, в мае 2024 года принят Указ Президента РФ № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», который заменил Указ № 204 от 2018 года.¹⁷ В нём определены новые приоритеты государственной политики: сохранение населения, повышение уровня качества жизни, технологический суверенитет, экологическая безопасность и сбалансированное пространственное развитие. Данный документ подчёркивает необходимость интеграции рисков – демографических, социальных, экологических и технологических – в систему стратегического управления, поскольку именно они формируют угрозы достижению национальных целей.

В развитие этого документа Правительство РФ в декабре 2024 года утвердило единую «Стратегию пространственного развития Российской Федерации до 2030 года с прогнозом до 2036 года» (распоряжение № 4146-р от 28.12.2024).¹⁸ В ней отражены ключевые направления пространственной политики, акцент сделан на выравнивании условий развития и предотвращении усиления межрегиональных

¹⁶ Бюджетный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.; Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 20. – Ст. 2817.

¹⁷ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 20. – Ст. 3290.

¹⁸ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 1. – Ст. 74.

диспропорций. Хотя категория «риск» используется ограниченно, логика документа напрямую связана с риск-ориентированным подходом, предполагающим предотвращение депопуляции, снижение социально-экономических диспропорций и обеспечение экологической безопасности.

Отдельным инструментом является Единый план достижения национальных целей до 2030 года, утверждённый в 2024 году.¹⁹ Он выступает как механизм координации и мониторинга, включающий целевые индикаторы и систему оценки факторов, способных затруднить достижение намеченных результатов. Этот документ является шагом в сторону институционализации риск-менеджмента в стратегическом управлении, так как предполагает регулярную корректировку мероприятий с учётом меняющихся условий.

Наряду с этим продолжают действовать государственные программы, такие как «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности», «Экономическое развитие и инновационная экономика», «Развитие науки и технологий». В них риски обозначаются в качестве «условий и ограничений» реализации (санкционное давление, сырьевые колебания, технологическая зависимость). Однако по-прежнему они чаще рассматриваются в декларативной форме, без полноценной интеграции в механизмы планирования.²⁰

В совокупности рассмотренные документы подтверждают, что государственное стратегическое управление в России институционально закреплено и развивается в направлении интеграции элементов риск-менеджмента. Однако учёт рисков остаётся выборочным и пока не встроен в целостную управленческую систему.

В отличие от российской практики, где учёт рисков в стратегических документах пока носит во многом декларативный и фрагментарный характер, международный опыт демонстрирует гораздо более системное встраивание риск-ориентированного подхода в государственное стратегическое управление. В основе этого подхода лежит реализация Целей устойчивого развития (ЦУР), утверждённых

¹⁹ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 г. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view>

²⁰ Государственная программа РФ «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности»: утв. постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 328 (ред. от 30.12.2022). URL: <https://frprf.ru/download/gosrp.pdf>

Генеральной Ассамблеей ООН на период до 2030 года, которые закрепили необходимость интеграции экономических, социальных и экологических факторов в единую стратегическую рамку.²¹ На уровне государственной политики это означает, что риски в демографической, социальной и экологической сферах должны рассматриваться не как внешние ограничения, а как системные факторы, определяющие возможности долгосрочного развития.

Эта логика была использована в практической деятельности ведущих международных организаций. Так, в отчёте OECD «Government at a Glance 2025» подчёркивается, что «зелёное» бюджетирование становится одним из ключевых инструментов управления устойчивым развитием. Более двух третей стран – членов организации уже интегрировали климатические и экологические цели в процессы бюджетного и стратегического планирования.²² Тем самым риски экологической деградации, технологического отставания и неравномерного пространственного развития рассматриваются через призму достижения ЦУР, прежде всего ЦУР 8 («Достойная работа и экономический рост»), ЦУР 10 («Сокращение неравенства»), ЦУР 11 («Устойчивые города и населённые пункты»).

Значительные шаги предприняты и в сфере публичной отчётности. Совет по международным стандартам учёта для государственного сектора (IPSASB) в 2025 году представил проект первого стандарта раскрытия климатических рисков для государственного сектора и включил в актуализированный «Handbook of International Public Sector Accounting Pronouncements» положения, предусматривающие отчётность как для деятельности государственных органов, так и для публичных программ.²³ Включение раскрытия климатических и социальных рисков в систему публичной отчётности является отражением принципа подотчётности государств обществу в достижении ЦУР.

²¹ Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development : Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015, A/RES/70/1. – New York : United Nations, 2015. – 41 p

²² OECD. Government at a Glance 2025. – Paris : OECD Publishing, 2025. – 290 p. – DOI: 10.1787/9789264303072-en; OECD. Governing for the Green Transition // Government at a Glance 2025. – Paris : OECD Publishing, 2025. – P. 120-146.

²³ International Public Sector Accounting Standards Board (IPSASB). 2025 Handbook of International Public Sector Accounting Pronouncements. – New York : IFAC, 2025. – 2 vol.

Таким образом, международная практика переходит от декларативного упоминания рисков к их институционализации в стратегическом планировании, бюджетировании и отчётности. Опыт ОЭСР, ЕС, ООН и IPSASB показывает, что именно устойчивое развитие и реализация ЦУР становятся ядром риск-ориентированного государственного управления. На этом фоне особенно очевидным становится, что российская система стратегического управления нуждается в дальнейшем совершенствовании: необходимо переходить от формального признания угроз к созданию комплексного механизма, обеспечивающего баланс между экономическими приоритетами и социально-экологическими задачами управления.

При этом необходимо учитывать, что риск-ориентированность государственного стратегического управления проявляется именно на макроуровне – во взаимодействии Федерации и субъекта Федерации. Национальные приоритеты задают рамочные ориентиры, но специфика рисков и их интенсивность дифференцированы в зависимости от регионального профиля, что, безусловно, требует адаптивного инструментария управления и гибкой системы государственного регулирования, которая учитывает специфику каждого типа регионов.

Поэтому обращение к категории «регион» представляется принципиально необходимым. С одной стороны, регион выступает в качестве объекта управления, в пределах которого реализуются государственные стратегии развития и антикризисные меры. С другой стороны, он является самостоятельным субъектом социально-экономических процессов, обладающим специфическими характеристиками, ресурсным потенциалом и рисковым профилем. Анализ дефиниции «регион» позволяет уточнить не только понятийный аппарат исследования, но и задать методологические основы для оценки и управления рисками на макроуровне, где формируется баланс между национальными приоритетами и территориальными интересами.

В частности, В. Лексин и А. Шевцов рассматривают регион как ключевой объект государственного управления, подчёркивая влияние социально-экономической

неоднородности и территориальных рисков на устойчивое развитие страны.²⁴ В работе М. Сторпера показано, что именно регионы являются пространствами, где наиболее интенсивно проявляются эффекты неопределённости и рисков, связанные с глобализацией и асимметричным развитием.²⁵

Необходимо отметить, что на сегодняшний день в научной литературе можно выделить три подхода к пониманию сущности региона: территориальный, территориально-административный и системный. Кратко они рассмотрены в таблице 2. В приложении 1 к диссертационной работе представлен углубленный анализ теоретических подходов к пониманию сущности региона, который позволил принять за основу в качестве такового в рамках данного исследования *социально-хозяйственную систему, обладающую границами субъекта Федерации и характеризующуюся целостностью, комплексностью, отраслевой специализацией в процессе своего функционирования и необходимостью постоянного совершенствования процессов государственного стратегического управления на принципах риск-менеджмента*. Именно понимание региона как социально-хозяйственной системы отождествляет его с жизнедеятельностью социума, выделяя главенствующую роль человека в процессе экономического развития территории и актуализируя решение вопросов воспроизводства социальной жизни.

В условиях государственного стратегического управления важно учитывать, что регион – это не только социально-экономическая система, но и территориальный субъект управления, обладающий собственными органами власти. Это означает, что риск-ориентированные механизмы должны быть институционально закреплены в практике регионального стратегического планирования от этапа разработки программ социально-экономического развития до реализации отраслевых и инфраструктурных проектов. Как подчёркивает Н. Зубаревич, игнорирование

²⁴ Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М. : Либроком, 2012. – 368 с.

²⁵ Storper M. The Regional World: Territorial Development in a Global Economy. – New York : Guilford Press, 1997. – 338 р.

региональной специфики ведёт к усилению социально-экономической поляризации и росту рисков территориальной фрагментации.²⁶

Таблица 2 – Основные подходы к пониманию понятия «регион»

	Автор	Содержание подхода
<i>Территориальный подход</i>	А. Гранберг, С. Глазьев, Н. Некрасов, В. Видяпин, М. Степанов, Э. Алаев, П. Джеймс, Дж. Мартин, В. Джонс, Р. Хартсон, Р. Платт и др.	Содержание дефиниции «регион» раскрывается через территориальные особенности определенного участка, обозначенные авторами как однородность и общность условий. Сочетание природных и экономических факторов региона создает однородность его экономической и социальной структуры. При этом укрепление социально-экономической однородности на всей территории государства является важной задачей и целью развития экономики регионов страны
<i>Территориально-административный подход</i>	В. Игнатов, В. Бутов, М. Шаймиев, Л. Романова, В. Лексин, А. Швецов и др.	В рамках данного подхода регион рассматривается как территориальная единица, имеющая свой орган власти, избираемый им самостоятельно, а также права и обязанности, закрепленные за ней на законодательной основе. Таким образом, особое значение в рамках данного подхода к пониманию региона имеет наличие региональной власти, базовой функцией которой является регулирование экономики региона. Ее взаимодействия с органами федеральной власти, а также участие в формировании различных межрегиональных экономических отношений (например, в рамках межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия) обеспечивает функционирование региональных экономик в системе национального хозяйства
<i>Системный подход</i>	В. Ходачек, А. Маршаллов, А. Новосёлов, Б. Родоман, В. Сухоруков, Г. Черкашин, А. Гаврилов, А. Добрынин, В. Смирнов и др.	В рамках данного подхода под регионом понимают либо хозяйственную систему, создающую связи и взаимодействия предприятий, которые локализованы на конкретной территории, либо социально-экономическую систему с законченным специфическим циклом воспроизводства

В условиях современного государственного управления ключевым ориентиром при определении направлений управления регионом выступает учет интересов населения. Итоговый результат функционирования любой территории проявляется не столько в показателях регионального валового продукта или инвестиционной активности, сколько в создании условий для устойчивой и эффективной занятости, повышения уровня качества жизни граждан, обеспечения социальной и экологической безопасности, формирования благоприятной среды для воспроизводства

²⁶ Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М. : Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.

населения, а также для развития образования, культуры и сохранения этнокультурного своеобразия. Именно эти параметры в совокупности определяют устойчивость и жизнеспособность региональной социально-экономической системы.

Исходя из такого понимания сущности региона как объекта государственного управления, представляется возможным выделить ряд факторов, формирующих основы стратегического управления им. Эти факторы неразрывно связаны с рисковыми характеристиками территории и задают вектор для разработки и реализации эффективной региональной политики.

Первый – природно-климатический фактор, обусловленный географическим положением Российской Федерации и протяженностью ее границ. Регионы страны значительно различаются неравномерностью распределения природных ресурсов, а также природно-климатическими условиями жизнедеятельности населения, что оказывает непосредственное влияние на потребительские предпочтения людей и их структуру.²⁷

Второй – инновационно-технологический фактор, обусловлен неравномерностью научно-технологического потенциала территорий и наличием диспропорций в экономическом развитии и инвестиционном потенциале территорий. Это обусловлено реализацией целенаправленной адресной поддержки базовых отраслей промышленности и программ, действующих в рамках приоритетных направлений развития национальной экономики. Территории, обладающие «актуальной» отраслевой структурой экономики, в данном случае испытывают непосредственное социально-экономическое развитие и являются более привлекательными с точки зрения трудовой миграции.²⁸

²⁷ Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: Проблемы и тенденции переходного периода. – Москва : Ленанд, 2023. – 288 с.; Рыбаковский О.Л. Климатический фактор в демографии регионов России (2017–2023 гг.) // Народонаселение. 2025. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klimaticheskij-faktor-v-demografii-regionov-rossii-2017-2023-gg>; Минкин А.А. Приоритеты регионального стратегирования: роль и детерминанты климатической повестки // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prioritety-regionalnogo-strategirovaniya-rol-i-determinanty-klimaticheskoy-povestki>.

²⁸ Десятниченко Д.Ю., Каранатова Л.Г., Москаленко В.Н. Инвестиционный потенциал региона как фактор достижения технологического суверенитета в ключевых отраслях экономики России // Экономика и управление. 2024. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnyy-potentsial-regiona-kak-faktor-dostizheniya-tehnologicheskogo-suvereniteta-v-klyuchevyh-otraslyah-ekonomiki-rossii>; Никитская Е.Ф. Пространственная неравномерность инновационного развития макрорегионов и регионов России // Федерализм. 2020 №4. С. 68-89.

Третий – социальный фактор, обусловлен уровнем развития человеческого капитала, который участвует в ходе производства, распределения, обмена и потребления. Такие его составляющие как знание, образование, потребительское поведение, культура предпринимательства и традиции обеспечивают инновационные направления развития экономики территории и укрепляют существующие. Чем выше уровень развития человеческого капитала, тем интенсивнее и самостоятельнее может осуществляться развитие региона.²⁹

Четвертый – институциональный фактор, обусловлен глобальной, страновой и региональной системами регулирования управления территориями, которые формируют нормативно-правовую базу хозяйственной деятельности, отношение к собственности, государственно–частное партнерство, бюджетное взаимоотношение с другими регионами и федеральным центром, а также социально-экономический менталитет территории.³⁰

Пятый – экологический фактор, обусловлен взаимосвязью между промышленной и социальной политиками, реализуемыми в регионе, в самом широком их представлении. Условия окружающей среды оказывают влияние на уровень качества жизни людей³¹, воздействуя на уровень здоровья населения посредством загрязнения воздуха и воды, вредных веществ и шума или посредством изменения климата, углеродного цикла и круговорота воды, сокращения биологического разнообразия и природных катастроф, которые влияют на здоровье экосистемы в

²⁹ Адова И.Б., Калошина Т.В. Человеческий капитал как основа эндогенного социально-экономического развития региона // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16. – № 2. – С. 787-802. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-kak-osnova-endogennogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-regiona>; Карелин И.Н., Гаткин О.С., Цыбина И.Ю. Оценка эффективности использования человеческого капитала в регионах России // Развитие территорий. – 2022. – № 3. – С. 43-53. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-ispolzovaniya-chelovecheskogo-kapitala-v-regionah-rossii>; Базуева Е.В., Родионова Л.Л. Эконометрическая оценка влияния социальных индикаторов на динамику регионального экономического роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13. – № 2. – С. 56-70. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonometricheskaya-otsenka-vliyaniya-sotsialnyh-indikatorov-na-dinamiku-regionalnogo-ekonomicheskogo-rosta>; Мухаметова А.Д. Сценарии регионального экономического развития на основе использования человеческого капитала региона // Экономика. Информатика. – 2024. – Т. 51. – № 1. – С. 32-42. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stsenarii-regionalnogo-ekonomicheskogo-razvitiya-na-osnove-ispolzovaniya-chelovecheskogo-kapitala-regiona>

³⁰ Дорошенко С.В., Шорохова И.С. Институциональные эффекты и инновационное развитие регионов России // Пространственная экономика. 2023. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-effekty-i-innovatsionnoe-razvitiye-regionov-rossii>.

³¹ Стиглиц Дж.Ю., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / пер. с англ. И. Кушнаревой; науч. ред. перевода Т. Дробышевская. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 216 с.

целом. Это, в свою очередь, оказывает влияние на выбор людьми места жительства, а значит и на наличие и качество социально-трудового потенциала территории.

Учитывая ключевую роль обозначенных факторов в обеспечении устойчивой экономической динамики, их учет и интеграция должны рассматриваться как обязательное условие эффективного государственного управления регионом. Именно на их основе формируется способность региональной власти разрабатывать и реализовывать комплексные меры социально-экономической политики, обеспечивающие баланс между интересами населения и стратегическими приоритетами государства.

В настоящее время можно выделить различные классификации и типологии регионов, наиболее полно представленные на рисунке 1, что позволяет выявить базовые параметры их развития и определить институциональные основания государственного регулирования.

Рисунок 1. Классификация регионов³²

Однако, как подчёркивается в трудах В. Лексина и А. Швецова, универсальные схемы территориального деления не отражают всей полноты специфики региональных систем и требуют выделения особых категорий регионов, обладающих

³² Рисунок составлен на основе источника: Кистанов В.В., Копылов Н.В. Региональная экономика России: Учебник. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 584 с. ил. С. 74-82.

системообразующим значением для экономики страны.³³ В отечественной научной традиции также отмечается, что именно индустриальные регионы формируют «каркас» национального хозяйства и в наибольшей степени определяют динамику макроэкономического развития, одновременно концентрируя в себе ключевые социальные и экологические риски.³⁴ В этой связи обращение к государственному управлению промышленным регионом как объекту анализа представляется методологически оправданным и позволяет сосредоточить внимание на территориях, где наиболее наглядно проявляются вызовы для системы государственного стратегического управления.

Выбор в качестве объекта анализа именно промышленных регионов обусловлен их особой ролью в современной социально-экономической и геополитической повестке Российской Федерации. В условиях внешнеэкономических ограничений, необходимости обеспечения технологического суверенитета и реализации политики импортозамещения индустриальные территории становятся ключевыми пространствами концентрации производственного, кадрового и инновационного потенциала страны. На их базе формируются отраслевые кластеры, реализуются инфраструктурные проекты федерального уровня и закладываются основы так называемой «новой индустриализации».³⁵

Однако высокая концентрация производственного и социального потенциала делает промышленные регионы наиболее уязвимыми к проявлению социально-экономических рисков. Они проявляются в виде структурных диспропорций и технологических разрывов, экологических ограничений и социальных вызовах. В научной литературе подчёркивается, что индустриальные территории становятся индикаторами успешности реализации национальной промышленной политики и

³³ Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М. : Либроком, 2012. – 368 с.

³⁴ Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. – М. : ГУ ВШЭ, 2004. – 495 с.; Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М. : Независимый институт социальной политики, 2010. – 288 с.

³⁵ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2035 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 8. – Ст. 776.

проводимой стратегии технологического развития, а их нестабильность способна подорвать устойчивость экономики страны в целом.³⁶

Международная практика подтверждает этот вывод: по данным OECD именно индустриальные регионы концентрируют основные технологические и социальные риски, а реализация Целей устойчивого развития ООН требует их приоритетного включения в государственную стратегическую политику.³⁷

Исходя из этого, становится очевидным, что традиционные механизмы риск-менеджмента, ориентированные на реагирование по факту наступления угроз, оказываются недостаточными для обеспечения устойчивости промышленного региона.³⁸ Достижение стратегических целей требует иной логики управления, выраженной в парадигме превентивного риск-менеджмента, а также основанной на прогнозировании и заблаговременной минимизации угроз. Сравнительные характеристики действующей и предлагаемой парадигм представлены в таблице 3.

Исходя из этого, государственная политика превращается в систему превентивного риск-менеджмента, т.е. в комплекс правил по принятию государственных решений в сфере управления рисками, возникающими в обществе, с помощью специализированных экономических инструментов. Парадигма превентивного риск-менеджмента основана на теории интегративного управления, в соответствии с которой субъект управления осуществляет навигацию по рисковым ландшафтам. Траектория движения объекта управления представляет собой стратегию навигации для стабильного развития субъектов РФ и устойчивого общестранового экономического роста, а также тактику навигации в виде задач, решаемых для достижения стратегической цели с использованием методического инструментария прогнозирования, превентивно минимизирующего риски. В таблице 3 жирным шрифтом

³⁶ Новая индустриализация России. Теоретические и управленческие аспекты: Коллективная монография / под научн. ред. д.э.н. Н.Ф. Газизуллина. – СПб. : НПК «РОСТ», 2014. – 237 с.; Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма / под ред. А.Я. Рубинштейна, А.Е. Городецкого, Р.С. Гринберга. – СПб.: Алетей, 2020 – 424 с.

³⁷ OECD. Framework for the Governance of Infrastructure Risk. – Paris : OECD Publishing, 2014. – 68 p.; Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development : Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015, A/RES/70/1. – New York : United Nations, 2015. – 41 p.

³⁸ OECD. Risk Management and Governance: Integrating Risk and Resilience into Policymaking. – Paris : OECD Publishing, 2014. – 198 p.

выделены сравнительные преимущества предлагаемой автором парадигмы превентивного управления над действующей парадигмой риск-менеджмента.

Таким образом, анализ исторических и современных подходов к риск-менеджменту, а также институциональных рамок стратегического управления в России и за рубежом позволяет заключить, что государственное стратегическое управление промышленными регионами должно опираться не на фрагментарный учёт угроз, а на целостный механизм их прогнозирования и предотвращения. Особая роль здесь принадлежит именно промышленным регионам, поскольку они аккумулируют наиболее острые экономические, социальные, экологические и институциональные риски, напрямую определяющие устойчивость национального развития.

Таблица 3 – Сравнительные характеристики парадигм риск-менеджмента

Признак	Действующая парадигма риск-менеджмента	Парадигма превентивного риск-менеджмента
Модель риск-менеджмента	Каждый субъект управляет рисками самостоятельно	Система управления рисками реализуется централизованно и координируется управляющим органом
Тип процесса управления рисками	Эпизодический	Непрерывный
Цель управления рисками	Повышение конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности отрасли, региона, государства	Повышение благосостояния населения
Характер управления	Управление постфактум	Превентивное сценарное прогнозирование
Объект риск-менеджмента	Прежде всего, страхуемые и финансовые риски	Весь спектр рисков
Рыночная ориентация	Приоритет внешних рынков	Приоритет внутренних рынков
Интегративный эффект	Экономический	Социально-экономический

Именно в этом заключается методологическое значение проведённого анализа, который позволил сформировать направление дальнейшего исследования, определяя необходимость поиска таких моделей государственного управления, которые одновременно учитывают специфику промышленного развития и риск-ориентированную природу современной экономики промышленных регионов. Логичным продолжением является рассмотрение современных концепций и подходов к

государственному стратегическому управлению промышленными регионами в условиях социально-экономических рисков, чему посвящен следующий параграф диссертации.

1.2. Современные концепции государственного стратегического управления промышленным регионом

В настоящее время можно выделить две основные концепции государственного управления промышленным регионом, интегрирующие в себе несколько методологических подходов к описанию логики этого процесса и определяющие его ценностные ориентиры: индустриальная и социально ориентированная концепции. При этом *под ценностью понимается полезность, которую обеспечивают материальные и нематериальные блага хозяйствующим субъектам.*³⁹

Сравнительный анализ этих концепций позволяет выявить как сильные стороны, так и ограничения, а также определить направления дальнейшего совершенствования механизма государственного стратегического управления промышленным регионом в условиях возрастающей неопределённости. При этом данные концепции не противопоставляются друг другу, а представляют собой логически взаимосвязанные и взаимодополняющие элементы управленческой парадигмы: индустриальная концепция формирует базу технологического развития, тогда как социально-ориентированная концепция, расширяя индустриальную, задаёт его содержательные и ценностные ориентиры. Такое сочетание позволяет рассматривать их не как альтернативные, а как последовательные этапы становления риск-

³⁹ Бём-Баверк Е. Основы теории ценности хозяйственных благ // [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.finbook.biz/description2.html?prm=119> (дата обращения: 17.02.2013 г.).

ориентированного подхода к государственному стратегическому управлению промышленными регионами.

Индустриальная концепция управления промышленным регионом основана на теориях инновационного развития, структурно-инновационного регионального развития и полюсов роста. В соответствии с ней управление промышленным регионом понимается через призму внедрения инноваций и технологий, как основного главенствующего условия для достижения экономической результативности индустриализации, что обусловлено историческим этапом ее зарождения при отсутствии нравственных общественных отношений в области материального труда и минимальной ролью самого человека в процессе труда. Люди представляли собой только лишь обезличенные орудия производства и эксплуатации.⁴⁰ Поэтому экономическая деятельность хозяйствующих субъектов утверждалась как самостоятельная, а ее результаты должны были обеспечить следующую ступень развития национальной экономики.⁴¹

В рамках рассматриваемой концепции не был обеспечен полноценный учёт факторов, дифференцирующих социально-экономические результаты регионов, что снижало эффективность государственного регулирования. Отсутствие системного анализа влияния региональных условий на промышленное производство приводило к принятию управленческих решений о перераспределении ресурсов без достаточной аргументации и слабо учитывающих специфику территорий. В результате механизмы государственного управления носили ограниченный характер, так как опирались преимущественно на усреднённые показатели, не позволяющие сформировать адресные инструменты поддержки промышленного развития регионов.

Отсутствие проявления социальной ответственности со стороны власти и бизнеса обусловило возникновение противоречий между технологическим развитием промышленного производства и необходимостью его социально ориентированной

⁴⁰ Лавров В.Н. Воспроизводство природной среды: источники, структура и эффективность. – Томск: Изд-во Том. Унта, 1993. – 212 с. С. 15; Лихачев Д.С. Экология культуры // Экология и жизнь. 2012. №6 (127). С. 37-39.

⁴¹ Собрание сочинений и писем: В 15 т. / В.С. Соловьев; [Под ред. С.М. Соловьева, Э.Л. Радлова]. – [Репринт. изд.]. – М.: Логос, 1993. 413 с. С. 359-360.

модернизации, учитывающей потребности населения в условиях интенсификации промышленного комплекса. Данная проблема усугубилась региональной дифференциацией условий труда, уровня качества жизни и благосостояния, что проявляется в значительных различиях макроэкономических параметров субъектов РФ. Как показывает статистика, регионы отличаются по численности и заболеваемости населения, степени социального неравенства, уровню среднедушевых доходов и безработицы.⁴² Для государственного стратегического управления это означает, что рассматриваемая концепция не обеспечивает механизмов идентификации и анализа социально-экономических рисков, возникающих вследствие асимметрии территориального развития. В итоге отсутствует необходимый управленческий инструментарий, позволяющий формировать адресные меры государственной политики в промышленной сфере и снижать риски углубления межрегионального неравенства.

Эти обстоятельства также усугублялись социально-экономическими диспропорциями развития территорий, сложившимися в XIX-XX вв. под влиянием прошедших мировых войн и административно-командной системы управления национальной экономикой, развитие которой было основано на технологических и инновационных преобразованиях в сфере производства в результате принятия директивных управленческих решений руководством страны. Изменить данное положение было возможно путем реализации жестких мер, ориентированных на технологические и инновационные преобразования в сфере производства. Благодаря им правительство СССР могло быстро реагировать на риски, возникающие в национальном хозяйстве из-за социально-экономических диспропорций, понижая их уровень до приемлемой величины, и гарантировать стабильное экономическое развитие домохозяйств и страны в целом, перераспределяя производительные силы по регионам в рамках централизованной системы планирования.

В конце 20-х гг. XX в. проблема промышленной модернизации и повышения общего уровня индустриализации страны могла решиться только путём импорта

⁴² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. / Росстат. М., 2024.

современной технологии с Запада. Таким образом, в это время развитие национальной экономики во многом зависело от исторически сложившейся структуры международного разделения труда и международного цикла производства.⁴³ Однако, несмотря на этот рискованный фактор, в 30-е гг. произошел промышленный рывок, что подтверждается официальной статистикой. Так, например, за период 1928-1955 гг. производство электроэнергии увеличилось в 34 раза, произошел рост производства стали в 11 раз, добычи нефти в 6 раз. А за период 1928-1985 гг. производство электроэнергии увеличилось в 308 раз, рост производства стали составил 36 раз, добычи нефти в 51 раз и т.д.⁴⁴

Удержать лидирующие позиции в области промышленного производства государству позволила ориентация руководства на быстрое развитие отечественных технологий и создание новой техники, что повлекло за собой активное развитие и обновление всех отраслей хозяйственного комплекса. Ключевым инструментом этого процесса стало централизованное государственное стратегическое управление промышленными регионами, которое не только задавало приоритеты технологического развития, но и обеспечивало институциональную координацию между центром и территориями. Именно благодаря выстроенной системе управления удалось создать собственную научно-техническую базу, коренным образом изменившую траекторию технологического развития страны. Уже к концу 1930-х гг. импортные технологии были заменены на отечественные за счёт приоритетного развития образования и науки, формирования сети конструкторских бюро и концентрации ресурсов в ключевых индустриальных центрах. Это создало условия для запуска собственных инновационных проектов, в дальнейшем приведших к созданию первой в мире атомной электростанции и пионерному выходу в космос.⁴⁵

Усиление региональной промышленной специализации потребовало её обязательного учёта в рамках системы государственного стратегического управления,

⁴³ Оценка и прогноз социально-экономических последствий технологического развития Урала. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2004. С. 23-24.

⁴⁴ Кутузов И.А. и др. 1987. Атлас географический справочный. М. Главное управление геодезии; Народное хозяйство СССР. 1922-1982: Юбилейный статистический сборник. М.: Статистика и финансы, 1982. С. 52.

⁴⁵ Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма / под ред. А.Я. Рубинштейна, А.Е. Городецкого, Р.С. Гринберга. – СПб.: Алетейя, 2020 – 424 с.

поскольку именно это обеспечивало возможность адаптировать общенациональные цели к специфике отдельных территорий. Управленческие механизмы, выстроенные на основе региональных конкурентных преимуществ, позволили повысить производительность труда, стимулировать развитие профессиональных компетенций населения и максимально освоить природный потенциал на базе внутренних, а не заёмных ресурсов. В результате к концу 1930-х годов государственная промышленная политика, основанная на стратегическом управлении промышленными регионами, обеспечила не только восстановление утраченных в период Гражданской войны позиций, но и закрепила лидерство СССР по сравнению с ведущими индустриальными державами.⁴⁶

Таким образом, именно централизованное стратегическое управление промышленными регионами стало ключевым фактором компенсации начального отставания, обеспечив модернизацию экономики и сформировав институциональные предпосылки для последующей ускоренной индустриализации.

Данная управленческая концепция была последовательно укреплена в 1950-1970-е гг., когда российское государство решало двойную задачу: ликвидацию последствий Второй мировой войны и обеспечение национальной безопасности в условиях холодной войны. Централизованное стратегическое управление промышленными регионами, выступая ключевым инструментом, позволило государству сосредоточить ресурсы на приоритетных направлениях развития. Прежде всего речь шла о ресурсоёмких отраслях, связанных с созданием атомного оружия и ракетной техники, масштабной автоматизацией технологических процессов (в 1946 г. была пущена первая автоматическая линия, в 1948 г. автоматизировано управление 25 крупнейшими ГЭС, в 1949 г. введён в строй первый завод по производству автоматов), разработкой и внедрением новейшей вычислительной техники (в 1950 г. создана первая отечественная ЭВМ), освоением космоса (в 1957 г. запущен

⁴⁶ Селищев А.С. Макроэкономика. 3-е изд. – СПб.: Питер, 2005. С. 422.; Nove A. An Economic History of the USSR, 1917–1991. – 3rd ed. – London : Penguin Books, 1992. – 474 p.

первый в мире спутник Земли, в 1961 г. – первый человек в космосе), а также газификацией страны.⁴⁷

Подобная государственная стратегия сопровождалась созданием новых промышленных узлов и моногородов (Трёхгорный, Лесной, Обнинск, Снежинск и др.), что усилило пространственную концентрацию промышленного производства и придало новый импульс региональной промышленной специализации. В результате сформировалась система, в которой государственное стратегическое управление обеспечивало одновременно оборонные приоритеты, технологическую модернизацию и структурное закрепление региональных конкурентных преимуществ.

Общим экономическим итогом промышленного рывка стало самостоятельное решение трёх системных задач, которые были реализованы исключительно благодаря эффективному государственному управлению промышленными регионами.

Во-первых, на уровне государственного стратегического управления регионами была обеспечена задача восстановления народного хозяйства. Она включала не только возобновление производственных мощностей, но и целенаправленное размещение ресурсов на территории отдельных индустриальных центров. Именно через региональное управление удалось увязать восстановление производства с удовлетворением потребностей населения в высококачественной продукции, повышением уровня занятости и формированием предпосылок для гармоничного развития человеческого капитала. Важным направлением стала поддержка бытового обслуживания и культурно-образовательной сферы, которые встраивались в региональные стратегии как инструмент социального обеспечения устойчивости территорий.⁴⁸

Во-вторых, государственное стратегическое управление промышленными регионами сыграло определяющую роль в инициировании и координации

⁴⁷ Оценка и прогноз социально-экономических последствий технологического развития Урала. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2004. С. 21-23.

⁴⁸ Куницына Н.Н. Зависимость неформальной занятости от уровня доходов населения российских регионов: уроки пандемии // Экономика региона. 2023. Т. 19, вып. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zavisimost-neformalnoy-zanyatosti-ot-urovnya-dohodov-naseleniya-rossiyskih-regionov-uroki-pandemii/pdf>; Михеева Н.Н. Адаптация пространственной структуры российской экономики к внешним шокам // Проблемы прогнозирования. 2023. № 6(201). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-prostranstvennoy-struktury-rossiyskoy-ekonomiki-k-vneshnim-shokam>; Зубаревич Н.В. Регионы России в конце 2023 г.: удалось ли преодолеть кризисный спад? // (статья). 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regiony-rossii-v-kontse-2023-g-udalos-li-preodolet-krizisnyy-spad>

технологических прорывов. В промышленную практику внедрялись наукоёмкие и ресурсосберегающие технологии, развивались автоматизированные системы управления производственными процессами и технологическими цепочками. При этом именно региональный уровень становился площадкой для апробации новых технологий и концентрации кадровых и инфраструктурных ресурсов. Это свидетельствует о формировании ранних институциональных основ риск-ориентированного управления, когда государство снижало чувствительность экономики к технологическим рискам путем целенаправленного управления развитием промышленных территорий.⁴⁹

В-третьих, важнейшее значение имело обеспечение оборонной безопасности страны через развитие военно-промышленного комплекса. Здесь государственное стратегическое управление проявилось в жёсткой региональной специализации, позволившей сконцентрировать ресурсы в ключевых оборонных центрах и выстроить систему межрегионального разделения труда. Такая территориальная логика управления превратила отдельные регионы в опорные точки национальной безопасности и индустриального развития, что подчёркивает роль регионального уровня как стратегического элемента общей системы государственного управления.⁵⁰

Таким образом, именно государственное стратегическое управление промышленными регионами позволило не только решить задачи восстановления, модернизации и обороны, но и институционально закрепить регион как базовую управленческую единицу индустриальной политики СССР.

Не смотря на очевидные преимущества, крупным недостатком сложившейся системы управления явилось отсутствие одного из важнейших ее элементов – анализа уровня качества жизни населения, низкий показатель которого мог послужить

⁴⁹ Синтез в экономической теории и экономической политике. Колл. монография / Под общей ред. В.И. Маевского и С.Г. Кирдиной-Чэндлер. М.: ИЭ РАН, 2022. – 444 с.

⁵⁰ Свиридов А.С. Организационные основы управления региональной промышленностью в контексте задач укрепления обороноспособности России // Экономика и бизнес. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-osnovy-upravleniya-regionalnoy-promyshlennostyu-v-kontekste-resheniya-zadach-ukrepleniya-oboronosposobnosti-rossii>; Америкланова А.Н. Мировая практика применения мер государственной поддержки организаций оборонно-промышленного комплекса. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovaya-praktika-primeneniya-mer-gosudarstvennoy-podderzhki-organizatsiy-oboronno-promyshlennogo-kompleksa>

источником целого комплекса социально-экономических рисков, в сфере потребительского спроса и воспроизводства рабочей силы как одного из главных факторов экономического роста.

В настоящее время индустриальная концепция государственного управления промышленным регионом существенно расширилась. Фактически произошло размывание отраслевых границ за счет межотраслевого кооперирования в целях создания конкурентоспособной промышленной продукции, что обусловило формирование конкурентоспособной региональной экономики.⁵¹ Базовым ориентиром развития данной концепции является интеллектуализация основных факторов производства, а также производство, распределение и использование знаний и информации.

Управление промышленным регионом в рамках данной концепции, осуществляется на методологической основе, интегрирующей в себе проектный (программный), интеграционно-предпринимательский и институциональный подходы к формированию механизмов его реализации.

1. Проектный (программный) подход в государственном стратегическом управлении промышленным регионом предполагает концентрацию управленческих усилий на выборе и реализации приоритетных промышленных проектов и программ. Приоритетность таких инициатив определяется, с одной стороны, уровнем конкурентоспособности ключевых видов экономической деятельности и динамикой их развития, а с другой – способностью конкретной территории аккумулировать и эффективно использовать новые инвестиционные потоки. Особенностью данного подхода является трансформация отраслевого видения в пространственно-территориальное, что позволяет учитывать промышленную специализацию региона и интегрировать её в общую стратегию. При этом проекты дифференцируются по своему статусу. Проекты «текущего развития» направлены на обеспечение доминирования промышленности на внутреннем и внешнем рынке в краткосрочной перспективе, тогда как проекты «будущего развития» формируют основу для

⁵¹ Шаккум М. Национальная промышленная политика в свете присоединения России к ВТО // Промышленная политика в Российской Федерации. 2007. №1. С. 4.

создания промышленных конгломератов, способных в долгосрочной перспективе завоевывать позиции на глобальных рынках. Для государства такой подход становится инструментом системной координации региональных ресурсов, управления рисками и обеспечения устойчивой интеграции региональной промышленности в национальную стратегию развития.

2. Интеграционно-предпринимательский подход – обеспечивает структурные изменения экономики регионов за счет интеграционного межотраслевого взаимодействия предприятий, обуславливающего формирование региональных промышленных кластеров, стимулируя процесс экономической модернизации территории.

Базовым инструментом данного подхода выступают промышленные кластеры, играющие непосредственную роль полюсов регионального экономического роста. Когда один или несколько экономических субъектов достигают конкурентоспособности на рынке, они распространяют свое влияние на ближайшее окружение: поставщиков, потребителей, конкурентов. В свою очередь, успехи окружения оказывают положительное влияние на дальнейший рост конкурентоспособности данного экономического субъекта. В итоге формируется региональная кластерно-сетевая структура, во многом основанная на системе сложившихся хозяйственных взаимосвязей, сформировавшихся в региональном промышленном производстве, в силу специализации которого проявляется эффект преимущества в издержках, приводя к росту конкурентоспособности элементов данной структуры.

Данный подход, по мнению Д. Хаага, обуславливает создание индустриального комплекса на базе локальной концентрации основных производителей кластера в одном регионе, но при этом максимально использующего природный, кадровый и интеграционный потенциалы соседних территорий. По такой принципиальной схеме полностью кластеризована датская, финская, норвежская и шведская промышленность. Успешно функционируют отдельные кластеры в Германии (химическая промышленность и машиностроение); во Франции (пищевая и

парфюмерно-косметическая промышленность); в Сингапуре (нефтехимическая промышленность), в Японии (автомобилестроение).⁵²

Мировое научное сообщество актуализирует интеграционно-предпринимательский подход к управлению промышленным регионом, аргументируя выбор кластеров следующими соображениями и мотивами.⁵³ Во-первых, кластеры выступают факторами «оздоровления» региональных экономик, а их развитие приоритетно для подъёма высокотехнологичных отраслей. Во-вторых, кластеры способствуют активизации предпринимательской деятельности в регионах. В-третьих, кластеры обеспечивают развитие экспортных потоков производимой продукции. В-четвертых, кластеры создают уникальные условия, при которых уровень квалификации специалистов значительно превосходит узкопрофессиональные знания, необходимые в рамках одной отрасли за счет межотраслевого взаимодействия.⁵⁴ Все эти достоинства региональных промышленных кластеров обуславливают мнения многих отечественных ученых о том, что целью современного механизма государственного стратегического управления промышленным регионом должна стать организация и поддержка этих кластеров как точек роста будущей конкурентоспособности экономики территории.⁵⁵

⁵² Территориальная конкуренция в экономическом пространстве / Важенин С.Г., Берсенева В.Л., Важенина И.С., Татаркин А.И. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2011. – 540 с.

⁵³ Мигранян А.А. Теоретические аспекты формирования конкурентоспособных кластеров в странах с переходной экономикой // [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.subcontract.ru/Docum/DocumList_DocumFolderID_18.html (дата обращения: 18.05.2014 г.)

⁵⁴ Романова О.А., Лаврикова Ю.Г. Кластерное развитие экономики региона: теоретические возможности и практический опыт // Экономика региона. Приложение к №4/2007. С. 40-50.; Концепция развития кластерной политики в Российской Федерации и План действий по реализации Концепции развития кластерной политики в Российской Федерации в 2007-2008 годах / Распоряжение Правительства Российской Федерации, 2007; Дадаев Л.М. Теоретические аспекты анализа кластерной организации региональной экономики / Л.М. Дадаев // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. - №24 (81) – С. 50; Здорова Е.Н. Формирование кластера как элемент современной модели развития региона / Е.Н. Здорова, О.П. Харитонов // Вестник ОГУ. – 2009. - №2 – С. 103; Лаврикова Ю.Г. Концептуальные основы и практика реализации кластерного подхода в регионах России/ Ю.Г. Лаврикова // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. - №22 (79) – С.21.; Праздничных А. Региональные отраслевые кластеры в экономике России и перспективы кластерной политики в регионе/ А. Праздничных // [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.economy.samregion.ru/report/330/>; Раевский С.В. Кластерная концепция организации структуры экономики регионов/ С.В. Раевский, Ю.В. Винокурова // Региональная экономика: теория и практика. - 2007. - № 5. - С.19; Рябченко Ю. Кластерные технологии – эффективный инструмент регионального развития/ Ю. Рябченко // [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.economy.samregion.ru/report/330/>; Спешников С.М. Основные типы кластеров функционирования регионального производственного комплекса/ С.М. Спешников // Вестник ОГУ. – 2009. - №2 – С.89; Стеблякова Л. Кластерный подход к решению проблемы модернизации экономики: системный и социальные аспекты/ Л. Стеблякова // Человек и труд. - 2010. - №3. - С. 64-67; Трунова Н. Проблемные зоны использования кластерного подхода в России/ Н. Трунова // Журнал «Бюджет». 2007. №6 - С.41.

⁵⁵ Татаркин А.И., Романова О.А. Промышленная политика и механизмы ее реализации: системный подход // Экономика региона. 2007. №3. С.19-31.; Татаркин А.И., Романова О.А., Филатова М.Г. Структурная перестройка

3. *Институциональный подход* – обеспечивает институциональный контур частно-государственного финансирования региона через призму условий формирования особых экономических зон, инвестиционных фондов, банков развития, венчурных компаний, которые позволяют снизить дефекты рынка и компенсировать длительность становления новой институциональной системы, создают дополнительные возможности для решения задач промышленной модернизации при отставании от стран-лидеров в технологической сфере, улучшают инвестиционный климат.⁵⁶

Институциональный подход очень важен, так как позволяет учесть социально-экономические диспропорции, сложившиеся между регионами, которые препятствуют максимизации темпов экономического развития страны. На основе данного подхода необходимо сформировать комплекс институциональных предложений в виде законодательных норм, которые бы учитывали дифференциацию деловой активности и уровня доходности промышленной деятельности в регионах, обусловленную разной отраслевой структурой, особенностями регионального размера доходов и потребительского спроса. Институциональный контур не только обеспечивает финансовые условия регионального развития, но и создает ряд других благоприятных ему экономических условий через призму функционирования института содействия спросу на продукцию местных производителей, института налогового и тарифного стимулирования, института программного развития. Данный подход ориентирован на выявление потенциальных направлений экономического роста регионов и снижение рисков реализации технологических преобразований.

Как видно, все три рассмотренных подхода акцентируют внимание преимущественно на развитии промышленности и формировании кластеров, при этом недооцениваются социальные факторы, которые во многом определяют устойчивость и результативность этого развития. С точки зрения государственного

промышленности как элемент длинноволнового процесса // Федерализм. 2000. №4.; Татаркин А.И. Региональная промышленная политика: теоретические основы, практика формирования и механизмы реализации. Екатеринбург: УрО РАН, 2000. (препринт); Татаркин А.И. Промышленная политика как основа системной модернизации экономики России // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 19. С.5-17.

⁵⁶ Романова О.А. Теория и практика развития частно-государственного партнерства // Вестник УГТУ. 2007. №3. С. 39-50.

стратегического управления промышленными регионами, социальные факторы приобретает ключевое значение, поскольку именно государство обеспечивает институциональные условия для их интеграции в промышленную политику.

Во-первых, важнейшей составляющей становится обеспечение условий для творческой вовлечённости работников в инженерно-технические процессы. Поддержка инновационной активности и стимулирование участия трудовых коллективов в НИОКР формируют базу для технологического обновления и появления новых идей, обеспечивающих долгосрочную конкурентоспособность промышленного региона.

Во-вторых, реализация на уровне государственной политики мер по здоровьесбережению работников позволяет минимизировать затраты, связанные с временной нетрудоспособностью персонала, а также сокращает экономические потери от упущенной выгоды. В данном случае государственное управление проявляется в развитии системы здравоохранения, профилактических программ и механизмов охраны труда, которые интегрируются в промышленную стратегию региона.

В-третьих, стратегическая задача государства заключается в повышении продолжительности жизни и сохранении трудоспособности высококвалифицированного персонала с большим профессиональным опытом. Через повышение уровня и качества жизни, развитие социальной инфраструктуры и обеспечение достойных условий труда государство создаёт основу для воспроизводства человеческого капитала, который становится системообразующим ресурсом промышленного развития региона.

Таким образом, социальные факторы в управлении промышленными регионами выступают не второстепенным элементом, а фундаментальной частью стратегии, обеспечивающей баланс между технологическим обновлением и устойчивостью социальной системы. Игнорирование социальных факторов в индустриальной концепции управления промышленными регионами снижает её эффективность и ограничивает устойчивость развития. При сопряжённом промышленном росте и усилении нагрузки на человеческий капитал и социальную инфраструктуру именно государство должно обеспечить баланс между индустриальными и социальными

условиями развития региона. Такой подход требует интеграции социальных рисков в систему стратегического управления и преобразования их из факторов внешней среды в элементы, регулируемые инструментами социальной и промышленной политики. Эту необходимость подтверждает опыт социально-экономических преобразований в России, сопровождаемых множеством социальных рисков, подрывающих стабильность гражданского общества, и мировая практика государственного регулирования.⁵⁷

Для решения данной проблемы может быть предложена *социально ориентированная концепция* государственного стратегического управления промышленными регионами. В отличие от других концептуальных взглядов в ней промышленное развитие рассматривается не только как процесс индустриализации и модернизации производства, но и как комплексная управленческая задача, направленная на обеспечение социальной стабильности, повышение качества жизни и снижение рисков, связанных с социальной и территориальной дифференциацией.

Социально ориентированная концепция управления промышленным регионом опирается на теории «нового роста» и «зелёного роста» и трактует промышленную модернизацию не как самодостаточную цель, а как инструмент достижения общественно значимых результатов. С позиции государственного и муниципального управления при выборе целей, инструментов и метрик стратегической политики это означает возведение в приоритет социальных ценностей: устойчивости, справедливости и уровня качества жизни. То есть, органами государственной власти должна создаваться такая управленческая структура, в которой промышленная модернизация оценивается не только через прирост выпуска или технологические показатели, но и через её вклад в общественное благополучие и снижение социально-экономической уязвимости регионов. При этом управленческие решения должны быть системно интегрированы в стратегический цикл государственного управления и согласованы с международными целями устойчивого развития. В частности, реализация Целей устойчивого развития ООН требует от органов власти

⁵⁷ Kuzmin, E. Assessing the spread and coverage of ESG practices in Russia [Электронный ресурс] // Sustainability. – 2025. – URL: <https://www.frontiersin.org/journals/sustainability/articles/10.3389/frsus.2025.1574190/full>

учитывать не только экономическую, но и социальную и экологическую эффективность государственной политики.⁵⁸

Первым элементом управленческой структуры является целеполагание. В условиях промышленного региона оно должно строиться с учётом риск-профиля территории: уровня социального неравенства, состояния экологии, занятости и демографической динамики. Подобная логика отражена в исследованиях Дж. Стиглица, Ж.-П. Фитусси и М. Дюрана, которые подчёркивают, что результативность государственной политики измеряется не динамикой ВВП, а уровнем качества жизни и справедливым распределением общественных благ.⁵⁹ Для промышленного региона это означает необходимость постановки целей, напрямую связанных с улучшением социального и экологического положения населения.

Вторым элементом выступают программно-проектные инструменты, которые связывают государственные инвестиции и поддержку промышленности с конкретными КРІ социальной и экологической результативности. В международной практике подобная логика закрепляется в стратегиях «зелёного роста», где модернизация производства сопровождается обязательными мерами по повышению энергоэффективности, развитию социальной инфраструктуры и созданию рабочих мест в высокотехнологичных секторах.⁶⁰ То есть приоритетными становятся те проекты, которые способны одновременно снижать социальные и экологические риски и формировать конкурентные преимущества региональной экономики.

Третьим ключевым элементом является бюджетирование, учитывающее социальные и климатические риски. Здесь речь идёт о необходимости внедрения «зелёных» и социальных меток в региональных и федеральных бюджетах, что позволяет отслеживать не только объём финансирования, но и его фактическую результативность для общества. Р. Барро и последователи эндогенной теории роста подчёркивают, что долгосрочная устойчивость достигается только через инвестиции в

⁵⁸ Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development : Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015, A/RES/70/1. – New York : United Nations, 2015. – 41 p.

⁵⁹ Stiglitz J.E., Fitoussi J.-P., Durand M. Measuring What Counts: The Global Movement for Well-Being. – New York : The New Press, 2019. – 390 p.

⁶⁰ Jackson T. Prosperity without Growth: Foundations for the Economy of Tomorrow. 2nd ed. – London : Routledge, 2017. – 310 p.

человеческий капитал и институты, что означает необходимость учитывать в бюджетных решениях затраты на образование, здравоохранение и экологическую безопасность как инвестиции в снижение рисков.⁶¹

Наконец, важнейшим компонентом государственной управленческой структуры становится мониторинг и отчётность. Его особенность в рамках социально ориентированной концепции заключается в опоре на расширенный набор индикаторов – не только экономических, но и социальных, институциональных и экологических. Н. Зубаревич подчёркивает, что региональная дифференциация и социальные разрывы формируют дополнительные риски для устойчивости, поэтому мониторинг должен учитывать территориальные различия и быть направлен на своевременное выявление «зон риска».⁶²

Итак, изучение индустриальной и социально ориентированной концепций государственного управления промышленным регионом показывает, что каждая из них обладает как сильными сторонами, так и ограничениями, которые необходимо учитывать в практике государственного стратегического управления. При этом важно подчеркнуть, что данные концепции не являются антагонистическими или взаимоисключающими, напротив – они логически взаимосвязаны и отражают эволюцию государственного подхода к управлению промышленным развитием.

Сильной стороной индустриальной концепции выступает её способность обеспечивать ускоренную модернизацию производственной базы и формировать институциональные механизмы индустриализации. Такая мобилизационная модель управления демонстрировала высокую результативность в условиях кризисов и внешнеэкономического давления, позволяя государству сосредотачивать ресурсы на технологическом рывке и укреплять промышленный потенциал. Однако её слабостью стала высокая социальная цена: ограниченность внимания к уровню качества жизни населения, воспроизводству человеческого капитала и социальным рискам в долгосрочной перспективе. В результате государственное управление

⁶¹ Barro R.J. *Economic Growth*. 3rd ed. – Cambridge, MA : MIT Press, 2015. – 568 p.

⁶² Зубаревич Н.В. *Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода*. – М. : Либроком, 2019. – 248 с.

сталкивалось с необходимостью компенсировать возникающие дисбалансы в социальной сфере, что подтверждается исследованиями в области социально-экономической истории России.⁶³

Фактически социально ориентированная концепция расширяет индустриальную и акцентирует внимание на повышении уровня качества жизни населения и снижении социально-экономических рисков в промышленном регионе. Она позволяет развить инструментарий государственного стратегического управления путем создания специализированных регуляторов, учитывающих социальные и экологические факторы, что соответствует современным международным тенденциям и Целям устойчивого развития ООН. Вместе с тем слабой стороной концепции можно считать потенциальное замедление темпов промышленного роста и необходимость значительных бюджетных вложений в социальную сферу, что требует от органов власти поиска баланса между экономической динамикой и социальной стабильностью.

Несмотря на высокую значимость как индустриальной, так и социально ориентированной концепций, их общим ограничением сегодня является недостаточный учёт новых типов рисков, определяющих современную социально-экономическую ситуацию в промышленных регионах. В первую очередь речь идёт о рисках, связанных с экологическими, социальными и институциональными аспектами развития, которые в международной практике становятся неотъемлемой частью стратегического управления и государственной политики устойчивого развития. В докладах ОЭСР подчёркивается, что долгосрочная сбалансированность государственных финансов и эффективность региональной политики невозможны без системного учёта экологических и социальных угроз.⁶⁴ Всемирный банк также акцентирует внимание на том, что интеграция данных подходов позволяет государству

⁶³ Ратьковская Т.Г. Социальная инфраструктура в региональных рейтингах качества жизни населения РФ [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-infrastruktura-v-regionalnyh-reytingah-kachestva-zhizni-naseleniya-rf>; Щепакин М. Б. Человекоцентричный ресурс – драйвер инновационных изменений в условиях мобилизационной экономики [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovekotsentrichnyy-resurs-drayver-innovatsionnyh-izmeneniy-v-usloviyah-mobilizatsionnoy-ekonomiki>

⁶⁴ OECD. Green Budgeting and Climate Change: OECD Report. – Paris : OECD Publishing, 2020. – 142 p.

минимизировать уязвимость к глобальным кризисам и усиливает устойчивость национальной экономики.⁶⁵

В отечественной научной литературе данные аспекты преимущественно рассматриваются разрозненно – через экологическую или социальную составляющую, тогда как институциональные механизмы их интеграции в систему государственного управления промышленными регионами остаются недостаточно разработанными.⁶⁶ Отсутствие целостного подхода ограничивает возможности государства в части предвидения долгосрочных угроз, связанных с изменением климата, социальным неравенством, дефицитом человеческого капитала и управленческой несогласованностью.

В этой связи возникает необходимость формирования новой концептуальной основы государственного стратегического управления, которая позволит объединить социальные и экономические ориентиры промышленного развития в единую систему. Такой основой выступает авторская концепция «Социально-СОС», в соответствии с которой промышленное развитие трактуется через призму социально-стратегических, социально-ответственных и социально-стоимостных измерений (см. рис. 2). Именно они создают возможность встроить управление рисками экологического, социального и институционального характера в практику государственного регулирования, не противопоставляя их индустриальной логике, а органично интегрируя в стратегическую повестку.

Каждый из трех взаимодополняющих подходов раскрывает специфический ракурс государственного стратегического управления и соотносится с глобальными целями устойчивого развития. Рассмотрим их более подробно.

Социально-стратегический подход ориентирован на постановку и достижение приоритетных социальных и экологических целей при проектировании, функционировании и модернизации промышленных производств. Его ключевая особенность заключается в том, что промышленная политика рассматривается не только

⁶⁵ World Bank. ESG Integration in Public Sector Management. – Washington, DC : World Bank Group, 2021. – 96 p.

⁶⁶ Хуторова, Н.А. Перспективы использования инструментов устойчивых (ESG) финансов в контексте регионального развития РФ. Сборник лучших докладов Ломоносовские чтения «Поколения экономических идей» – 2021 М.: МГУ.

как средство роста производительности и конкурентоспособности, но и как инструмент обеспечения устойчивого качества жизни населения и снижения структурных рисков.

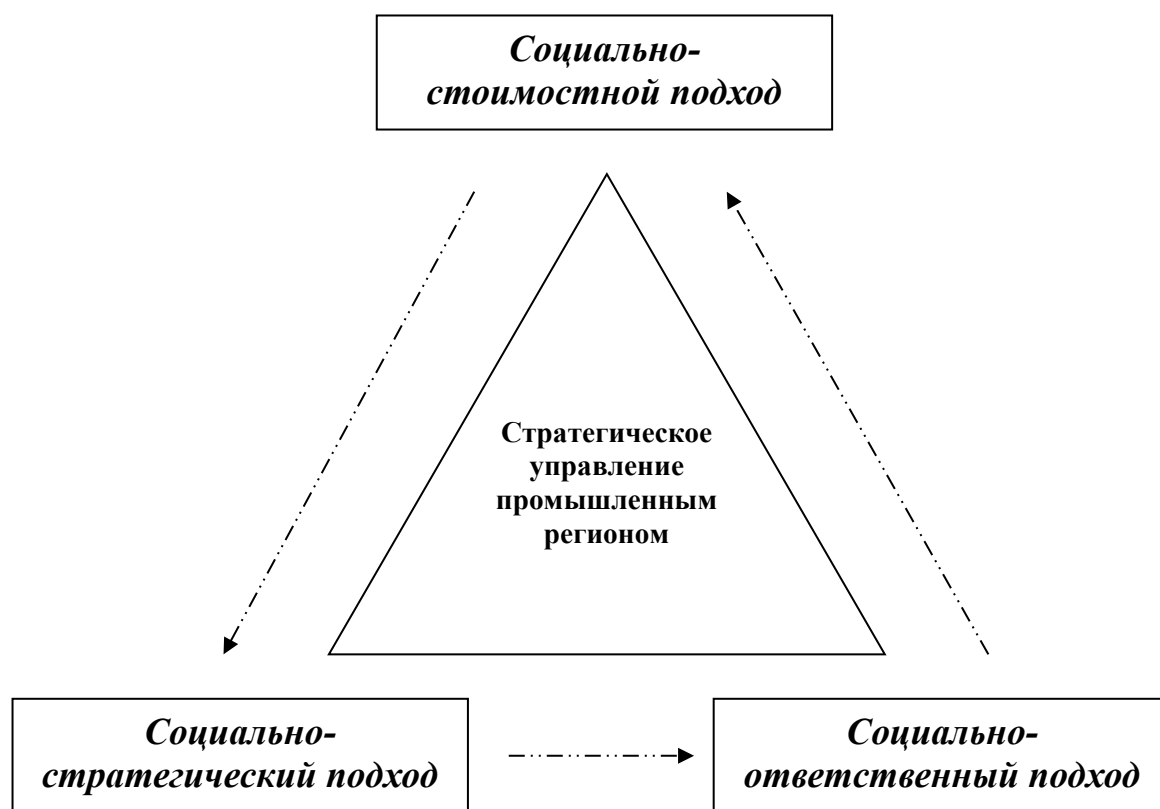

Рисунок 2. Концепция «Социально – СОС»

Государственное управление в этом случае сосредоточено на формировании долгосрочных программ развития, включающих меры по росту занятости, созданию комфортной среды обитания, снижению экологической нагрузки и модернизации инфраструктуры. Соотнесённость данного подхода с ЦУР 8 («Достойная работа и экономический рост») и ЦУР 11 («Устойчивые города и населённые пункты») подчёркивает его глобальную значимость и необходимость интеграции в систему стратегических приоритетов.

Социально-ответственный подход предполагает выстраивание механизма справедливого распределения компетенций, полномочий и ответственности между акторами управления – государством, бизнесом и обществом – в зависимости от степени их влияния на достижение ключевых социальных ориентиров. Его практическая реализация связана с институциональной кооперацией и развитием партнёрства, где органы власти задают стратегические ориентиры, бизнес обеспечивает

ресурсное наполнение, а общество выполняет функцию обратной связи и контроля качества управления. В рамках данного подхода государственное стратегическое управление направлено на снижение социального и территориального неравенства, укрепление доверия к институтам власти и формирование более справедливой системы принятия решений. Именно поэтому он органично увязан ЦУР 10 («Сокращение неравенства») и ЦУР 17 («Партнёрство в интересах устойчивого развития»).

Социально-стоимостной подход фокусируется на разработке организационно-экономических инструментов, учитывающих реальные условия глобальных рынков, требования модернизации в кратко- и долгосрочной перспективе, а также на количественной оценке возможных негативных последствий инновационно-технологических преобразований в денежном выражении. Его суть состоит в том, что промышленное развитие рассматривается не только как фактор экономического роста, но и как источник потенциальных рисков, требующих обязательной оценки с точки зрения упущенной выгоды, социальных издержек и экологических последствий. С позиции государственного управления данный подход позволяет увязать задачи экономической устойчивости с целями повышения уровня качества жизни и формирования баланса между промышленными интересами и социальными приоритетами. Он тесно связан с ЦУР 8 («Достойная работа и экономический рост»), ЦУР 11 («Устойчивые города и населённые пункты») и ЦУР 17 («Партнёрство в интересах устойчивого развития»).

Таким образом, концепция «Социально-СОС» представляет собой комплексный методологический инструмент, позволяющий интегрировать социальные, стратегические и стоимостные измерения в систему государственного стратегического управления промышленными регионами. Она обеспечивает переход от узко-экономического понимания промышленного развития к его трактовке как многоуровневого процесса, где ключевую роль играют социальные ценности, институциональная ответственность и долгосрочная устойчивость.

В таблице 4 отражена структура концепции «Социально – СОС» как системы превентивного риск-менеджмента промышленного региона.

Как видно, содержание трёх вышеописанных подходов, их соответствие приоритетным ЦУР (8, 10, 11, 17) и функции в механизме стратегического управления, что доказывает институциональную совместимость концепции «Социально – СОС» с действующей нормативной базой стратегического планирования и международной повесткой устойчивого развития.

Таким образом, концепция «Социально-СОС» формирует целостную методологическую основу, связующую социально-стратегические, социально-ответственные и социально-стоимостные измерения в систему государственного стратегического управления промышленными регионами. Она позволяет перейти от традиционно фрагментарного понимания промышленного развития к его комплексной трактовке как процесса, в котором экономические и социальные ориентиры рассматриваются неразрывно и дополняют друг друга.

Таблица 4 – Взаимосвязь концепции «Социально – СОС» с глобальными целями и практическими функциями в стратегическом управлении промышленным регионом

Подход	Суть подхода	Соотнесённые ЦУР	Целевая функция в стратегическом управлении
Социально-стратегический	Определение приоритетных социальных и экологических факторов; разработка мер по росту качества жизни и устойчивости производства	ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост» ЦУР 11 «Устойчивые города»	Повышение занятости, рост производительности, снижение структурных рисков
Социально-ответственный	Перераспределение полномочий и ответственности между государством, бизнесом и обществом; обеспечение справедливости решений	ЦУР 10 «Сокращение неравенства» ЦУР 17 «Партнёрство»	Снижение социального и территориального неравенства, институциональная кооперация
Социально-стоимостной	Планирование с учётом мировых рынков, последствий инноваций и эколого-экономических рисков; оценка издержек упущенной выгоды	ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост» ЦУР 11 «Устойчивые города» ЦУР 17 «Партнёрство»	Экономическая устойчивость, баланс промышленного развития и качества жизни

Для практической реализации данной концепции, необходимо институциональное обоснование разработки инновационного государственного

управленческого механизма, формируемого на ее основе. Данный механизм должен воплотить социальные ориентиры и риск-ориентированные принципы в практику государственного стратегического управления промышленным регионом, обеспечивая тем самым гармонизировать действия государства, бизнеса и общества.

В условиях усиления социально-экономической дифференциации регионов, рисков и требований к устойчивости развития национального хозяйства разработка такого механизма становится приоритетной государственной задачей. Обоснованию его содержательного наполнения посвящен параграф 1.3 диссертационной работы.

1.3. Теоретико-методологические основы применения риск-менеджмента в государственном стратегическом управлении промышленным регионом

Анализ, проведённый в предыдущих параграфах, показал, что индустриальная и социально ориентированная концепции государственного управления промышленными регионами заложили основу для формирования стратегических ориентиров. Однако они не учитывают в полной мере региональную социально-экономическую дифференциацию и комплекс рисков, возникающих на современном этапе хозяйственного развития. Их ограниченность проявляется в акценте либо на экономических результатах индустриализации, либо на социально-гуманитарных эффектах, в то время как современная социально-экономическая повестка требует интеграции этих измерений в единую систему управления.

Межрегиональные различия подтверждают данный вывод. Согласно исследованию Международного валютного фонда, несмотря на определённое снижение диспропорций в последние десятилетия, значительная часть субъектов РФ

продолжает демонстрировать устойчивое отставание по ключевым социально-экономическим параметрам – доходам, занятости, уровню качества жизни населения.⁶⁷ Российские учёные также отмечают, что только около 54,4% регионов демонстрируют тенденцию к сходимости доходов, тогда как 20,3% территорий стабильно «отстают».⁶⁸

Проблема усугубляется институциональными и социальными рисками, которые не всегда учитываются в действующих механизмах государственного стратегического управления. Так, различия в средней и медианной заработной плате в субъектах РФ фиксируются на уровне нескольких раз, что подтверждает структурное неравенство в распределении общественного богатства.⁶⁹ Экспертные оценки показывают, что экономический рост концентрируется преимущественно в крупных центрах, тогда как периферийные территории сталкиваются с падением качества жизни, деградацией социальной инфраструктуры и оттоком населения.⁷⁰

Отсутствие системного учёта социальных рисков в стратегическом управлении приводит к эффекту «упущенной выгоды». Потенциал более высокого роста и социальной устойчивости остаётся нереализованным в силу: снижения производительности труда вследствие ухудшения здоровья и миграции; утраты инновационного потенциала из-за социальной нестабильности и оттока кадров; роста государственных расходов на компенсационные меры и кризисные программы. Фактически это означает потерю значимого социально-экономического эффекта, который мог бы быть достигнут при комплексном управлении рисками.

В научных исследованиях также подчёркивается, что механизмы государственного стратегического управления, не учитывающие социальные факторы, сталкиваются с ограниченной эффективностью. Так, в проектах государственно-частного партнёрства социального сектора ключевые риски – уклонение от обязательств, оппортунистическое поведение, снижение мотивации акторов –

⁶⁷ Regional Disparities and Fiscal Federalism in Russia. – IMF Working Paper WP/21/112. – Washington, DC : International Monetary Fund, 2021. – 41 p.

⁶⁸ Regional Inequality in Russia: Anatomy of Convergence [Электронный ресурс] / Konstantin Gluschenko. – 2023. – URL: https://www.researchgate.net/publication/378360524_Regional_Inequality_in_Russia_Anatomy_of_Convergence.

⁶⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. / Росстат. – М., 2024.

⁷⁰ Россия: экономика в условиях санкций [Электронный ресурс] // The Insider. – 2024. – URL: <https://theins.ru/en/economics/284081> (дата обращения: 29.05.2025).

изначально не учитываются, что снижает результативность их реализации.⁷¹ Международные исследования ESG-рисков демонстрируют аналогичную зависимость: игнорирование социальных и управленческих факторов ведёт к снижению устойчивости территориальных систем, что подтверждается, в частности, снижением доходности в среднем на 0,29% в день в случаях репутационных событий.⁷²

На этом фоне становится очевидной необходимость перехода от фрагментарных решений к формированию механизма нового типа – основанного на принципах риск-менеджмента и интеграции социальных факторов в качестве равнозначных экономическим. Именно в этом контексте особое значение приобретает категория механизма государственного стратегического управления, трактуемая в научной литературе как совокупность организационных, институциональных и экономических инструментов, обеспечивающих реализацию государственной политики на уровне региона.⁷³ В условиях риск-ориентированной экономики данный механизм должен рассматриваться не только как инструмент достижения целевых показателей развития, но и как средство стратегического балансирования между экономическим ростом и социальной устойчивостью, позволяющее минимизировать угрозы и одновременно раскрывать потенциал долгосрочного развития.

Категория «механизм» получила широкое распространение в отечественной экономической науке в 1960-1970-е гг. в условиях реформирования системы планирования и поиска новых организационно-хозяйственных форм, способных обеспечить ускорение экономического роста. Теоретические подходы к формированию хозяйственного механизма как инструмента управления экономикой были разработаны в трудах Л. Абалкина, П. Бунича, Р. Евстигнеева, Л. Евстигнеевой, Ю. Осипова и других исследователей.⁷⁴ В их работах подробно описывалась

⁷¹ Косарева, Н.Б., Трунин, А.А. Управление рисками при реализации социальных проектов ГЧП // Региональная экономика: теория и практика. – 2020. – № 9. – С. 164-175

⁷² Krueger P., Sautner Z., Starks L. The Importance of Climate Risks for Institutional Investors // Review of Financial Studies. – 2020. – Vol. 33(3). – P. 1067-1111

⁷³ Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 368 с.

⁷⁴ Хозяйственный механизм: формирование целостности: Сборник научных трудов. Институт экономики АН СССР. – М.: Институт экономики АН СССР, 1990. – 188 с. С. 421; Абалкин Л.И. Хозяйственный механизм развитого социалистического общества. – М.: Мысль, 1973. – 213 с.; Хозяйственный механизм общественных формаций/ Под общ.

структура механизма управления экономикой и её отраслями, однако единое понимание данной категории так и не было выработано.

Л. Абалкин определял хозяйственный механизм как *способ организации общественного производства со свойственными ему формами, методами, стимулами и нормами*, фактически связывая его с макроэкономическими процессами и инструментами стимулирования. П. Бунич в свою очередь делал акцент на соотношении объективных и субъективных факторов, определяющих эффективность функционирования хозяйственного механизма, трактуя его как категорию, отражающую степень использования обществом возможностей производительных сил. Однако в этих подходах население рассматривалось как обезличенный трудовой ресурс, а региональная специфика и дифференциация, а также социальные эффекты игнорировались.

С развитием научной мысли категория «механизм» вышла за рамки сугубо экономических трактовок и получила новое осмысление в теории государственного управления. В научной литературе периода 1980-1990 гг. под механизмом всё чаще понимается *система организационных, институциональных и экономических инструментов, обеспечивающих реализацию государственной политики на всех уровнях управления*. Такой подход предполагает, что именно механизм выполняет связующую функцию между целями стратегического развития и практическими управленческими решениями. Он превращает абстрактные приоритеты и программы в конкретные инструменты воздействия на экономические и социальные процессы.⁷⁵ То есть «механизм» постепенно превращается в *институциональную конструкцию, трансформирующую стратегические установки*

ред. Л.И. Абалкина. - М.: Мысль, 1986. - 269 с.; Хозяйственный механизм на современном этапе / Под ред. П.Г. Бунича. - М.: Экономика, 1980. - 232 с.; Хозяйственный механизм управления экономикой СССР: Учеб. пособие для экон. спец. вузов / Лапуста М.Г., Масленников В.В., Шеремет А.Д. и др.; Под ред. П.Г. Бунича. - М.: Экономика, 1991. - 318 с.; Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Социалистический хозяйственный механизм: закономерности развития. - М.: Экономика, 1981; Олигин-Нестеров В.И. Использование экономических законов социализма и управление производством. - М.: Экономика, 1974. - с. 92; Осипов Ю.М. Основы теории хозяйственного механизма. М.: Изд-во МГУ, 1994. - 367 с.; Методологические основы теории хозяйственного расчета/ Под ред. В.В. Радаева. - М.: Мысль, 1981. - 224 с.; Совершенствование хозрасчетных отношений развитого социализма/ Под ред. В.В. Радаева. - М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1986. - 215 с.; Хозяйственный расчет как система отношений/ Под ред. В.В. Радаева. - М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1980. - 304 с.; Экономика переходного периода / Под ред. В.В. Радаева, А.В. Бузгалина. - М.: Изд-во МГУ, 1995. - 410 с.; Черковец В.Н. Социализм как экономическая система. - М., 1982.

⁷⁵ Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: Либроком, 2012. - 368 с.

государства в конкретные управленческие решения. Важный вклад внесли исследования К. Худа, где была предложена типология инструментов государства (НАТО-модель: информация, власть, финансы, организация), ставшая основой для дальнейшего осмысления механизмов как набора инструментов реализации государственной политики.⁷⁶

В 2000-е гг. в зарубежной и отечественной литературе укрепилось направление, известное как *policy design* (политикодизайн). Его суть заключается в том, что механизм государственного управления трактуется как *архитектура реализации государственной политики*, где центральное значение приобретают инструменты и способы их сочетания. М. Хоуллетт определяет политикодизайн как процесс «рационального выбора и конструирования инструментов, посредством которых государство достигает стратегических целей».⁷⁷

Здесь механизм уже не воспринимается как статичная система, а представляется в виде динамичной конструкции, в которой согласуются:

- субстантивные инструменты (налоги, субсидии, государственные инвестиции, инфраструктурные проекты, государственно-частные партнёрства);
- процедурные инструменты (процессы стратегического планирования, мониторинг, оценка эффективности, вовлечение стейкхолдеров).

Такой подход расширил прежние трактовки и сделал акцент на том, что именно качество «сборки» инструментов, их взаимосогласованность и способность адаптироваться к изменяющейся среде обеспечивают эффективность механизма государственного управления.

Дополняя М. Хоуллетта, Дж. Долоу и М. Родс подчеркивают, что политикодизайн предполагает не только выбор инструментов, но и «создание институциональных условий для их оптимального применения».⁷⁸ Тем самым государственный механизм управления начинает рассматриваться как совокупность не просто

⁷⁶ Hood C. The Tools of Government. – London : Macmillan, 1983. – 197 p.

⁷⁷ Howlett M. Designing Public Policies: Principles and Instruments. – 2nd ed. – London : Routledge, 2019. – 290 p.

⁷⁸ Dolowitz D., Rhodes R. Policy Transfer: A Framework for Comparative Analysis. – Governance. – 2000. – Vol. 13(1). – P. 5-24.

средств, но и правил, норм, процедур и организационных структур, в которых эти средства применяются.

Именно в рамках этой школы возникло представление о *policy mix* («инструментальные наборы»), где государство комбинирует разные меры, добиваясь синергетического эффекта. В рамках такой трактовки механизм превратился из набора отдельных регуляторных решений в системную конфигурацию инструментов, которые должны быть согласованы между собой и встроены в институциональную логику региона или отрасли.⁷⁹

В российской науке данное направление также получило развитие. Исследователи отмечают, что политикодизайн в условиях цифровизации превращается в методологию «управленческого инжиниринга», позволяющего адаптировать стратегические решения к рискам и ресурсным ограничениям.⁸⁰ Л. Сморгунов трактует его как способ «проектирования институтов», направленный на повышение легитимности и эффективности государственной политики.⁸¹

Таким образом, политикодизайн вносит принципиально новый элемент в понимание механизма: он становится не только инструментом реализации государственной политики, но и процессом её конструирования. С этих позиций государственное стратегическое управление промышленным регионом должно рассматриваться как политико-управленческий дизайн, включающий отбор и согласование инструментов регулирования, позволяющих одновременно достигать целей экономической модернизации, социальной устойчивости и снижения рисков.

Это подтверждается исследованиями Уральской школы регионалистики (А. Татаркин, Ю. Лаврикова, О. Романова, Е. Анимица, А. Шеломенцева и др.), где механизм управления рассматривается как комплекс мер государственного

⁷⁹ Kern F., Howlett M. Implementing Transition Management as Policy Reforms: A Case Study of the Dutch Energy Sector. – Policy Sciences. – 2009. – Vol. 42(4). – P. 391-408.

⁸⁰ Носиков А.Н. Процессы управленческого выбора и проектирования политик: «политические дизайны» // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessy-upravlencheskogo-vybora-i-proektirovaniya-politik-politicheskie-dizayny>; Носиков А.Н. Сопряжение сетевого пространства электронного государства и дизайн управления: риски и решения // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopryazhenie-setevogo-prostranstva-elektronnogo-gosudarstva-i-dizayn-upravleniya-riski-i-resheniya>

⁸¹ Сморгунов Л.В. Институты доступности цифровых платформ и государственная управляемость // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология и международные отношения. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-dostupnosti-tsifrovyyh-platform-i-gosudarstvennaya-upravlyaemost>.

воздействия, учитывающий территориальную специфику и направленный на формирование конкурентоспособного промышленного комплекса региона. В их работах подчёркивается, что только наличие чётко институционализированного механизма позволяет государству координировать интересы федерального центра, субъектов Федерации и муниципальных образований, обеспечивая тем самым согласованность действий и устойчивость социально-экономической системы.⁸²

Таким образом, в условиях государственного стратегического управления промышленными регионами механизм следует рассматривать не как статичную совокупность элементов, а как динамический инструмент реализации государственной политики, обеспечивающий баланс между экономическими интересами и социальными целями. В парадигме превентивного риск-менеджмента такой механизм выполняет роль «архитектуры управления», которая позволяет заблаговременно выявлять угрозы, минимизировать социальные риски и превращать их в управляемые факторы развития.

Его ключевая функция заключается не только в координации отраслевых и территориальных процессов, но и в превентивной минимизации рисков, связанных с социальной дифференциацией, технологическими разрывами и институциональными ограничениями. Такой механизм, интегрирующий идеи политикодизайна, обеспечивает переход от фрагментарного реагирования к системной архитектуре государственного стратегического управления, способной гармонизировать экономические и социальные интересы, формируя условия для устойчивого развития промышленного региона и повышения уровня качества жизни его населения.

В этом контексте механизм государственного стратегического управления промышленным регионом может быть определён как *комплекс организационных, институциональных и экономических инструментов, встроенных в систему*

⁸² Татаркин А.И., Лаврикова Ю.С. Региональная экономика и управление. – Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2012. – 410 с.; Анимица Е.Г., Романова О.А., Важенина И.С. Региональная политика и механизмы управления развитием промышленного комплекса. – Екатеринбург : УрГЭУ, 2014. – 356 с.; Шеломенцев А.Г., Дорошенко С.В., Трушкова Е.А., Шихвердиев А.П. Стратегии-2030: подходы к разработке в регионах России // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2017. Том 9. № 4

государственной политики и основанных на принципах риск-менеджмента, главной целью которых является нивелирование издержек упущенной выгоды, возникающих вследствие социальных рисков. Его сущность заключается в том, чтобы превентивно идентифицировать и минимизировать угрозы, тем самым создавая основу для устойчивого экономического роста и социального развития промышленного региона.

Полученные результаты исследования позволили уточнить и идентифицировать функциональные особенности данного механизма, выражающиеся в его способности обеспечивать стратегическую координацию, прогнозирование и минимизацию социально-экономических рисков, а также институциональное закрепление баланса интересов государства, бизнеса и общества. Эти особенности нашли отражение в системе превентивного риск-менеджмента, применяемой в стратегическом управлении промышленным регионом, что детализировано в таблице 5.

Таблица 5 – Содержание функций механизма превентивного риск-менеджмента в государственном управлении промышленным регионом

Функция	Содержание
Аксиологическая	определение ценности трудоспособного населения и его последующих поколений на основе потенциала экономического развития производства
Лимитирующая	ограничение негативного влияния промышленности на уровень качества жизни населения путем совершенствования условий организации труда и природоохранной деятельности промышленных предприятий
Стимулирующая	создание благоприятных условий для самореализации и максимизации благосостояния населения
Стабилизирующая	обеспечение устойчивого прогрессивного промышленного развития за счет минимизации негативных социо-эколого-экономических последствий и модернизации в результате развития человеческого потенциала
Возмещающая	компенсация негативного влияния промышленного развития на уровень качества жизни населения
Эволюционная	обеспечение коэволюционного развития промышленности и гражданского общества или взаиморазвития индустриализации и цивилизации
Гармонизирующая	гармонизация взаимосвязанных решений социальных, экологических, инновационных, технологических и отраслевых задач развития региональной экономики, минимизирующая ущерб каждой из этих сфер

Совокупность выделенных функций позволяет рассматривать механизм государственного стратегического управления промышленным регионом не как статический набор инструментов, а как динамическую систему, основанную на

принципах риск-менеджмента. Его специфика проявляется в способности не только минимизировать угрозы и издержки упущенной выгоды, но и трансформировать социальные риски в факторы развития. В этом заключается методологическая основа последующего формирования авторского инструментария, интегрирующего цели устойчивого развития (ЦУР 8, 10, 11, 17) и нормативные положения ФЗ-172 в систему регионального стратегического планирования. Такой подход расширяет традиционные трактовки механизма и формирует институциональную рамку нового поколения, обеспечивающую баланс интересов государства, бизнеса и общества в условиях промышленного региона.

Таким образом, теоретическое осмысление сущности государственной политики и функций механизма стратегического управления промышленным регионом позволяет сделать вывод о необходимости разработки новых инструментов оценки и регулирования социальных рисков. Логика исследования требует перехода от теоретико-методологического анализа к построению авторского инструментария идентификации, оценки и управления рисками, что составляет содержание второй главы диссертации.

Вывод по 1 главе.

Итак, анализ исторических и современных подходов показал, что риск выступает междисциплинарной категорией, охватывающей все сферы человеческой деятельности, а его учёт в государственном стратегическом управлении промышленными регионами является ключевым условием минимизации неопределённости и обеспечения устойчивого развития. При этом индустриальная и социально ориентированная концепции не противопоставляются, а последовательно расширяют и дополняют применение друг друга: индустриальная модель сформировала базовые условия для модернизации и технологического обновления, тогда как социально ориентированная концепция усилила акцент на уровне качества жизни, снижении социально-экономических рисков и устойчивости региональных систем. Их синтез отражает эволюцию государственного стратегического управления в сторону интеграции экономических и социальных ориентиров, что соответствует

международной повестке устойчивого развития и Целям ООН (ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост», ЦУР 10 «Сокращение неравенства», ЦУР 11 «Устойчивые города и населённые пункты», ЦУР 17 «Партнёрство в интересах устойчивого развития»).

Учет региональной дифференциации и комплексности рисков предопределяет необходимость формирования нового механизма государственного стратегического управления промышленными регионами, основанного на принципах риск-менеджмента и интеграции социально-экономических факторов. Такой механизм должен обеспечивать стратегический баланс между экономическим ростом, социальной устойчивостью и экологической безопасностью, превращая управление рисками в ключевой инструмент достижения национальных приоритетов и международных целей устойчивого развития.

ГЛАВА 2. РАЗРАБОТКА ИНСТРУМЕНТАРИЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ, МЕТОДОВ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ И МАКРОРЕГУЛЯТОРОВ В РАМКАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕ- НИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМ РЕГИОНОМ

2.1. Теоретическое обоснование подхода к государственному стратегическому управлению промышленным регионом

Трансформация сложившегося механизма государственного стратегического управления промышленным регионом в свете необходимости решения проблемы, поставленной в первой главе, требует определения основополагающих принципов его совершенствования и социально-экономической оценки результативности его применения в рамках предлагаемой риск-ориентированной концепции. К числу данных принципов предлагается отнести следующие.

1. Принцип оценки значимости социальных процессов с точки зрения их влияния на величину альтернативных издержек (упущенных выгод) в социально-экономической системе промышленного региона.

2. Принцип экономической оценки упущенных выгод. Если существует какой-либо социальный риск, то он должен получить экономическую оценку, предусматривающую упущенную экономическую выгоду.

3. Принцип минимизации социальных рисков на основе разделения полномочий субъектов управления промышленным регионом. Полномочия по минимизации социальных рисков должны быть распределены между органами государственной и муниципальной власти, а также бизнес-структурами пропорционально их значимости с точки зрения управления промышленным регионом.

4. Принцип количественной оценки социально-экономических процессов. Применение инструментария сокращения социальных рисков и оценки последствий его применения должно быть основано на использовании аппарата математического измерения процессов.

5. Принцип регулятивной роли социальных инструментов в экономическом функционировании промышленных регионов. Его суть в том, что формирование социальных инструментов должно быть обосновано их регулирующей ролью в экономическом функционировании территориальных индустриальных систем и обеспечении их синергетических результатов.

6. Принцип экономической значимости. Он предусматривает оценку экономической результативности применения инструментария снижения социальных рисков, которая должна осуществляться сообразно тенденциям и динамике развития социально-экономических показателей промышленного региона. Это обосновывается долгосрочным периодом проявления последствий инновационно-технологических преобразований с одной стороны, а с другой – их влиянием на формирование социальных, экологических и экономических процессов.

7. Принцип тождественности промышленной и социальной политики. Целью государственного стратегического управления промышленным регионом является обеспечение качества жизни населения на уровне, позволяющем обеспечивать его простое (сохранение численности) или расширенное (прирост численности) воспроизводство. Воспроизводство благ в экономике промышленного региона должно соответствовать потребностям реализации социальной политики.

8. Принцип иерархической гармонизации принятия решений, при котором решения более высокого уровня власти принимаются, только если они обеспечивают синергетический результат от принятия решений на нижестоящем уровне.

Реализация предлагаемого комплекса принципов позволит сформировать надежную и устойчивую к внешним и внутренним шокам социально-экономическую систему, создающую условия стабильного экономического роста промышленного региона в долгосрочной перспективе.

Социально-экономическая система любого региона может быть представлена в виде модели, способной описать условия его сбалансированного социального и экономического развития. Основными элементами данной модели выступают показатели, учитываемые промышленной и социальной политикой.

Социальная политика – это система управленческих решений и механизмов, направленных на обеспечение высокого уровня качества жизни населения промышленного региона посредством регулирования доступа к труду, образованию, здравоохранению, культуре, экологически безопасной среде и социальной защите. Она играет роль связующего звена между экономическими результатами деятельности промышленных предприятий и удовлетворением потребностей населения. Особенностью социальной политики является её риск-ориентированность: через снижение социальной напряжённости и компенсацию рисков (сокращение потребительского спроса, профессиональная заболеваемость, ухудшение условий семьи и досуга, загрязнение среды) она формирует устойчивость социально-экономической системы региона.

Промышленная политика – это целенаправленная деятельность органов государственной власти и институтов развития, направленная на формирование и регулирование условий функционирования хозяйствующих субъектов промышленного сектора региона. Её сущность заключается не только в стимулировании производственной активности и инвестиционной привлекательности, но и в обеспечении устойчивости социально-экономической системы через минимизацию рисков, связанных с занятостью, качеством рабочих мест, экологическими последствиями производства и территориальной сбалансированностью развития. Таким образом, промышленная политика выступает не только инструментом экономического роста, но и важнейшим элементом государственного стратегического управления регионом.

Население промышленного региона образует основополагающее ядро (основу) социально-экономической системы, соединяющее сферы социальной промышленной политики в единый контур государственного стратегического управления. С одной стороны, люди формируют потребительский спрос на товары и

услуги, производимые предприятиями и организациями промышленного региона. С другой – население выступает ключевым фактором производства и стратегическим ресурсом, от которого зависят трудовой потенциал, инновационная активность и воспроизводство человеческого капитала.

Социальная политика, реализуемая через механизмы образования, здравоохранения, занятости, семейной поддержки и качества городской среды, оказывает опосредованное, но системное влияние на промышленную политику. Это выражается в том, что уровень качества жизни населения предопределяет хозяйственные предпочтения, миграционные стратегии и готовность к участию в индустриальной модернизации.

Цель гармонизации интересов государства, бизнеса и общества заключается в достижении такого уровня качества жизни населения, который обеспечивал бы взаимосвязанное и сбалансированное развитие сфер социальной и промышленной политики. *Под уровнем качества жизни в данном исследовании понимается интегральная характеристика, включающая как объективные параметры (уровень доходов, доступность базовых и социальных услуг, экологическая безопасность), так и субъективное восприятие населением условий собственной жизни.*⁸³

Проведенный автором теоретический анализ взаимовлияния социальных и экономических процессов, позволяет утверждать, что несоответствие пропорций развития социальной и промышленно-хозяйственной сфер деятельности региона порождает такие изменения данных процессов, при которых в ходе многократно повторяющихся их воздействий друг на друга происходит маятникообразное разбалансирование социально-экономической системы промышленного региона или наблюдается «Маятниковый эффект». Его суть может быть описана следующим образом. Недостаточно высокий уровень качества жизни приводит к оттоку населения из региона и сокращению занятости населения. Вслед за этим из-за нехватки трудовых ресурсов и сокращения потребительского спроса уменьшаются объёмы производства благ. Это порождает дальнейшее сокращение спроса на труд,

⁸³ Щекотин Е.В. Качество и уровень жизни: единство и различие в определении / Е.В. Щекотин // Вестник социального анализа. 2013. № 2. С. 45-56.

избыток предложения труда и, как следствие, - уменьшение среднедушевого дохода населения. Далее произойдет снижение потребительских расходов, численности платежеспособных потребителей и объема спроса. При этом предложение благ тоже понизится. Отсюда произойдет новый виток снижения уровня качества жизни и рассмотренный цикл изменения процессов повторится снова.

Таким образом, диспропорции в развитии социальной и промышленно-хозяйственной сфер приводят к экономическим потерям промышленного региона в виде упущенной выгоды от недопроизводства благ, сокращения трудовых ресурсов и потребительского спроса. Кроме того, промышленный регион утрачивает устойчивость и конкурентоспособность в национальном экономическом пространстве, а достижение ключевой цели – повышения уровня качества жизни населения – становится невозможным.

Следует заметить, что любая система развивается пропорционально и гармонично до появления каких-либо факторов, приводящих ее к разбалансированному виду. Исходя из вышеописанной логики развития взаимовлияющих процессов, в качестве таковых необходимо рассматривать риски социальной сферы, проявление которых способно резко понизить уровень качества жизни населения.

Именно поэтому государственное стратегическое управление промышленным регионом должно быть построено на риск-ориентированных принципах, интегрирующих социальные и экономические приоритеты в единую систему, что соответствует положениям Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Графическая интерпретация промышленного региона как социально-экономической системы, основанной на вышеизложенных рассуждениях, представлена на рисунке 3.

В центре сферы расположено ядро, радиус которого характеризует численность населения региона – источника социальных и экономических процессов. Вокруг данного ядра располагается сфера качества жизни. Ее радиус – это величина индикативной оценки уровня качества жизни. Соотношение данных радиусов

представляет собой пропорцию взаимозависимости между уровнем качества жизни и численностью населения региона, что может быть оценено эконометрически.

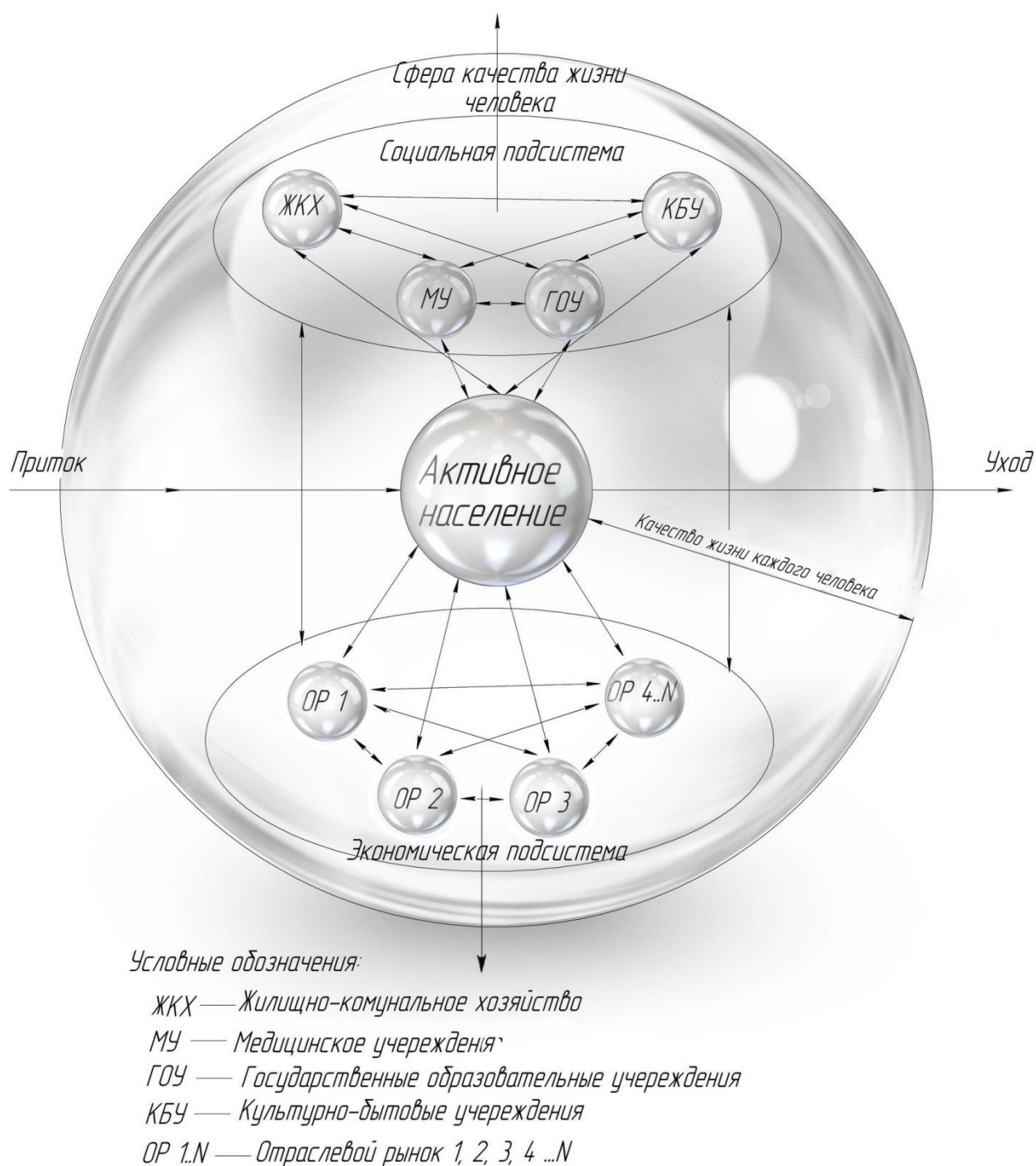

Рисунок 3. Графическое представление промышленного региона как социально-экономической системы

В свою очередь изменение численности населения придает импульс развития социально-экономическим процессам, требующим соответствующего изменения социальной и промышленной политики.

Масштабы развития социальной деятельности в регионе определяются в виде радиуса окружности, расположенной в верхней части сферы. Этот радиус показывает количество всех социальных услуг (процессов), оказанных в данной подсистеме. Поскольку услуги имеют разные измерители и уровень значимости для населения, то для приведения их к сопоставимому виду можно использовать ценовые показатели, отображающие одновременно и то и другое. Таким образом, радиус верхней окружности – это суммарная стоимость социальных услуг, оказанных в промышленном регионе. На его величину может оказать влияние, с одной стороны, рост численности населения как основной источник рабочей силы и потребительского спроса, а с другой – социальные инвестиции в рамках проводимой государственной и муниципальной социальной политики. В составе социальных услуг (процессов) в данной подсистеме в соответствии с ранее указанным ее определением, учтены все те, услуги, потребность в которых обусловлена либо поддержанием жизнедеятельности населения, либо его социальным взаимодействием. Это услуги жилищно-коммунальных, образовательных, медицинских и культурно-бытовых организаций, оказываемые населению и друг другу.

Масштабы развития промышленно-хозяйственной деятельности определяются в виде радиуса окружности, расположенной в нижней части сферы. Этот радиус показывает количество всех товаров и услуг (процессов) не социального назначения, производимых в данной подсистеме в денежном выражении. На его величину может оказать влияние, с одной стороны, рост численности населения, а с другой – коммерческие инвестиции. Продукция и услуги экономической подсистемы формируется за счет товарного предложения участников разных отраслевых рынков (OP_i) под влиянием реализуемой государством промышленной политики. Описанная окружностью область промышленно-хозяйственной деятельности включает в себя комплекс отраслевых рынков, их взаимосвязи как между собой, так и с региональным населением в качестве трудового фактора и потребителей.

Таким образом, графическая модель, изображенная на рис. 8, представляет собой аналитический комплекс взаимосвязанно изменяющихся одномерных графиков со своими шкалами измерения. Для оценки данных взаимосвязей может быть использован аппарат корреляционного регрессионного моделирования. Преимущество данной аналитической модели состоит в возможности выявления на ее основе диспропорции развития социальной и промышленно-хозяйственной деятельности индустриального региона под влиянием проявления социально-экономических рисков, что дает возможность их учесть в рамках проводимой социально и промышленной политики государства.

Как следует из рис. 8, гармонизация государственной социальной и промышленной политики необходимы для обеспечения приемлемого уровня качества жизни, характеризующего комфортность среды жизнедеятельности населения региона и представленного в виде всеобъемлющей сферы. Как уже было отмечено, под ядром в модели понимается численность трудоспособного и нетрудоспособного населения региона. При этом трудоспособное население обеспечивает не только потребительский спрос, но и является трудовым производственным ресурсом. Нетрудоспособное население принимается во внимание поскольку оно дополняет потребительский спрос, тем самым увеличивая пропорции социально-экономической деятельности и оказывая влияние на проводимую социальную и промышленную политику в регионе.

С ростом уровня качества жизни, следуя логике рис. 8, будет наблюдаться рост потребления, что отразится на увеличении радиуса, характеризующего масштаб социальной и экономической деятельности, регулируемой социальной и промышленной политикой. В этом случае, если возрастает производительность труда, при условии сбалансированного развития областей приложения социальной и промышленной политики, повысится качество жизни регионального населения. Если же произойдет разбалансирование вследствие проявления социальных рисков, то может возрасти уровень безработицы и сократиться объем социальных услуг. Как следствие, сократится численность населения региона по причине миграции в более комфортные территории. Отсюда, объемы промышленного производства тоже

уменьшаться. Решение данной проблемы представляется возможным на основе проводимой государством взвешенной социальной и промышленной политики, чувствительной к появлению риска и способной понизить их уровень.

Уровень качества жизни может быть определен комплексом общепризнанных факторов:⁸⁴

- 1) размер и структура потребительского спроса;
- 2) низкий уровень профессиональной заболеваемости;
- 3) условия для создания и развития семьи;
- 4) удовлетворение культурно-просветительского спроса;
- 5) уровень чистоты окружающей среды в регионе.

В свою очередь каждый из этих факторов напрямую детерминирован региональными особенностями социально-экономической жизнедеятельности. Потребительский спрос определяется размером доходов работников, который зависит от структуры промышленного производства, сложившегося в регионе, и природно-климатических условий, предъявляющих дифференцированные требования к калорийности, а, следовательно, стоимости продуктов питания, затратам на теплую одежду и коммунальным платежам.⁸⁵

Уровень профессиональной заболеваемости определяется с одной стороны типом и условиями промышленного производства, а с другой стороны природно-климатическими условиями региона. В зависимости от преобладания какого-либо типа производства доминирует тот или иной вид профессионального заболевания, характерный для промышленного региона в целом, который усугубляется суровым климатом, понижающим уровень иммунитета у работников.⁸⁶

⁸⁴ Реструктуризация регионального промышленного комплекса: от индустриальной к социально ориентированной модели. В 2 т. Т. I / РАН, УрО, Ин-т экономики; под общ. ред. Чл.-кор. РАН А.И. Татаркина. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2005. – 722 с.

⁸⁵ Большой Урал: социально-экономические и пространственные изменения в первые десятилетия XXI века / под ред. д-ра экон. наук Лавриковой Ю. Г. – Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2024. – 324 с.; Суворова А.В. Особенности измерения социально-экономического пространства в региональных стратегиях развития / Институт экономики УрО РАН. – материал конференции, 2020. – 12 с.

⁸⁶ Шнипер Р.И. Регион: диагностика и прогнозирование / под ред. В.В. Кулешова. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1996. – 135 с.; Шнипер Р.И., Новосёлов А.С. Региональные проблемы рыноковедения: экономический аспект. – Новосибирск: Наука, 1993. – 436 с.

Благоприятные условия труда для создания и развития семьи зависят от прибыльности региональной кластерно-сетевой и промышленно-сетевой системы, поскольку, чем больше прибыль предприятия и масштабы производства, тем больше возможностей и потребностей для развития объектов социокультурного назначения и бытовых услуг, поскольку с развитием производства увеличивается численность занятых, нуждающихся в удовлетворении соответствующих потребностей. Кроме того, увеличиваются налоговые поступления в бюджеты всех уровней, в результате чего появляются дополнительные возможности по финансированию объектов здравоохранения, дошкольного, школьного и вузовского образования. По этой же причине рост занятости населения обеспечивает достаточный уровень финансирования объектов культурно-просветительской деятельности.

Экологическое качество окружающей среды также зависит от промышленной структуры региона. Доминирование тех или иных отраслей промышленности, вносящих наибольший вклад в загрязнение окружающей среды в регионах с преобладанием добывающих или химических производств, делает проживание в этих регионах менее комфортным, чем в регионах с другими отраслями промышленности, что влияет на трудовую миграцию населения.

Таким образом, уровень качества жизни трудовых ресурсов определяется комплексом социально-экономических условий, сложившихся в промышленном регионе, что требует индивидуального территориального подхода при их анализе и интеграции учета данных факторов при разработке концепций и программ региональной промышленной политики и инструментов управления индустриальной территорией. При этом исходя из сложившейся территориальной специфики значимость рисков для каждого субъекта РФ также имеет индивидуальный характер.

Для обоснования объективной ценности факторов, определяющих уровень качества жизни для населения, был проведен соответствующий анализ по регионам Российской Федерации с максимальной численностью населения, учитывающий влияние региональной специфики на значимость данных факторов. Такой выбор обусловлен тем, что наиболее комфортные условия проживания и труда в наибольшей степени привлекают население.

В качестве инструмента обоснования значимости факторов был использован коэффициент корреляции. Данный показатель предназначен для оценки тесноты взаимосвязи между изменением численности населения региона и факторного признака. Наличие тесной взаимосвязи послужит подтверждением способности фактора удерживать человека в регионе или, в противном случае, стимулировать его к миграции.

Для проведения расчетов были собраны репрезентативные статистические данные по регионам РФ, представленные в таблице 6, в разрезе следующих групп показателей:

- 1) доля расходов на покупку товаров и оплату услуг, % (P_c);
- 2) число больничных коек всего, чел. (H_b);
- 3) заболеваемость на 1000 населения, чел. (D);
- 4) общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, м. Кв. (b);
- 5) охват дошкольным образованием, %. (CG);
- 6) количество школ, ед. (S);
- 7) количество посещений театров на 1000 жителей, чел. (N_c);
- 8) выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, тыс. т. (P);
- 9) территория региона на одного жителя, кв. м. (T).

Выбор данных показателей обусловлен, с одной стороны, анализом трудов Уральского отделения Российской академии наук, а с другой – наличием доступных статистических данных в государственном комитете статистики для периодического проведения анализа изменения социально-экономических состояния регионов и рисков.

Теоретико-прикладным обоснованием использования данных показателей послужила следующая аргументация.

1. Для характеристики размера и структуры потребительского спроса наилучшим образом подходит показатель доли расходов на покупку товаров и оплату услуг в общей структуре его потребителя.

Таблица 6 – Статистические данные для тесноты взаимосвязи между изменением численности населения региона и изменением факторного признака за 2023 г.⁸⁷

Субъект РФ	Численность населения	Pc	Hb	D	B	CG	S	Nc	P	T
Москва	13 104 177	66,7	75,9	693,6	22,15	51,9	1 201,2	538	63	19,55
Московская область	8 591 736	77,3	55,4	701,0	34,01	78,6	1 074,5	104	205	519,10
Краснодарский край	5 819 345	99,1	42,4	683,7	31,04	65,6	783,6	103	361	1 295,68
Санкт-Петербург	5 600 044	83,2	47,2	1 124,0	27,83	87,8	595,9	822	67	25,54
Свердловская область	4 239 161	80,0	36,6	921,8	29,80	82,7	563,7	325	817	4 595,25
Ростовская область	4 164 547	88,7	33,3	750,2	28,34	70,9	470,1	204	128	2 420,43
Республика Башкортостан	4 077 600	88,0	30,0	1 022,5	29,63	82,6	523,7	257	447	3 521,68
Республика Татарстан	4 001 625	80,0	24,7	828,6	29,63	77,6	503,5	341	320	1 694,31
Тюменская область	3 851 234	64,7	28,5	890,9	25,70	83,6	572,5	200	2 223	38 018,02
Челябинская область	3 407 145	79,8	24,9	939,3	29,15	87,3	440,3	225	410	2 579,87
Республика Дагестан	3 209 781	79,8	20,7	794,6	21,85	38,8	479,9	122	12	1 567,09
Самарская область	3 142 683	80,7	22,3	935,4	30,04	77,3	365,5	277	222	1 705,55
Нижегородская область	3 081 817	85,0	28,1	1 012,6	30,34	85,1	359,1	317	129	2 485,55
Ставропольский край	2 891 204	93,1	23,4	846,3	25,93	70,3	324,5	117	99	2 300,08
Красноярский край	2 845 545	73,2	22,0	844,1	27,29	75,1	373,2	103	2 489	83 182,66
Новосибирская область	2 794 266	77,3	25,0	810,4	28,85	73,1	373,4	394	199	6 377,35
Кемеровская область	2 568 238	73,9	22,7	780,5	27,41	78,8	320,3	178	1 429	3 726,29
Пермский край	2 508 352	76,9	18,9	921,5	27,96	89,5	340,8	349	286	6 402,61
Волгоградская область	2 470 057	73,0	21,2	650,5	26,42	75,4	145,4	214	367	4 570,74
Саратовская область	2 404 944	82,8	22,2	734,8	31,90	71,9	256,8	266	138	4 208,00

⁸⁷ Составлено автором на основе: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. / Росстат. – М., 2024.

2. Уровень заболеваемости, исходя из доступных статистических данных Росстата может быть описан двумя показателями. Первый из них – это число больничных коек, которое определяет возможность учреждений здравоохранения оказывать медицинские услуги. Второй показатель – заболеваемость на 1000 жителей. Он описывает фактическую потребность в лечении жителей региона с учетом промышленной специализации.

3. Условия создания и развития семьи предлагается оценить на основе трех показателей Росстата:

1) общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, так как наличие достаточной площади создает условия для благополучного воспитания детей;

2) охват дошкольным образованием – при отсутствии дошкольных учреждений семейные пары вынуждены переезжать в те регионы, где эта проблема решена. В противном случае они не смогут полноценно работать из-за необходимости присмотра за детьми, что также подрывает семейный бюджет и лишает молодое поколение полноценной дошкольной подготовки;

3) количество школ на начало 2023/2024 учебного года. Выбор данного показателя обусловлен необходимостью подготовки детей к современной жизни, что невозможно без полноценного школьного образования.

4. Уровень удовлетворения культурно-просветительского спроса предлагается оценивать по количеству посещений театров на 1000 жителей промышленного региона.

5. Для анализа уровня качества региональной окружающей среды могут быть использованы два показателя Росстата: выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, и территория региона на одного жителя.

Собранные данные необходимо подвергнуть процедуре нормализации с помощью линейного преобразования по формуле:⁸⁸

$$f = \frac{f_j(x) - f_j^{\min}}{f_j^{\max} - f_j^{\min}} \quad (1)$$

где f_j – нормализованное значение j -го показателя в исследуемом регионе;

$f_j(x)$ – текущее значение соответствующего j -го показателя в исследуемом регионе;

$f_j^{\min}$, $f_j^{\max}$ – соответственно минимальное и максимальное значение j -го показателя в исследуемом регионе.

Следует принять во внимание, что факторы могут оказывать как прямое, так и обратное воздействие на результирующий показатель, что затрудняет проведение анализа. Для решения этой проблемы необходимо взять обратные значения тех факторов, для которых значение коэффициента корреляции принадлежит интервалу $[-1; 0]$. Это обеспечит однонаправленность факторных показателей и позволит оценить весовые коэффициенты значимости каждого фактора для целей анализа по авторской формуле:

$$b_i = \frac{r_{xч}}{\sum_{i=1}^n r_{x_iч}}, \quad (2)$$

где b_i – весовой коэффициент между численностью населения и i -м факторным показателем в исследуемом регионе;

n – количество анализируемых факторов;

r – положительный коэффициент корреляции между фактором и численностью населения региона;

x – анализируемые факторы;

$ч$ – численность населения в регионе, млн. чел.

На следующем этапе предлагается использовать авторский механизм оценки уровня качества жизни в исследуемом регионе:

⁸⁸ Царев В.В., Кантарович А.А., Черныш В.В. Оценка конкурентоспособности предприятий (организаций). Теория и методология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Экономика и управление». – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 799 с.

$$КЖ_i = \sum_{j=1}^m \frac{f_j(x) - f_j^{\min}}{f_j^{\max} - f_j^{\min}} * b_{ij} , \quad (3)$$

где $КЖ_i$ – безразмерная величина уровня качества жизни населения в исследуемом регионе.

Полученный показатель оценки качества жизни будет характеризовать уровень комфортности жизнедеятельности человека в регионе или условный радиус сферы, представленный на рисунке 3.

В целях описания системной взаимосвязи показателей социальной и экономической деятельности промышленного региона под влиянием регулирования социально и промышленной государственной политики, представленных в сферической модели на рисунке 3, предлагается воспользоваться системой рекурсивных эконометрических уравнений. Данная система содержит три уравнения, которые последовательно описывают:

- 1) зависимость численности населения, проживающего в промышленном регионе от уровня качества жизни;
- 2) зависимость объема производства промышленной продукции в экономической подсистеме от численности населения региона и уровня качества его жизни;
- 3) зависимость объема оказываемых социальных услуг от промышленного производства, численности населения и качества его жизни.

Предлагаемая система уравнений имеет вид:

$$\begin{cases} Ч = a_{11} + a_{12} * КЖ_i \\ y_{пр} = a_{22} * Ч + a_{23} * КЖ_i + a_{24} * x_1 \\ y_y = a_{31} * y_{пр} + a_{32} * Ч + a_{33} * КЖ_i + a_{34} * x_1 + a_{35} * x_2 \end{cases} , \quad (4)$$

где $Ч$ – численность населения в исследуемом регионе, млн. чел.;

$КЖ_i$ – уровень качества жизни населения в исследуемом регионе;

$y_{пр}$ – объем промышленного производства в исследуемом регионе;

y_y – объем оказываемых услуг в исследуемом регионе;

a_{ij} – искомые параметры уравнения регрессии в системе;

x_1 – инвестиции в основной капитал, млн. руб.

x_2 – социокультурные расходы, осуществляемые государством, млн. руб.

Такая логика построения модели обусловлена системным и последовательным характером взаимовлияния ключевых факторов и сфер социальной и государственной политик. Полученная модель позволяет не только отследить, каким образом изменение уровня качества жизни населения отражается на результирующих показателях промышленного региона, но и зафиксировать характер обратных связей, формирующих маятниковый эффект. Это даёт возможность рассматривать уровень качества жизни как стратегический индикатор, интегрирующий социальные и экономические приоритеты.

На основе данной модели становится возможным количественно оценить экономический ущерб, возникающий вследствие трансформации отдельных факторов, определяющих уровень качества жизни, под влиянием проявления социальных рисков. Такой ущерб выражается в недопроизводстве продукции, снижении занятости, росте социальной напряжённости и, в конечном счёте, в замедлении темпов устойчивого развития. С точки зрения применения этой авторской индикативной модели возможный ущерб прогнозируется как разница между состоянием результирующих параметров рекурсивной системы ($Ч$, $У_{пр}$, $У_y$) до и после изменения в ней любого из вышеописанных факторов, рассматриваемых в рамках государственной социальной политики.

Выбор такого методического подхода к индикативному моделированию обоснован глобальной повесткой устойчивого развития (ЦУР):

- 1) ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост» – фиксирует взаимосвязь занятости и производительности с качеством жизни;
- 2) ЦУР 10 «Сокращение неравенства» – акцентирует внимание на региональной и социальной дифференциации, проявляющейся в изменении доходов и доступности услуг;
- 3) ЦУР 11 «Устойчивые города и населённые пункты» – отражает роль качества среды и инфраструктуры в снижении социальных рисков;
- 4) ЦУР 17 «Партнёрство в интересах устойчивого развития» – подчёркивает необходимость межсекторного взаимодействия государства, бизнеса и общества при управлении рисками.

Таким образом, разработанная индикативная модель не только объясняет логику функционирования социально-экономической системы промышленного региона, но и позволяет встроить её в международный дискурс устойчивого развития, задавая основу для сопоставимости и оценки эффективности реализуемой государственной политики.

Включение ЦУР в исследование обусловлено их универсальным статусом как международного ориентира, задающего рамки для национальных и региональных стратегий. ЦУР представляют собой систему согласованных приоритетов, направленных на обеспечение баланса между экономическим ростом, социальной справедливостью и экологической устойчивостью. В российской практике они находят отражение в документах стратегического планирования, предусмотренных Федеральным законом № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», что делает их удобным инструментом интеграции национальных и глобальных ориентиров.

Использование ЦУР в анализе и управлении промышленным регионом позволяет не только оценить социальные риски, но и соотнести их с более широкими задачами устойчивого развития, которые приняты мировым сообществом. Такой подход повышает практическую значимость исследования, обеспечивает его сопоставимость с международными стандартами и позволяет выявить, какие именно глобальные цели оказываются наиболее уязвимыми к влиянию социальных рисков в промышленном регионе.

Рассмотрим каждую из обозначенных целей более подробно.

1. ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост».

Для промышленного региона данная ЦУР является базовой, поскольку именно промышленность обеспечивает основу экономической динамики и занятости. В системе стратегического управления она предполагает:

- создание условий для модернизации производства и повышения производительности труда;
- стимулирование инвестиций в высокотехнологичные сектора и «зелёную» индустриализацию;

- развитие рынка труда – повышение квалификации кадров, программы опережающего обучения, интеграция профессионального образования и бизнеса;
- обеспечение баланса между экономическим ростом и социальной стабильностью.

Очевидно, что ЦУР 8, ставя во главу угла задачи модернизации производственного комплекса, повышения производительности труда и стимулирования инвестиций в высокотехнологичные сектора, позволяет определять рамки промышленной политики региона. В условиях промышленного региона данный приоритет сопряжён с необходимостью развития человеческого капитала: создание современных программ профессионального образования, опережающей подготовки кадров и механизмов взаимодействия с работодателями становится условием конкурентоспособности на глобальных рынках. Это отражает необходимость соединения индустриального роста с формированием современного человеческого капитала и стимулированием инновационной экономики. Именно поэтому ЦУР 8 в промышленном регионе не только задаёт траекторию роста, но и выступает связующим звеном между промышленной и социальной политикой.

2. ЦУР 10 «Сокращение неравенства».

Проблема социального неравенства особенно ярко выражена в индустриальных регионах, обладающих высокоразвитыми промышленными центрами и депрессивными периферийными районами. В условиях индустриальных территорий неравенство проявляется в двух измерениях:

- социальное в виде «разрыва» в доходах и доступе к качественным услугам между различными группами населения;
- территориальное в виде «разрыва» между «индустриальными центрами» и периферийными территориями.

В этой связи, основными ориентирами стратегического управления становятся:

- выравнивание территориального развития через программы инфраструктуры, ЖКХ и доступности транспорта;

- поддержка уязвимых социальных групп при структурных сдвигах, например, при закрытии нерентабельных производств;
- адресные меры по снижению бедности и стимулированию социальной мобильности.

В данном контексте стратегическое управление предполагает реализацию такой государственной социальной политики, которая будет выступать не только компенсаторным механизмом, но и условием долгосрочной устойчивости экономического роста, выступая гарантом того, что промышленный рост не приводит к углублению социального расслоения и усилению социальной дифференциации.

3. ЦУР 11 «Устойчивые города и населённые пункты» непосредственно соотносится с пространственной политикой региона. Промышленные регионы часто сталкиваются с урбанизационными вызовами: износ инфраструктуры, экологическая нагрузка, деиндустриализация отдельных территорий. В стратегическом управлении эта ЦУР означает:

- переход к устойчивому градостроительству, включающему экологические стандарты, энергоэффективность, развитие общественного транспорта;
- реновацию промышленных зон и их интеграцию в городскую среду;
- улучшение качества городской среды как фактора привлечения и удержания человеческого капитала.

Важно подчеркнуть, что для промышленного региона это имеет ключевое значение, поскольку промышленные города, традиционно несущие высокую экологическую нагрузку, нуждаются в реновации, внедрении принципов «зелёного градостроительства», развитии экологически чистого транспорта и повышении качества их населения за счет создания соответствующей городской среды. Устойчивые города становятся не просто пространством проживания, а важнейшим фактором удержания трудовых ресурсов и повышения инвестиционной привлекательности региона.

4. ЦУР 17 «Партнёрство в интересах устойчивого развития» выполняет роль институционального каркаса, обеспечивающего согласованность действий всех акторов развития, в том числе государства, бизнеса, науки, гражданского

общества и международных организаций, что является ключевым условием реализации стратегического управления промышленным регионом. Это партнерство выражается в:

- обеспечении инфраструктурных проектов на основе государственно-частное партнёрства;
- формировании инновационных кластеров, создающих базу для взаимодействия региональной промышленности с университетами и научно-исследовательскими институтами;
- трансфере технологий и интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости в рамках международного сотрудничества.

Государственно-частные партнёрства, инновационные кластеры «университет – наука – бизнес», а также международное сотрудничество формируют основу для интеграции региона в глобальные цепочки добавленной стоимости. Без этой институциональной рамки исключена реализация стратегических задач, поскольку будет невозможно компенсировать ресурсные ограничения, что создаст реальную угрозу устойчивости регионального развития.

На рисунке 4 показана схема взаимосвязи ЦУРов со стратегическими задачами управления промышленным регионом. Она демонстрирует, как выбранные цели устойчивого развития (8, 10, 11, 17) трансформируются в конкретные направления региональной стратегии: от модернизации промышленности и сокращения неравенства до устойчивого градостроительства и партнёрства.

Интеграция ЦУР в стратегическое управление промышленным регионом позволяет перевести глобальные ориентиры устойчивого развития в конкретную управленческую практику.

Таким образом, трансформация приоритетов целей устойчивого развития (ЦУР 8, 10, 11 и 17) в систему стратегического управления промышленным регионом отражена во взаимосвязи между глобальными целями и конкретными направлениями региональной политики: от модернизации и технологического обновления промышленности до выравнивания территориального развития, формирования устойчивой городской среды и институциональной кооперации. Тем самым схема

фиксирует интеграцию ЦУР в контуры государственного стратегического управления промышленным регионом, позволяя сформировать сбалансированную управленческую модель, в которой экономический рост дополняется социальной инклюзивностью, пространственной устойчивостью и институциональной кооперацией. В результате промышленный регион получает возможность не только укрепить свою конкурентоспособность, но и обеспечить долгосрочную устойчивость развития в соответствии с принципами глобальной повестки устойчивого развития.

Рисунок 4. Схема взаимосвязи ЦУРов со стратегическими задачами управления промышленным регионом

Исходя из предложенной концепции появляется необходимость в разработке особого государственного стратегического механизма управления промышленным регионом, который бы в себе гармонично интегрировал:

- 1) комплекс процессов, характеризующих социальные риски;
- 2) авторские инструменты государственного регулирования социальной и экономической деятельности в регионе, способные оказать управленческое воздействие на эти риски.

Решению данной задачи посвящены следующие параграфы.

2.2. Теоретико-методическое обоснование инструментария идентификации и оценки социальных рисков

Индустриальная концепция традиционно акцентирует внимание на росте производительности труда, но одновременно предполагает истощение физических сил и трудового потенциала человека, что снижает долгосрочную устойчивость развития региона. В отличие от социально-ориентированного подхода, она фактически игнорирует издержки упущенной выгоды, возникающие при проявлении социальных рисков. Под такими издержками следует понимать недопроизведённый валовой региональный продукт, заниженный уровень производительности труда, снижение инвестиционного потенциала и, как следствие, ограничение формирования региональной добавленной стоимости.

В рамках социально-ориентированной концепции государственный механизм стратегического управления промышленным регионом должен учитывать эти потери как ключевой элемент риск-менеджмента. Применение авторской модели промышленного региона, описанной в предыдущем параграфе, позволяет увязать развитие экономической деятельности под влиянием промышленной политики с потенциалом, формируемым социальной политики. В этой модели базовым элементом выступает человек – хозяйствующий субъект, обладающий способностью создавать и потреблять добавленную стоимость. Масштаб развития региона определяется практической реализацией этих индивидуальных потенциалов. При нарушении баланса между возможностями производства и потребления происходит сокращение производственного потенциала и деградация сферы социальных услуг в рамках, казалось бы, эффективно проводимой промышленной и социальной политик, что приводит к усилению социальных рисков и подрыву устойчивости регионального развития.

Такой дисбаланс препятствует достижению глобальных целей устойчивого развития: ЦУР 8 («Достойная работа и экономический рост»), так как ослабляется

производственная и трудовая база; ЦУР 10 («Сокращение неравенства»), поскольку усиливается социальная дифференциация; ЦУР 11 («Устойчивые города и населённые пункты»), так как снижается привлекательность и устойчивость региональной среды; и ЦУР 17 («Партнёрство в интересах устойчивого развития»), поскольку необходимость совместной ответственности государства, бизнеса и общества за снижение социальных рисков становится критическим условием.

Руководствуясь результатами корреляционного анализа, проведенного по данным таблицы 6, позволяющим судить о значимости фактор определяющих уровень качества жизни населения, автором были выделены следующие основные риски:

- 1) сокращение потребительского спроса;
- 2) увеличение заболеваемости;
- 3) ухудшение условий для создания семьи;
- 4) снижение потребности в услугах досуга;
- 5) увеличение уровня загрязнения окружающей среды.

Их негативное воздействие, приводящее к разбалансированию социальной и экономической среды промышленного региона в сочетании с маятниковым эффектом, описанный в предыдущем параграфе, можно описать на рисунке 5.

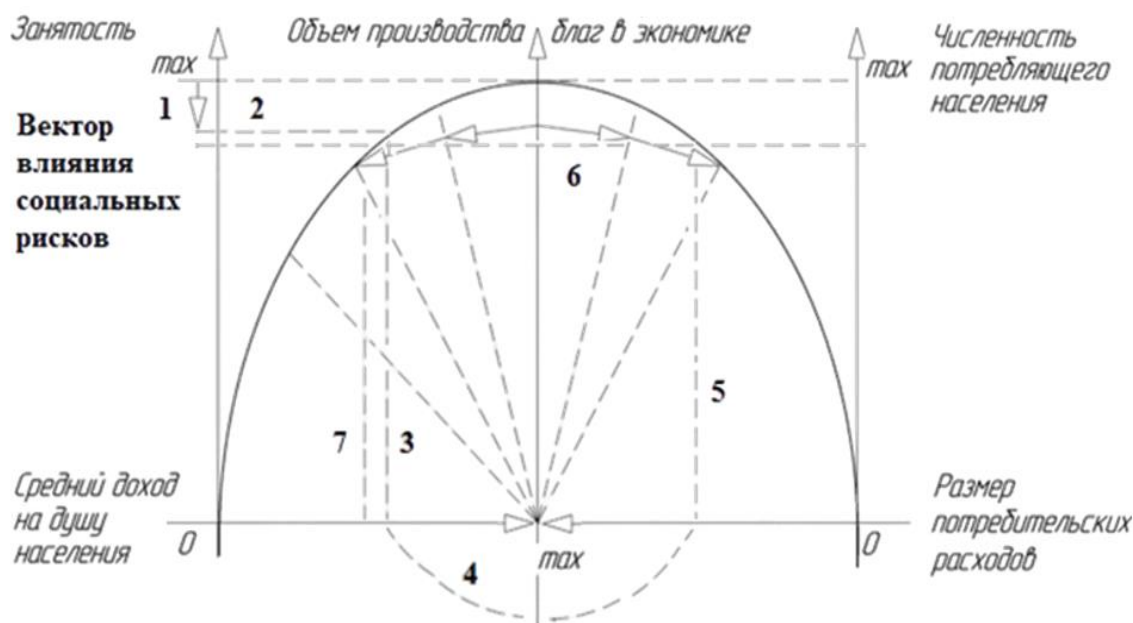

Рисунок 5. Эффект социально-экономического маятника в экономике промышленного региона при проявлении социальных рисков

Проявление социального риска снижает уровень качества жизни и запускает следующую последовательность экономических процессов: сокращение занятости населения (1), падение объёмов производства благ из-за нехватки персонала (2), уменьшение среднедушевого дохода населения (3), снижение потребительских расходов (4), убывание численности платежеспособных потребителей и объема спроса (5), сокращение объёмов предложения (6), олицетворяющее потери региона от недопроизводства благ. Новое экономическое состояние региона повышает уровень социальных рисков и ухудшает качество жизни, что опять найдет выражение в снижении занятости. Таким образом, социальные риски и порождаемые их проявлением экономические процессы, ведущие к упущенной выгоде, усиливают друг друга маятниковым образом.

При этом приведение социально-экономической системы региона к сбалансированному виду будет затруднено, поскольку невозможно наращивать инвестиции в реальный сектор экономики региона, если существует нехватка трудоспособного населения или оно не готово к применению инновационных технологий и изменившимся условиям труда.

Также следует заметить, что спрос на производимые в регионе блага может не сократиться, если их потребляют за его пределами. Однако, в силу того что кадровый потенциал населения не занятого в сфере производства, не используется, социально-экономическая система региона в долгосрочном периоде сократится в своих масштабах до уровня, обеспечивающего только лишь условия жизнедеятельности населения, занятого на данном производстве. В такой системе может быть экономический рост, но она не достигнет максимального потенциала своего развития по причине недостатка в обеспечении трудоспособным населением.

Все это только усиливает значимость скоординированности государственной социальной и промышленной политики в решении вопроса понижения социальных рисков и требует разработки соответствующего государственного инструментария, гармонично встроенного в социально-экономическую систему региона.

Обобщая вышеизложенное, нужно подчеркнуть, что авторский подход доказывает настоятельную необходимость в совершенствовании государственного

механизма стратегического управления промышленным регионом с учетом социально ориентированной концепции, поскольку в ее основу положена фундаментальная роль человека, как источника импульса развития экономики. Данный механизм должен предусматривать методы минимизации социальных рисков и снижение амплитуды колебаний социально-экономического маятника.

Систематизация выявленных связей между социальными рисками промышленного региона и ЦУР представлена в виде тепловой карты, показанной на рисунке 6, позволяющей визуализировать концентрацию влияния по целям устойчивого развития.

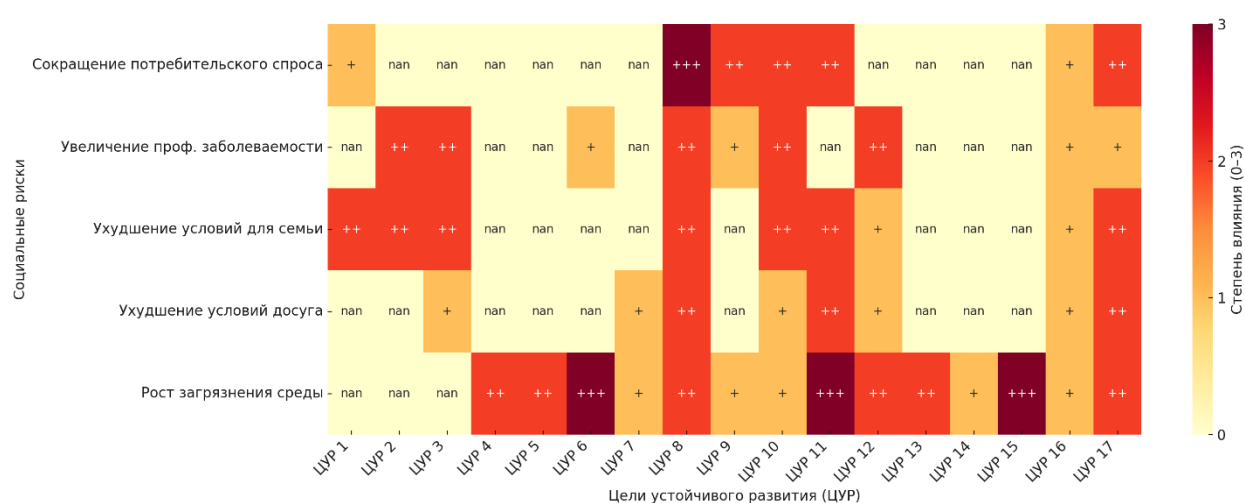

Рисунок 6. Тепловая карта влияния социальных рисков на достижение ЦУР в промышленном регионе

Тепловая карта влияния социальных рисков на достижение целей устойчивого развития иллюстрирует степень сопряженности выделенных в исследовании социальных рисков с глобальной повесткой устойчивого развития. По горизонтали представлены все 17 ЦУР, по вертикали – ключевые социальные риски промышленного региона.

Визуальная насыщенность ячеек отражает степень влияния: от «+» (слабое влияние) до «+++» (сильное влияние). Такой формат позволяет выявить наиболее «нагруженные» цели устойчивого развития, чувствительные к социальным рискам. Анализ показывает, что максимальная концентрация «+++» наблюдается в ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост», ЦУР 10 «Сокращение неравенства»,

ЦУР 11 «Устойчивые города и населённые пункты» и ЦУР 17 «Партнёрство в интересах устойчивого развития». Именно эти цели наиболее широко затрагиваются совокупностью рисков, что обосновывает их приоритетный выбор для диссертационного исследования.

В целях разработки указанных инструментов государственной политики был предложен авторский подход к оценке и управлению рисками, который предполагает постановку и решение многокритериальной задачи следующего вида. Пусть имеется ряд временных интервалов t_1^i , для каждого из которых характерны риски r_1^n . Каждый риск описывается совокупностью показателей j_1^m , количественно характеризующих гармоничность взаимосвязей сфер социальной политики и промышленной политики. Таким образом, комплекс показателей социально-экономического состояния и рисков промышленного региона x_{ir}^j в каждый момент времени можно записать в следующем виде:

$$\{KЖ_{ir}^j, t = 1 \dots i, r = 1 \dots n, j = 1 \dots m\}, \quad (5)$$

где $KЖ_{ir}^j$ – набор показателей, характеризующих состояние промышленного региона в отрезок времени t .

Алгоритм решения задачи представляет собой пошаговую последовательность действий:

- 1) формирование системы показателей для расчета коэффициента социальной напряженности в промышленном регионе;
- 2) нормализация каждого показателя с помощью линейного преобразования;
- 3) определение весовости каждого показателя;
- 4) расчет коэффициентов социальной напряженности по каждому риску и комплексного коэффициента социальной напряженности;
- 5) идентификация степени проявления социальных рисков в регионе;
- 6) оценка издержек упущенной выгоды от проявления социальных рисков.

Рассмотрим более подробно эти этапы.

Каждый из перечисленных выше рисков характеризуется определенным набором показателей, изменение которых предопределяет увеличение или снижение

социальной напряженности в промышленном регионе в результате проявления того или иного риска. В таблице 7 представлена система показателей для расчета коэффициента социальной напряженности по каждому выделенному риску в промышленном регионе.

Таблица 7 – Система региональных показателей социальной напряженности

№ п\п	Показатель
г.1.	Сокращение потребительского спроса
j.1.1	Среднегодовая численность занятых в промышленности, тыс. чел.
j.1.2	Среднедушевые денежные доходы населения, руб.
j.1.3	Уровень занятости, %
j.1.4	Численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, %
j.1.5	Размер затрат населения на непродовольственные товары и оплату услуг, тыс. руб.
г.2.	Увеличение профессиональной заболеваемости
j.2.1	Число больничных коек всего, тыс. ед.
j.2.2	Численность населения на одного врача, чел.
j.2.3	Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности на один рабочий день и более и со смертельным исходом всего, чел.
j.2.4	Число человек, признанных инвалидами, по профессиональным заболеваниям, чел.
j.2.5	Число профилактических осмотров людей, подлежащих периодическим осмотрам, чел.
г.3.	Ухудшение условий для создания семьи
j.3.1	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, м. кв.
j.3.2	Соотношение браков и разводов
j.3.3	Суммарный коэффициент рождаемости
j.3.4	Охват детей дошкольным образованием, %
j.3.5	Численность обучающихся общеобразовательных организаций, тыс. чел.
г.4.	Снижение потребности в услугах досуга
j.4.1	Число посещений театров на 1000 жителей, чел.
j.4.2	Число посещений музеев на 1000 человек населения, чел.
j.4.3	Число специализированных коллективных средств размещения, ед.
j.4.4	Численность туристов, граждан РФ, обслуженных туристскими фирмами, чел.
j.4.5	Численность занимавшихся в спортивных секциях и группах, чел.
г.5.	Увеличение уровня загрязнения окружающей среды
j.5.1	Образовалось отходов производства и потребления, тыс. т.
j.5.2	Объём сброса сточных вод в поверхностные водные объекты, млн. м ³
j.5.3	Выброшено в атмосферу загрязняющих веществ, тыс. т
j.5.4	Уловлено и обезврежено загрязняющих атмосферу веществ, %
j.5.5	Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, млн. руб.

Выбор данных показателей был обоснован, с одной стороны, однозначностью интерпретации их изменения с точки зрения их влияния на уровень риска, а с другой – наличием соответствующей информации в периодических изданиях

государственного комитета статистики РФ. Так как предложенная система показателей характеризуется разными единицами измерения, то исходные данные необходимо подвергнуть процедуре нормализации с помощью линейного преобразования по формуле (1).

Для оценки общего состояния промышленного региона предлагается использовать интегральные коэффициенты социальной напряженности по каждому риску, отражающие пропорцию увеличения того или иного риска при заданных параметрах развития региона и протекающих в нем социально-экономических процессах. Свертка полученных значений в интегральные коэффициенты социальной напряженности по каждому году периода анализа позволяет оценить гармоничность взаимодействия сфер социальной и промышленной политик и использовать полученные данные в последующем процессе принятия государственных управленческих решений при проектировании будущих целевых ориентиров развития региона.

Очевидно, что каждый из выделенных показателей при их сведении в интегральный коэффициент социальной напряженности будет иметь свой весовой коэффициент. Для обоснования уровня значимости каждого показателя по аналогии с алгоритмом анализа, проведенным в первом параграфе данной работы, была собрана репрезентативная выборка по регионам Российской Федерации, наиболее представительным по численности населения, в разрезе обозначенных показателей. Она необходима для расчёта корреляционных и весовых коэффициентов (см. Приложение 2). Это позволит объективно оценить тесноту взаимосвязи между изменением численности населения региона и показателем, характеризующим проявление каждого социального риска, т.е. чем выше значение коэффициента корреляции, тем больше от величины показателя зависит уровень проявления социального риска, а также желание населения проживать в конкретном регионе или мигрировать в другой.

Интегральное значение коэффициента социальной напряженности по каждому социальному риску предлагается рассчитывать по следующей формуле:

$$KCH_{1...5} = \frac{\sum_{j=1}^m j_m * b_m}{5}, \quad (6)$$

где $KCH_{1...5}$ – значение интегрального коэффициента социальной напряженности по причине появления n -го социального риска;

j_m – нормализованное значение показателя;

b_m – весовой коэффициент, характеризующий значимость показателя для социального риска.

Для определения единого показателя по всем пяти социальным рискам, предлагается применить следующую авторскую формулу:

$$KKCH_r = \sqrt[5]{KCH_1 * KCH_2 * KCH_3 * KCH_4 * KCH_5}, \quad (7)$$

где $KKCH_r$ – комплексный коэффициент социальной напряженности региона РФ.

Преимуществом такого подхода к расчету комплексного коэффициента социальной напряженности является последовательность свертки индикаторов в единый интегральный показатель. Это позволяет не только анализировать динамику изменения комплексного коэффициента социальной напряженности в промышленном регионе, но и идентифицировать причины снижения уровня качества жизни населения за счет анализа изменения формирующих его индикаторов.

Практическое применение предложенной системы коэффициентов социальной напряженности предполагает идентификацию их пороговых значений, каждое из которых характеризует уровень гармоничности взаимосвязей сфер социальной и промышленной политик и эффективность государственного управления промышленным регионом в целом в зависимости от степени проявления социальных рисков. Данные пороговые значения характеризуют собой уровень социальной напряженности и позволяют определить возможность развития региона на основе их снижения.

Поскольку при оценке значимости факторов, определяющих риски, был использован коэффициент корреляции, предлагается авторская классификация регионов на основе численной интерпретации степени проявления их социальных рисков на базе шкалы качественной оценки значений коэффициента корреляции Чеддока, показанная в таблице 8.

Таблица 8 – Авторская интерпретация шкалы Чеддока для определения степени проявления социальных рисков в регионе

Значение ККСН	0-0,30	0,31-0,50	0,51-0,70	0,71-1,00
Характеристика силы связи между социально-экономическими процессами, измеряемая интегральным коэффициентом социальной напряженности	слабая	умеренная	заметная	высокая
Степень проявления социальных рисков	незначительная	умеренная	значительная	критическая

Каждый выделенный интервал характеризуется определенной степенью остроты проявления социальных рисков. Если значение комплексного коэффициента социальной напряженности попадает в интервал от $[0,00; 0,30]$, то это свидетельствует об эталонном состоянии системы, при котором проявление социальных рисков способно повлиять на изменение численности населения региона в интервале от 0 до 30% случаев. Если значение близко к 0, то система находится в идеальном состоянии и каких-либо мер по регулированию рисков не требуется. Если же значение комплексного коэффициента социальной напряженности близко к 0,30, то необходима реализация мер по проведению мониторинга пропорциональности развития сфер регулируемых социальной и промышленной государственной политикой для определения уровня качества жизни в регионе.

Следующее состояние системы характеризуется умеренной остротой проявления социальных рисков: комплексный коэффициент социальной напряженности принадлежит интервалу значений $[0,31; 0,50]$. При таком состоянии риски имеют умеренное влияние на динамику численности населения в регионе, т.е. проявление социальных рисков не способно радикальным образом изменить социально-экономические процессы в результате своего проявления, но способно оказать влияние на динамику ключевых параметров развития региона в размере 31-50%, в том числе и на качество жизни населения. Данное состояние системы предполагает проведение мониторинга социально-экономических процессов и уровня качества жизни в регионе, а также реализацию комплекса регулирующих мер по минимизации

влияния того или иного риска на результативность взаимодействия социальной и экономической подсистем.

Если комплексный коэффициент социальной напряженности находится в интервале $[0,51; 0,70]$, то это свидетельствует о том, что проявление социальных рисков способно изменить социальные и экономические процессы в регионе на 51-70%, т.е. способно радикально влиять на развитие региона и качество жизни в нем. Данное состояние предполагает необходимость использования средств федерального бюджета на снижение социальных рисков и повышение качества жизни населения при недостаточном применении инструментов решения данной проблемы у региональных органов власти.

Состояние системы, при котором значение комплексного коэффициента социальной напряженности наблюдается в интервале $[0,71; 1,00]$, свидетельствует о том, что проявление социальных рисков способно изменить социально-экономические процессы в регионе на 71-100%. Это означает, что регион, по сути, является дотационно-депрессивным, и применение регионального инструментария будет недостаточным. Необходимо федеральное антикризисное управление развитием данного субъекта РФ.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, алгоритм оценки и регулирования уровня качества жизни и идентификации социальных рисков, можно представить в виде рисунка 7.

Итак, сформированный методический инструментарий идентификации и оценки социальных рисков позволяет комплексно учитывать и сопоставлять ключевые характеристики уровня качества жизни населения, выступающие определяющим фактором результативности государственного стратегического управления промышленным регионом.

Применение данного инструментария на практике обеспечивает выявление наиболее значимых региональных проблем, препятствующих достижению стратегических ориентиров, и создаёт возможность формулировать приоритетные цели управления с их последующей корректировкой в процессе реализации.

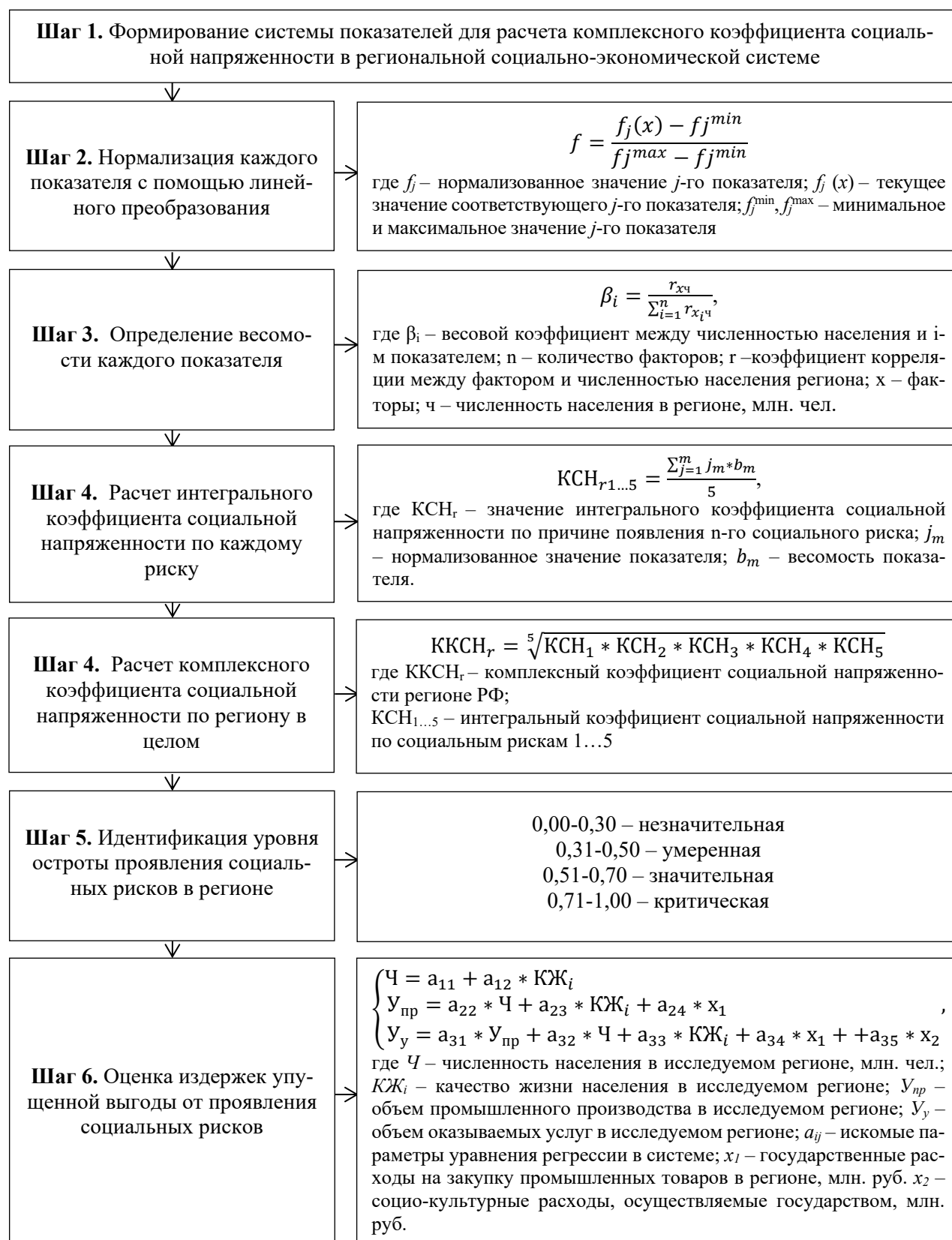

Рисунок 7. Алгоритм оценки и регулирования уровня качества жизни и идентификации социальных рисков

Встраивание инструментария в систему государственного стратегического управления промышленным регионом придаёт данному процессу новый уровень научной обоснованности. Риск-ориентированный подход позволяет увязать цели и задачи региональной стратегии с динамикой уровня качества жизни населения и социальными рисками, влияющими на производственные и демографические показатели. Это обеспечивает не только повышение точности прогнозирования, но и согласование региональной политики с федеральными стратегическими документами и целями устойчивого развития (ЦУР 8, 10, 11, 17).

Таким образом, разработка и внедрение авторского инструментария оценки уровня качества жизни и связанных социально-экономических процессов является необходимым условием для повышения результативности стратегического управления промышленным регионом и укрепления его конкурентоспособности в национальном экономическом пространстве.

Для этого, применительно к данной методике и протекающим в регионах социально-экономическим процессам, возникает настоятельная необходимость в разработке специфического авторского инструментария, регулирующего уровень качества жизни и указанных процессов, который рассмотрен в следующем параграфе диссертационной работы.

2.3. Разработка макроэкономических регуляторов как инструментов системы государственного стратегического управления промышленным регионом

Принимая во внимание авторскую модель функционирования промышленного региона, описанную в параграфе 2.1, а также социальные риски и алгоритм их оценки, подробно рассмотренные в параграфе 2.2, появляется необходимость в формировании и теоретическом обосновании инструментов нивелирования

социальных рисков для обеспечения эффективного стратегического государственного управления промышленным регионом.

В качестве таковых могут быть предложены налоговые инструменты и источники государственного финансирования, способные воздействовать на факторы, определяющие уровень качества жизни в регионе.

Поскольку комфортные условия среды обитания человека обеспечивают рост потенциала социально-экономического развития региона, представляется логичным оказывать регулирующее воздействие на комплекс факторов, влияющих именно на уровень качества жизни населения. Исходя из этого, предлагается выделить совокупность уже существующих инструментов государственного регулирования, которые могут быть применены новым способом в соответствии с авторским подходом.

В качестве системно-интегрированных макроэкономических регуляторов, гармонизирующих социально-экономическую деятельность в регионе, могут быть предложены:

- 1) макрорегулятор дифференциации межбюджетных трансфертов;
- 2) отчисления промышленных предприятий на улучшение здоровья кадрового состава;
- 3) макрорегулятор капитальных вложений в строительство школьных и дошкольных учреждений, создающих условия создания и развития семьи;
- 4) макрорегулятор капитальных вложений в строительство учреждений культуры и спорта, создающих условия удовлетворения культурно-просветительского спроса населения;
- 5) дифференциация ставок платы за загрязнение окружающей среды.

Необходимо отметить, что в рамках диссертационной работы под макрорегулятором понимается *способ и механизм (внутреннее устройство) организации и упорядочивания национального хозяйства, который направляет его развитие.*⁸⁹

Рассмотрим каждый из предложенных инструментов более подробно.

⁸⁹ Борисов Е.Ф. Основы экономики: учебник и практикум для СПО / Е. Ф. Борисов. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 399 с. – Серия: Профессиональное образование.

1. Макрорегулятор дифференциации межбюджетных трансфертов.

В данном случае речь идет о распределении федеральных ресурсов между регионами с использованием авторского механизма межбюджетных трансфертов, определяемых на основе показателей уровня социальной напряженности.

Межбюджетные трансферты представляют собой форму финансовой помощи, предоставляемой федеральным центром бюджетам субъектов Российской Федерации. В отличие от налогов (например, НДС), которые являются источником дохода федерального бюджета, трансферты выступают инструментом перераспределения этих доходов между регионами. Таким образом, федеральный центр аккумулирует средства (в том числе поступления от НДС), после чего направляет их в виде трансфертов в регионы.

Логика макрорегулятора заключается в следующем: регионы с более высоким уровнем социальной напряженности по риску r_1 «Сокращение потребительского спроса» (KCH_1) получают приоритетное финансирование, тогда как регионы с низким уровнем риска получают меньший объем средств. Такой подход позволяет автоматически увязывать финансовую поддержку с актуальными социальными рисками, снимая субъективизм и политизированность решений.

Расчет данного макрорегулятора предполагает несколько этапов.

1. Определение федерального пула для поддержки уровня потребительского спроса. Общий федеральный пул для поддержки уровня спроса задаётся как доля укрупнённых доходов центра (в т.ч. НДС) с «ограничителем», который гарантирует ненарушение доходной базы центра. Он рассчитывается по формуле:

$$P = R_t^{fed} * \lambda * K_{kop} + R_t^{oth}, \quad (8)$$

где: R_t^{fed} – совокупные доходы федерального бюджета в году t ;

$\lambda \in (0,1)$ – доля, направляемая в бюджет СОР;

$K_{kop} \in (0,1]$ – коэффициент-ограничитель, минимально защищающий доходную базу центра;

R_t^{oth} – иные источники (взносы по макрорегуляторам).

Доля λ , направляемая в бюджет СОР, формируется по аналогии с действующими целевыми фондами (например, дорожными фондами, ст. 179.4 Бюджетного кодекса РФ (БК РФ)), где закрепляется определённая часть налоговых поступлений. В отличие от полного изъятия, в модели предусматривается коэффициент-ограничитель $K_{\text{кор}}$, фиксирующий минимально допустимый объём доходов федерального бюджета. Таким образом, λ задаётся как нормативная доля от поступлений по налогу на добавленную стоимость и ежегодно утверждается в законе о федеральном бюджете, что обеспечивает встроенность механизма в существующую бюджетную систему и исключает риск дефицита средств по другим направлениям».

2. Коэффициент распределения пула по регионам определяется по формуле:

$$\omega_i = \frac{(KCH_{1i})^{\alpha} \cdot \varphi_i}{\sum (KCH_{1j})^{\alpha} \cdot \varphi_j}, \quad (9)$$

где: KCH_1 – коэффициент социальной напряжённости по риску 1 в регионе, $\alpha \geq 1$ – чувствительность к риску (чем выше, тем «острее» адресность), φ – корректирующий множитель, учитывающий уровень ВРП региона (чем ниже ВРП, тем выше вес).

В модели распределения средств бюджета СОР корректирующий множитель φ используется для учёта различий в фискальной и экономической способности регионов. Данный показатель формируется как отношение среднего уровня валового регионального продукта по совокупности субъектов РФ к величине ВРП конкретного региона, возведённое в степень η , отражающую чувствительность механизма к межрегиональным различиям:

$$\varphi = \left(\frac{\overline{GRP}}{GRP_i} \right)^{\eta}, \quad (10)$$

где: $\overline{GRP}$ – средний (или медианный) уровень валового регионального продукта (ВРП) по всем регионам; GRP_i – величина ВРП конкретного региона;

η – параметр эластичности (задаёт силу корректировки).

Если регион беднее среднего ($GRP_i < \overline{GRP}$), то дробь $\frac{\overline{GRP}}{GRP_i}$ больше 1, и множитель φ увеличивает вес этого региона в распределении фонда.

Если регион богаче среднего ($GRP_i > \overline{GRP}$), то дробь $\frac{\overline{GRP}}{GRP_i}$ меньше 1, и вес этого региона снижается.

Параметр η позволяет регулировать чувствительность:

- при $\eta=0$ корректировки нет, все регионы равны;
- при $\eta=1$ корректировка линейная;
- при больших η различия усиливаются.

Таким образом, φ выполняет функцию социально-территориального выравнивания: регионы с относительно низким ВРП получают больший вес при распределении трансфертов, что позволяет адресно поддерживать территории с ограниченной фискальной базой. Напротив, экономически более сильные регионы имеют сниженный вес, что соответствует принципу справедливости в межбюджетных отношениях, закреплённому в гл. 16 Бюджетного кодекса РФ.

3. Распределение федерального трансферта по риску 1 осуществляется по формуле:

$$T_{i-t}^{fed} = P_t * \omega_i * 1\{КСН_1 \geq \tau\}, \quad (11)$$

где: T_{i-t}^{fed} – объём федерального трансферта, направляемого региону i в период t из пула СОР по риску 1. Это целевое финансирование на меры, сглаживающие падение потребительского спроса.

$1\{КСН_1 \geq \tau\}$ – порог активации: равно 1, если $КСН_1$ в регионе превышает степень остроты проявления рисков τ по шкале Чеддока, и 0 – иначе. Порог τ задаёт автоматическое включение региона в распределение при достижении заметной социальной напряжённости.

Таким образом, предлагаемый макрорегулятор обеспечивает автоматическую привязку межбюджетных трансфертов к уровню социальных рисков в регионах. Он сохраняет устойчивость федеральных доходов за счет коэффициента-ограничителя, встраивается в действующую систему Бюджетного кодекса РФ (гл. 16), а также соответствует принципам риск-ориентированного управления, превращая поддержку в прозрачный, риск-ориентированный инструмент, совместимый с БК РФ и контуром стратегического планирования ФЗ-172.

Также макрорегулятор органично увязан с глобальной повесткой устойчивого развития. Он непосредственно связан с:

- ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост», поскольку его применение позволяет перераспределять ресурсы в регионы с высоким уровнем социальной напряжённости, вызванной сокращением потребительского спроса. Это поддерживает занятость и стимулирует предпринимательскую активность, снижая риски массовой безработицы и падения производительности труда;

- ЦУР 10 «Сокращение неравенства», так как трансферты, распределяемые с учётом коэффициента социальной напряжённости (KCH_1), обеспечивают адресную поддержку наиболее уязвимых территорий. Это снижает дисбалансы между регионами по уровню доходов населения и доступу к социальным благам, выравнивая возможности для социально-экономического развития;

- ЦУР 11 «Устойчивые города и населённые пункты» через содействие развитию инфраструктуры, модернизации городской среды и повышению уровня качества жизни населения. Это предотвращает миграционный отток и усиливает устойчивость городской среды в условиях кризисов;

- ЦУР 17 «Партнёрство в интересах устойчивого развития» через усиление координации политики на разных уровнях власти, а также формирование основы для партнёрства государства, бизнеса и общества в решении социальных проблем посредством расширения взаимодействия федерального центра, региональных властей и местного самоуправления.

2. Макрорегулятор затрат промышленных предприятий на улучшение здоровья кадрового состава является ключевым инструментом минимизации социального риска, связанного с профессиональной заболеваемостью и преждевременной утратой трудоспособности. Здоровье работников выступает базовым условием формирования устойчивого человеческого капитала, определяющего производительность труда, инновационный потенциал и конкурентоспособность промышленного региона. В условиях, когда показатели смертности людей трудоспособного возраста в России остаются значительно выше, чем в промышленно

развитых странах, а продолжительность жизни – ниже среднемировых значений, потери рабочей силы и сокращение продолжительности активной трудовой деятельности представляют собой издержки упущенной выгоды для социально-экономической системы.

Авторский механизм предполагает введение обязательных отчислений промышленных предприятий на программы профилактики и охраны здоровья кадрового состава, которые рассчитываются с учётом численности занятых, уровня профессиональной заболеваемости, региональных расходов на лечение трудовых потерь и удельного веса предприятия в структуре валового регионального продукта. Таким образом, формируется гибкая система софинансирования, ориентированная на возмещение и предупреждение издержек, возникающих в результате социальных рисков, и встроена в рамки стратегического планирования.

Реализация данного макрорегулятора соответствует положениям Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», закрепляющего необходимость учёта рисков при разработке стратегических документов и интеграции индикаторов качества жизни в систему мониторинга. Закрепление коэффициентов профессиональной заболеваемости и уровня затрат на восстановление здоровья в стратегических и программных документах региона обеспечивает их институционализацию и даёт возможность корректировать государственную политику в сфере охраны здоровья населения.

Кроме того, макрорегулятор органично увязан с глобальной повесткой устойчивого развития. Он непосредственно связан с:

- ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост», так как повышение здоровья работников напрямую связано с ростом производительности труда и снижением потерь экономики;
- ЦУР 10 «Сокращение неравенства», поскольку механизм позволяет нивелировать региональные различия в состоянии здоровья кадрового состава за счёт перераспределения ресурсов;

• ЦУР 17 «Партнёрство в интересах устойчивого развития», так как требует солидарной ответственности государства, бизнеса и общества в вопросах финансирования программ охраны здоровья.

Таким образом, макрорегулятор отчислений предприятий на здоровье кадрового состава выступает не только инструментом профилактики и компенсации социального риска r2 «Увеличение профессиональной заболеваемости», но и элементом стратегического управления промышленным регионом. Его внедрение способствует институционализации риск-ориентированной политики, укрепляет человеческий капитал и обеспечивает достижение стратегических целей, закреплённых как в национальных стратегиях, так и в международных ориентирах устойчивого развития.

Формирование данного механизма можно описать несколькими этапами:

1) расчет расходов региона на лечение профессиональных заболеваний:

$$RMC = Ч * D * \frac{RC}{ND}, \quad (12)$$

где RMC – расходы региона на лечение профессиональных заболеваний;

Ч – численность населения региона, тыс. чел.;

D – доля заболевших профессиональными заболеваниями, %;

RC – затраты на лечение профессиональных заболеваний в регионе, тыс. руб.;

ND – число заболевших профессиональными заболеваниями по региону, тыс. чел.

2) удельный вес объема производства предприятия, занимаемый в ВРП:

$$EMC = \frac{TR}{ВРП}, \quad (13)$$

где EMC – удельный вес объема производства предприятия, занимаемый в ВРП региона, %;

TR – объем производства предприятия в стоимостном выражении, тыс. руб.;

ВРП – валовой региональный продукт в регионе, тыс. руб.

3) расчет затрат промышленного предприятия на улучшение здоровья кадрового состава:

$$Z_D = RMC * EMC, \quad (14)$$

где Z_D – величина затрат, которые должны быть направлены предприятием на программу охраны здоровья сотрудников, тыс. руб.

Предложенный инструментарий позволяет повысить уровень качества жизни населения за счет снижения профессиональной заболеваемости. Чтобы оценить масштабы повышения уровня качества жизни необходимо оценить взаимосвязь изменения этого показателя и интегрального коэффициента социальной напряженности KCH_2 . При этом порядок его расчета до и после применения макрорегулятора можно представить следующим образом:

1) на первом этапе определяется регрессионная нелинейная зависимость KCH_2 от расходов региона на лечение профессиональных заболеваний (RMC) по фактическим ретроспективным данным (за 20 лет) и коэффициенты регрессии a_0 и a_1 :

$$KCH_2 = a_0 * RMC^{a_1} \quad (15)$$

2) на втором этапе по полученной модели проводится оценка изменения KCH_2 путем подстановки в нее дополнительных затрат, которые должны быть направлены предприятием на программу охраны здоровья сотрудников:

$$KCH_2 = a_0 * (RMC + \sum_1^M Z_D)^{a_1}, \quad (16)$$

где M – количество предприятий, несущих расходы по программе охраны здоровья сотрудников, ед.

3. Макрорегулятор капитальных вложений в строительство школьных и дошкольных учреждений, входящих в комплекс условий создания и развития семьи, представляет собой инструмент стратегического управления социальным риском г.3 «Ухудшение условий для создания семьи». Образование является не только базовым индикатором качества жизни, но и фундаментом воспроизводства человеческого капитала, без которого невозможен устойчивый экономический рост. Недостаточная обеспеченность населения образовательной инфраструктурой приводит к упущенной выгоде. Промышленный регион теряет потенциал будущей рабочей силы, конкурентоспособность на рынке труда и темпы социального развития.

Предлагаемый макрорегулятор предусматривает расчет необходимого количества школьных и дошкольных учреждений, исходя из численности детей и целевого показателя 100% охвата образованием. Включение индикаторов обеспеченности образовательными учреждениями в стратегические документы региона позволяет использовать их как КРІ при распределении целевых трансфертов и корректировке региональных стратегий.

Данный макрорегулятор непосредственно связан с глобальной повесткой устойчивого развития:

- ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост» – через формирование человеческого капитала для будущего рынка труда;
- ЦУР 10 «Сокращение неравенства» – за счет выравнивания образовательных возможностей в различных территориях региона;
- ЦУР 11 «Устойчивые города и населенные пункты» – через развитие социальной инфраструктуры как условия комфортной среды для жизни;
- ЦУР 17 «Партнёрство в интересах устойчивого развития» – благодаря созданию механизмов государственно-частного партнёрства и вовлечению бизнеса, НКО и муниципальных сообществ в финансирование и эксплуатацию образовательных объектов, что формирует долгосрочные институциональные альянсы в социальной сфере.

Таким образом, макрорегулятор капитальных вложений в образовательную инфраструктуру является не просто отраслевой мерой, а системным элементом риск-ориентированного стратегического управления промышленным регионом, обеспечивающим долгосрочную устойчивость развития и рост качества жизни населения.

Необходимо отметить, что при планировании образовательной инфраструктуры в РФ применяются нормативы градостроительного проектирования, закреплённые в Градостроительном кодексе РФ (ФЗ № 190-ФЗ) и в Сводах Правил Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации:

- СП 42.13330.2016 «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений»;
- СП 118.13330.2012 «Общественные здания и сооружения»;
- региональные нормативы градостроительного проектирования.

Нормативы градостроительного проектирования задают минимальный уровень обеспеченности инфраструктурой, исходя из демографических показателей «на сегодня». Однако они не учитывают динамику социальных рисков (миграцию, рождаемость, семейные стратегии, уровень доступности образования в кризисных территориях) и социально-экономические последствия их дефицита. Авторский макрорегулятор позволяет увязать градостроительные нормы с системой стратегического планирования (ФЗ № 172-ФЗ) и глобальными целями устойчивого развития (ЦУР 8, 10, 11 и 17), что делает данный инструмент необходимым для государственного управления промышленным регионом в условиях риска и неопределённости. Его применение позволяет перевести проблему в экономико-управленческую плоскость, показывая, сколько теряет региональная экономика при недостатке образовательных учреждений.

Кроме того, Федеральный закон № 172-ФЗ требует включения в стратегические документы индикаторов уровня качества жизни и социальных рисков. Нормативы градостроительного кодекса не обеспечивают такой увязки. Макрорегулятор как раз представляет собой связующее звено между минимальными нормами застройки и стратегическими целями региона.

И, наконец ЦУР 11 «Устойчивые города и населённые пункты» фиксирует необходимость развития социальной инфраструктуры как фактора устойчивости, а не только формального соответствия строительным нормам. Поэтому макрорегулятор не дублирует положения действующих нормативно-правовых актов, а развивает их в контексте стратегического управления.

Предлагается рассчитывать сумму необходимых инвестиций для строительства образовательных учреждений по авторской формуле:

$$GIS = \sum_{i=1}^n \left(\frac{P_r}{AS} - SN_i \right) * SIC, \quad (17)$$

где GIS – необходимые государственные инвестиции в строительство новых общеобразовательных (дошкольных) учреждений в регионе, тыс. руб.;

n – количество муниципальных районов в регионе, ед;

P_r – количество детей школьного (дошкольного) возраста, которых необходимо обеспечить местами в районных общеобразовательных (дошкольных) учреждениях, тыс. чел.;

AS – средняя вместимость одного общеобразовательного (дошкольного) учреждения, чел.;

SN_i – количество общеобразовательных (дошкольных) учреждений в i-м муниципальном районе, ед.;

SIC – удельные инвестиции в строительство одного общеобразовательного (дошкольного) учреждения, тыс. руб.

При оценке влияния данного макрорегулятора на уровень качества жизни населения в регионе необходимо использовать формулу (6). При этом анализ изменения коэффициента KCH_3 производится путем сопоставления его значения, полученного по факту, со значением, полученным после пересчета показателей j.3.4 «Охват детей дошкольным образованием, %» и j.3.5 «Численность обучающихся общеобразовательных организаций, тыс. чел.». Количество детей школьного (дошкольного) возраста, которых необходимо обеспечить местами в общеобразовательных (дошкольных) учреждениях будет определяться по обобщающей формуле, полученной путем преобразования формулы (17), исходя из возможного размера инвестиций:

$$P_r = \left(\frac{GIS}{SIC} + SN \right) * AC, \quad (18)$$

где P_r – количество детей школьного (дошкольного) возраста, которых необходимо обеспечить местами в региональных общеобразовательных (дошкольных) учреждениях, тыс. чел.;

SN – количество общеобразовательных (дошкольных) учреждений в регионе, ед.

4. Макрорегулятор капитальных вложений в строительство учреждений культуры и спорта занимает особое место в системе управления социальными

рисками промышленного региона, поскольку затрагивает сферу формирования культурно-просветительского спроса населения. Как отмечал Г. Гегель, гармоничный человек – это результат искусства, в котором личные интересы сочетаются с интересами общества.⁹⁰ Именно поэтому доступность культурной и спортивной инфраструктуры становится необходимым условием гармонизации социальной и промышленной сфер, так как она формирует личность, способную к созидательной деятельности, устойчивой к проявлениям деструктивных тенденций и социальным конфликтам.

Недостаток учреждений культуры и спорта ведёт к неудовлетворенным потребностям в социализации, снижает уровень образования, кругозора и вовлечённости населения в общественные практики, что в долгосрочной перспективе порождает рост социальных рисков, в том числе рисков нетерпимости и социальной напряжённости. Такие потери региональной социально-экономической системы оправданно трактуются как издержки упущенной выгоды, поскольку недоинвестирование в культурно-просветительскую среду приводит к потенциальным потерям от социальной дестабилизации и снижения качества человеческого капитала.

Предлагаемый макрорегулятор предусматривает расчёт необходимого количества учреждений культуры и спорта, исходя из потребностей населения, с учётом удельных капитальных затрат на строительство одного объекта. Применение данного механизма возможно и экономически целесообразно при условии, что потребность в культурных и спортивных институтах превышает средний норматив, закреплённый в региональных программах развития социальной инфраструктуры.

В институциональном плане данный макрорегулятор встраивается в систему Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», позволяя включать обеспеченность населения культурными и спортивными учреждениями в перечень стратегических индикаторов качества жизни. Кроме того, он соответствует приоритетам глобальной повестки устойчивого развития:

⁹⁰ Гегель Н. В. Сочинения в 14 т. Т. 12. Кн. 1. Лекции по эстетике / пер. Г. В. Столпнера. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. 494 с

•ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост» – за счёт повышения уровня человеческого капитала через развитие культурных и спортивных компетенций, что способствует росту производительности труда и формированию здоровой рабочей силы;

•ЦУР 10 «Сокращение неравенства» – через расширение равного доступа к культурным и спортивным услугам;

•ЦУР 11 «Устойчивые города и населённые пункты» – через формирование комфортной социальной среды;

•ЦУР 17 «Партнёрство в интересах устойчивого развития» – через развитие механизмов государственно-частного партнёрства при строительстве объектов культуры и спорта.

Таким образом, макрорегулятор капитальных вложений в культурную и спортивную инфраструктуру выступает не только инструментом удовлетворения культурно-просветительского спроса, но и стратегическим механизмом минимизации социального риска г.4 «Снижение потребности в услугах досуга», обеспечивая устойчивость социальной политики и конкурентоспособность промышленного региона.

Расчет данного макрорегулятора предполагает ряд следующих этапов:

1) оценка необходимого числа посещений учреждений культуры и спорта на 1000 жителей в промышленном регионе:

$$V = \frac{Ч}{1000} * AV, \quad (19)$$

где V – необходимое число посещений учреждений культуры и спорта на 1000 жителей в регионе, чел.;

Ч – численность населения региона, тыс. чел.;

AV – число посещений учреждений культуры и спорта на 1000 жителей в регионе с максимальным значением показателя, чел.

2) расчет дополнительно необходимых посещений учреждений культуры и спорта на 1000 жителей в промышленном регионе:

$$NV = V - RV, \quad (20)$$

где NV – число дополнительно необходимых посещений учреждений культуры и спорта на 1000 жителей в регионе, чел.;

RV – число посещений учреждений культуры и спорта на 1000 жителей в регионе, чел.

3) сумма необходимых инвестиций для строительства учреждений культуры и спорта:

$$GIC = \left(\frac{NV}{AC} - CN \right) * CIC, \quad (21)$$

где GIC – необходимые государственные инвестиции в строительство новых учреждений культуры и спорта в регионе, тыс. руб.;

NV – число дополнительно необходимых посещений учреждений культуры и спорта на 1000 жителей в регионе, чел.;

AC – средняя вместимость одного учреждения культуры и спорта, чел.;

CN – количество учреждений культуры и спорта в регионе, ед.;

CIC – удельные инвестиции в строительство одного учреждения культуры и спорта, тыс. руб.

При оценке влияния данного макрорегулятора на уровень качества жизни населения в регионе необходимо использовать формулу (6). При этом, анализ изменения коэффициента KCH_4 производится путем сопоставления его фактического значения, с расчетным, полученным после пересчета показателей j.4.1 «Число посещений театров на 1000 жителей», j.4.2 «Число посещений музеев на 1000 человек населения» j.4.3 «Число специализированных коллективных средств размещения» j.4.5 «Численность занимавшихся в спортивных секциях и группах».

5. Макрорегулятор дифференциации ставок платы за загрязнение окружающей среды отражает взаимосвязь уровня качества жизни населения с состоянием природной среды. Экологические параметры – чистота воздуха и воды, уровень шума, климатические изменения, сохранение биоразнообразия – напрямую влияют на привлекательность территории для проживания и ведения хозяйственной деятельности. Наличие значимых техногенных факторов (химических,

механических и шумовых выбросов) провоцирует отток населения, пространственную дезинтеграцию и рост социально-экономического дисбаланса.⁹¹

Кроме того, в соответствии с теориями Д. Рикардо, Т. Мальтуса, К. Маркса, привлекательность территории определяется наличием на ней природных ресурсов. Однако в конкурентных условиях хозяйствования эти ресурсы стремительно сокращаются, что приводит к ухудшению условий хозяйствования и жизни последующих поколений в регионе.⁹² А. Маршалл и А. Пигу отмечали, что истощение ресурсов влечет обеднение будущих поколений по причине ориентированности текущего производственного процесса на максимальное использование имеющихся ресурсов, при отсутствии учета интересов следующих поколений.⁹³

В данной логике экологические потери промышленного региона трансформируются в экономические издержки: ущерб окружающей среде должен быть учтён в денежном выражении и компенсирован загрязнителем. Для этого предлагается внедрение авторского эколого-фискального инструмента – макрорегулятора дифференциации ставок платы за загрязнение окружающей среды. Его функция двойственна: с одной стороны, он служит индикатором баланса между масштабами промышленного производства и состоянием экосистем региона, с другой – инструментом регулирования уровня загрязнения.

Правовую основу применения макрорегулятора формируют:

- Федеральный закон № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», закрепляющий принцип платности негативного воздействия и обязанность предприятий внедрять экологически безопасные технологии;
- Федеральный закон № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления», определяющий порядок обращения с отходами и стимулирующий развитие переработки;

⁹¹ Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / пер. с англ. И. Кушнareвой; науч. ред. перевода Т. Дробышевская. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 216 с.

⁹² Антология экономической классики: в 2 т. / сост. И.А. Столяров. – М.: Эконов, 1991. Т. 1. С. 104; Маркс К. Капитал / К. Маркс. – М.: Наука, 1983. Т.1.

⁹³ Пигу А. Экономическая теория благосостояния / А. Пигу; пер. с англ. С. П. Аукуционенко. – М.: Прогресс, 1985. Т. 2. С. 96.

- Федеральный закон № 488-ФЗ «О промышленной политике», расширяющий инструменты модернизации промышленности через внедрение ресурсосберегающих и «зелёных» технологий.

В данной логике макрорегулятор экологических платежей становится элементом промышленной политики и стратегического управления рисками, позволяя увязать качество жизни с уровнем загрязнения территории и стимулировать переход к экологически ориентированному развитию, что соответствует целям устойчивого развития (ЦУР 8, 10, 11 и 17), в частности:

- ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост» через экологическую модернизацию стимулирует предприятия внедрять новые технологии и развивать «зелёные» сектора экономики, что создаёт рабочие места и повышает производительность труда. Таким образом, экологические платежи становятся фактором не только ограничения, но и инновационного развития промышленности;

- ЦУР 10 «Сокращение неравенства» – загрязнение среды в большей степени затрагивает социально уязвимые группы населения (жители промышленных зон, семьи с низким доходом). Дифференциация ставок позволяет перераспределять ресурсы в пользу этих территорий, снижая социальную напряжённость и территориальные диспропорции.

- ЦУР 11 «Устойчивые города и населённые пункты» – через снижение техногенной нагрузки и повышение экологической привлекательности территории, что напрямую влияет на комфортность городской среды и решение задач регионального развития.

- ЦУР 17 «Партнёрство в интересах устойчивого развития» – реализация макрорегулятора невозможна без механизмов государственно-частного партнёрства. Бизнес софинансирует природоохранные мероприятия, а региональные власти обеспечивают прозрачность распределения средств. Это создаёт основу для новых форм сотрудничества государства, бизнеса и общества.

Таким образом, макрорегулятор дифференциации ставок платы за загрязнение окружающей среды выступает не только инструментом компенсации экологического ущерба, но и механизмом стимулирования инновационного и социально

ориентированного развития промышленного региона. Его применение позволяет одновременно снижать экологические риски, повышать уровень качества жизни населения и обеспечивать интеграцию региональной политики в логику глобальных целей устойчивого развития.

Следует обратить внимание, что в настоящее время предприятия делают платежи за сброс сточных вод и водные объекты и выбросы в атмосферу, а также осуществляют инвестиции в охрану окружающей среды. Поэтому данные составляющие КСН₅ не нуждаются в разработке специализированных макрорегуляторов, а могут быть регулируемы через соответствующие ставки платы за загрязнение окружающей среды (по видам загрязнения) при помощи механизма дифференциации:

$$N_{\text{ПКДг}} = N_{\text{ПКД}_\text{баз}} * \frac{\Delta Q_{\text{P}} - \Delta Q_{\text{P_min}}}{\Delta Q_{\text{P_max}} - \Delta Q_{\text{P_min}}}, \quad (22)$$

где $N_{\text{ПКДг}}$ – дифференцированная ставка платы на загрязнение окружающей среды в регионе по видам загрязнения, руб./т.

$N_{\text{ПКД}_\text{баз}}$ – ставка платы за выбросы загрязняющих веществ по видам загрязнения в соответствии с Постановлением Правительства РФ «О ставках платы за негативное воздействие на окружающую среду и дополнительных коэффициентах»⁹⁴, руб.;

ΔQ_{P} – количество неуловленных выбросов по видам загрязнения (в водоемы, в атмосферу), тыс. т.;

$\Delta Q_{\text{P_max}}$ – количество выбросов по видам загрязнения (в водоемы, в атмосферу) в регионе с максимальным значением показателя, тыс. т.;

$\Delta Q_{\text{P_min}}$ – количество выбросов по видам загрязнения (в водоемы, в атмосферу) в регионе с минимальным значением показателя, тыс. т.

Преимущество такого дифференцированного подхода заключается в учете неравномерности загрязнения окружающей среды по регионам РФ, создающего особые экологические условия, влияющие на уровень качества жизни населения в них.

⁹⁴ Постановление Правительства РФ от 13.09.2016 № 913 (ред. от 27.02.2018) «О ставках платы за негативное воздействие на окружающую среду и дополнительных коэффициентах» // [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=284973&fld=134&dst=100025,0&rnd=0.5951182247117854#016668992928634752> (дата обращения: 03.06.2018 г.).

При оценке эффекта внедрения данного макрорегулятора предлагается два возможных варианта расчета:

1) если у предприятия размер суммы налога соответствует размеру необходимых инвестиций в покупку очистных сооружений, то оценка изменения КСН₅ проводится по элементу j.5.4 «Уловлено и обезврежено загрязняющих атмосферу веществ, %» по видам выбросов, загрязняющих окружающую среду, с применением авторской формулы:

$$Q_N = AB * \frac{T_{\text{НПДК}}}{AIC_E}, \quad (23)$$

где АВ – сокращение выбросов на 1 очистное сооружение, тыс. т.;

$T_{\text{НПДК}}$ – сумма, уплаченная предприятием на загрязнение окружающей среды в регионе по дифференцированной ставке, тыс. руб.;

AIC_E – средние удельные капиталовложения в очистные сооружения, осуществляемые в регионе, тыс. руб.

2) если суммы налогов не хватает для инвестирования в очистные сооружения, то она отчисляется в бюджет социально ориентированного регионального развития, рассматриваемый далее.

В рамках действующей бюджетно-правовой системы Российской Федерации отсутствует специализированный финансовый инструмент, обеспечивающий превентивное накопление и целевое расходование средств для минимизации указанных рисков. С учётом этого предлагается создание бюджета социально ориентированного развития (СОР) как целевого бюджетного фонда в составе бюджетов разных уровней. Правовая возможность такой конструкции следует из норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, который используется в качестве институциональной основы для обоснования бюджета СОР, в частности:

- программно-целевой метод и государственные программы (гл. 21 БК РФ);
- межбюджетные трансферты и механизмы выравнивания (гл. 16 БК РФ);
- институт резервных фондов федерального и регионального уровня (ст. 81, 81.1 БК РФ).

Взаимосвязь положений Бюджетного кодекса РФ и бюджета СОР представлена в таблице 9, где указано, что именно регулируют ключевые главы и статьи Бюджетного кодекса, и как принципы бюджета СОР логично опираются на эти нормы.

Таблица 9 – Связь Бюджетного кодекса РФ с бюджетом СОР

Норма БК РФ	Суть регулирования	Связь с бюджетом СОР
Глава 21 БК РФ (Программно-целевой метод, госпрограммы)	Определяет, что бюджетные расходы должны планироваться и исполняться через государственные программы с целями, задачами и KPI.	Бюджет СОР может быть встроен в систему госпрограмм как целевой фонд, финансирующий проекты здравоохранения, образования, экологии и занятости.
Глава 16 БК РФ (Межбюджетные трансферты)	Регулирует распределение средств между федеральным центром и регионами (дотации, субсидии, субвенции) для выравнивания социально-экономического развития.	Формирование доходной базы СОР за счёт трансфертов, учитывающих уровень социальной напряженности (ККСН), что обеспечивает адресность поддержки.
Ст. 81, 81.1 БК РФ (Резервные фонды)	Закрепляют порядок формирования и использования резервных фондов на федеральном и региональном уровнях как подушек безопасности бюджета.	Бюджет СОР выполняет аналогичную страховую функцию, но с акцентом на социальные риски, сочетая стабилизацию и инвестиции в качество жизни.

Во-первых, глава 21 БК РФ «Государственные программы Российской Федерации» закрепляет принцип программно-целевого метода бюджетного планирования. Согласно данному подходу, расходы бюджета формируются не абстрактно по статьям, а через реализацию государственных программ, содержащих цели, задачи и показатели эффективности (KPI). В этой логике бюджет СОР может быть встроен в систему государственных программ как целевой фонд, аккумулирующий ресурсы и направляющий их на проекты в области здравоохранения, образования, экологии и занятости, что соответствует стратегическим приоритетам социально-экономического развития.

Во-вторых, глава 16 БК РФ «Межбюджетные трансферты» регулирует распределение средств между федеральным центром и регионами в целях выравнивания уровня их социально-экономического развития. Дотации, субсидии и субвенции

служат инструментами поддержки территорий с ограниченными финансовыми возможностями. В рамках предлагаемого механизма формирования бюджета СОР это положение приобретает ключевое значение: источником фонда выступают именно межбюджетные трансферты, распределяемые по формуле, учитывающей комплексный коэффициент социальной напряженности (ККСН). Такой подход обеспечивает адресность поддержки и позволяет направлять ресурсы в регионы с наибольшими социальными рисками.

В-третьих, ст. 81 и 81.1 БК РФ закрепляют институт резервных фондов федерального и регионального уровня. Эти фонды предназначены для обеспечения устойчивости бюджетной системы, ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций и сглаживания финансовых шоков. По своей логике бюджет СОР во многом близок к этим инструментам: он также выполняет страховую функцию, формируя «подушку безопасности» для смягчения последствий проявления социальных рисков. Однако его особенность заключается в том, что наряду со страховой функцией он выполняет и инвестиционную – средства фонда направляются на проекты, повышающие уровень качества жизни населения и формирующие условия для долгосрочного устойчивого развития промышленного региона.

В Российской Федерации практика создания целевых бюджетных фондов уже существует и закреплена на законодательном уровне. Так, в соответствии со ст. 179.4 Бюджетного кодекса РФ, в составе бюджетов субъектов Российской Федерации формируются дорожные фонды, аккумулирующие доходы от акцизов на нефтепродукты, транспортного налога и ряда других источников. Средства таких фондов имеют строго целевое назначение – они могут расходоваться исключительно на строительство, реконструкцию и содержание автомобильных дорог.⁹⁵

Таким образом, дорожные фонды представляют собой пример реально действующего механизма «закольцованных» доходов внутри бюджетной системы, обеспечивающего гарантированное финансирование приоритетного направления.

⁹⁵ Протасеня С.И. Теория и практика оценки эффективности использования средств дорожных фондов Российской Федерации // Финансы и кредит. 2017. №48 (768). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-i-praktika-otsenki-effektivnosti-ispolzovaniya-sredstv-dorozhnyh-fondov-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 12.09.2024);

Именно по аналогичной логике целевого распределения средств предлагается построить и бюджет СОР.

Бюджет СОР должен выполнять двойную функцию:

1) страховую – выступать финансовой подушкой для сглаживания социальных рисков и снижения их негативного эффекта на экономику промышленного региона (аналог стабилизационных и резервных фондов, включая международные практики «Rainy Day Funds» в США);⁹⁶

2) инвестиционную – обеспечивать долгосрочное повышение уровня качества жизни населения через финансирование проектов в сфере промышленного производства, здравоохранения, образования, культуры, спорта и экологии (по аналогии с социальными инвестиционными фондами Всемирного банка и «Just Transition Fund» в ЕС).

Формирование бюджета СОР основывается на идентификации и количественной оценке социальных рисков, которые оказывают существенное воздействие на эффективность стратегического управления промышленным регионом. Авторской методикой, описанной во второй главе данного диссертационного исследования, для каждого из рисков – сокращение потребительского спроса, увеличение профессиональной заболеваемости, ухудшение условий для создания семьи, ухудшение условий проведения досуга и рост загрязнения окружающей среды – рассчитывается коэффициент социальной напряжённости ($КСН_{1-5}$). Совокупность этих показателей агрегируется в интегральный коэффициент (ККСН), который выступает универсальным индикатором уровня социального напряжения в регионе и служит триггером для активации механизмов финансирования.

⁹⁶ Протасеня С.И. Теория и практика оценки эффективности использования средств дорожных фондов Российской Федерации // Финансы и кредит. 2017. №48 (768). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-i-praktika-otsenki-effektivnosti-ispolzovaniya-sredstv-dorozhnyh-fondov-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 12.09.2024); Reserve Funds of Federal Subjects: A Comparative Analysis of Nature and Practice in Russia and the USA and Canada, ResearchGate, 2025. URL: https://www.researchgate.net/publication/340484115_Reserve_funds_of_federal_subjects_A_comparative_analysis_of_nature_and_practice_in_Russia_and_the_US (дата обращения 19.09.2025); Тимушев Е.Н., Яговкина В.А. Резервные фонды в регионах России: факторы учреждения и оценка эффективности // Финансовый журнал. 2023. Т. 15. № 5. С. 61–78. URL: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-5-61-78>. https://www.finjournal-nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2023/5/statii/04_5_2023_v15.pdf (дата обращения: 12.09.2024)

Каждый риск имеет институционально закреплённый источник компенсационного финансирования:

- сокращение потребительского спроса компенсируется за счёт межбюджетных трансфертов (гл. 16 БК РФ), что позволяет перераспределять ресурсы от федерального центра к регионам с высоким уровнем социальной напряженности;
- увеличение профессиональной заболеваемости покрывается регулируемыми отчислениями предприятий в фонд охраны труда и здоровья кадрового состава, что отражает принцип «загрязнитель платит» в социально-трудовой сфере;
- ухудшение условий для создания семьи финансируется через антициклические резервы (ст. 81 БК РФ) и целевые субсидии в рамках демографической политики, что обеспечивает стабилизационную функцию бюджета;
- ухудшение условий проведения досуга регулируется за счёт совместных вложений предприятий и региональных органов власти в социальную инфраструктуру, закрепляя партнёрскую модель управления (ЦУР 17);
- увеличение уровня загрязнения окружающей среды компенсируется за счёт платы за негативное воздействие на окружающую среду (ст. 16 ФЗ № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»), что интегрирует экологический фактор в бюджетное регулирование.

Собранные средства поступают в бюджет СОР, где они перераспределяются по принципу иерархической гармонизации (правило 71/29):

- субъекты с высоким уровнем социальной напряжённости ($ККСН \geq 0,71$) получают приоритетное федеральное финансирование;
- регионы с $ККСН \leq 0,70$ реализуют меры преимущественно за счёт собственных бюджетов;
- общий норматив устанавливает, что не менее 71% аккумулируется на региональном уровне и направляется на финансирование конкретных программ, а не более 29% резервируется на федеральном уровне для поддержки наиболее уязвимых субъектов. Это соотносится с логикой межбюджетных отношений, закреплённой в Бюджетном кодексе РФ, и обеспечивает баланс между ответственностью субъектов и страховой ролью центра, что закреплено в гл. 16 БК РФ, в частности ст. 130,

определяющей необходимость баланса интересов федерального центра и субъектов Российской Федерации при распределении межбюджетных трансфертов, и ст. 139, регламентирующей порядок предоставления дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности регионов.⁹⁷

Данный принцип позволяет сохранить приоритет региональной ответственности за снижение социальных рисков, сохраняя за субъектами федерации доминирующую роль (более 2/3 бюджета), при этом оставляя за федеральным центром функцию «страхового плеча», предназначенного для поддержки наиболее уязвимых субъектов Федерации. Такое соотношение отражает двойственную природу бюджетного федерализма: с одной стороны, регионы должны обладать достаточными полномочиями и ресурсами для решения своих проблем, с другой стороны – федерация обязана выполнять выравнивающую и стабилизирующую роль.

Формально это правило фиксируется через бюджетные ограничения:

$$\sum T_{i_t}^{reg} \geq 0,71 * B_t \quad \sum T_{i_t}^{fed} \geq 0,29 * B_t \quad (24)$$

где $T_{i_t}^{reg}$ – обязательное региональное софинансирование (региональный компонент СОР) в регионе i в период t ;

$T_{i_t}^{fed}$ – обязательное федеральное софинансирование в регионе i в период t ;

B_t – совокупный пул средств бюджета СОР в период t .

В таблице 10 показана взаимосвязь социальных рисков, источников наполнения бюджета СОР и институциональной рамки функционирования предлагаемого инструмента.

Таким образом, процесс финансирования бюджета СОР демонстрирует интеграцию инструментов бюджетного регулирования, стратегического управления и риск-менеджмента, позволяя увязать социальные риски с конкретными источниками поступлений и обеспечить устойчивое развитие промышленного региона в соответствии с приоритетами национальной повестки и ЦУР 8, 10, 11 и 17.

⁹⁷ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

Предлагается организовать распределение средств из бюджета СОР по модели страхового фонда с механизмом автоматической активации. Суть данного подхода заключается в отказе от дискретного, субъективного распределения средств и переходе к системе, основанной на формализованных критериях запуска. В качестве таких критериев выступает превышение установленных пороговых значений интегральных коэффициентов социальной напряженности (KCH_{1-5}) и комплексного показателя социальной напряжённости (ККСН) в промышленном регионе.

Таблица 10 – Соотношение социальных рисков, коэффициентов социальной напряжённости и нормативной базы формирования бюджета СОР

Социальный риск	KCH_{1-5}	Источник пополнения БСОР	Нормативная база
Сокращение потребительского спроса	Рост KCH_1 (падение доходов, снижение спроса)	Межбюджетные трансферты	БК РФ, гл. 16 «Межбюджетные трансферты»
Увеличение профессиональной заболеваемости	Рост KCH_2 из-за ухудшения здоровья кадров	Отчисления предприятий на охрану труда и здоровье персонала	Трудовой кодекс РФ; практика социального страхования
Ухудшение условий для создания семьи	Рост KCH_3 при снижении демографических показателей	Капитальные вложения в строительство школьных и дошкольных учреждений	БК РФ, ст. 81 (резервные фонды); нацпроект «Демография»
Ухудшение условий проведения досуга	Рост KCH_4 при дефиците объектов досуга и социальной инфраструктуры	Капитальные вложения в строительство учреждений культуры и спорта	ФЗ № 131-ФЗ «Об общих принципах организации МСУ»; региональные программы
Увеличение уровня загрязнения окружающей среды	Рост KCH_5 при ухудшении экологических показателей	Плата за негативное воздействие на окружающую среду	ФЗ № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», ст. 16

Для обеспечения устойчивости бюджета СОР и сглаживания колебаний социально-экономических показателей предлагается использовать антициклическое правило накопления и расходования средств, аналогичное механизму страхового фонда.

Суть данного подхода заключается в том, что фонд ведёт себя по принципу «накопление в благоприятные периоды – расходование в кризисные». Это

исключает субъективные решения и обеспечивает автоматическую стабилизацию региональной экономики.

Формально динамика фонда может быть описана следующей формулой:

$$B_t = B_{t-1} * \delta_t * A_t - (1 - \delta_t) * E_t, \quad (25)$$

где B_t – объем средств в бюджете СОР в период t ,

B_{t-1} – объём средств в бюджете СОР в предыдущем периоде,

δ_t – индикатор фазы цикла (принимает значение 1 в фазе роста и 0 в фазе шока),

A_t – объём средств, направляемых в накопление в фазе роста,

E_t – объём целевых расходов на снижение социальных рисков в фазе шока.

Таким образом, если экономика находится в фазе роста ($\delta = 1$), фонд пополняется за счёт поступлений, формируя «подушку безопасности» на будущее. Если же регион сталкивается с кризисной ситуацией ($\delta = 0$), средства автоматически направляются на целевое финансирование мероприятий по снижению рисков и поддержанию уровня качества жизни населения.

Критерии отнесения периода к фазе роста или шока задаются на основе степени остроты проявления социальных рисков в соответствии со шкалой Чеддока. Для повышения устойчивости к краткосрочным колебаниям может использоваться сглаживание на основе скользящей средней.

Таким образом, антициклическое правило обеспечивает автоматизм функционирования бюджета СОР: он накапливает ресурсы в периоды благоприятной конъюнктуры и мобилизует их в периоды кризиса, выступая финансовым стабилизатором социально-экономической системы промышленного региона.

При распределении средств бюджета СОР необходимо учитывать риск неэффективного использования ресурсов регионами, которые получают чрезмерные объёмы финансовой помощи. Для предотвращения эффекта «перекорма» вводятся бюджетные ограничители верхнего и нижнего предела финансирования.

Формализовать эти ограничители предлагается следующим образом. Объём федерального трансферта региону i в период t должен находиться в интервале:

$$B_{i,t}^{fed} \in [\underline{B}_i, \overline{B}_i], \quad (26)$$

где $\underline{B}_i$ – минимальный гарантированный уровень финансирования, обеспечивающий базовую поддержку региона независимо от его текущих показателей; $\overline{B}_i$ – верхний предел уровня финансирования.

Верхний предел финансирования определяется по формуле:

$$\overline{B}_i = K_{кор} * Exp, \quad (27)$$

где $K_{кор} \in (0,1]$ – коэффициент-ограничитель, минимально защищающий доходную базу центра; Exp – величина базовых социальных расходов региона, рассчитанных как среднее значение за последние три года

Такой механизм фиксирует баланс: с одной стороны, регионы с высоким уровнем риска получают приоритетное финансирование, с другой – объём средств ограничен величиной, соразмерной их фискальным возможностям и реальной бюджетной базе.

С целью снятия вероятности дублирования действующих бюджетных механизмов и создания так называемого «второго бюджета», при функционировании бюджета СОР предлагается внедрение комплекса управленческих и контрольных инструментов, обеспечивающих высокий уровень прозрачности и подотчётности.

Во-первых, при бюджете СОР целесообразно формирование наблюдательного совета, в который входят представители региональных органов власти, бизнеса, профсоюзов, некоммерческих организаций и экспертного сообщества. Это позволит реализовать принцип партнёрства (ЦУР 17) и учесть интересы всех ключевых стейкхолдеров.

Во-вторых, распределение средств должно осуществляться на основе конкурентного проектного отбора. Для этого вводится единая система подачи заявок от регионов, предусматривающая независимую экспертную оценку и ранжирование проектов по ключевым показателям эффективности (KPI). Такой подход исключает субъективизм и политизированность решений.

В-третьих, деятельность бюджета СОР должна находиться под контролем органов внешнего государственного аудита: Счётной палаты Российской Федерации и контрольно-счётных палат субъектов РФ. Дополнительно предполагается

обязательная публикация отчётности, что соответствует современным стандартам открытого государственного управления.

Наконец, для предотвращения морального риска и стимулирования эффективного использования ресурсов целесообразно предусмотреть:

- обязательное софинансирование проектов со стороны бизнеса и региональных властей;
- правило «*use-it-or-lose-it*», при котором неосвоенные в срок средства подлежат возврату в фонд;
- систему санкций за невыполнение целевых показателей (KPI), включая ограничение доступа к последующему финансированию.

Таким образом, предложенная система управления и контроля обеспечивает сочетание прозрачности, подотчётности и ответственности, что позволяет позиционировать бюджет СОР как современный финансовый инструмент в рамках действующей бюджетной системы, а не как параллельный «второй бюджет».

Итак, бюджет СОР представляет собой институционально обоснованный элемент бюджетной системы РФ, встроенный в систему стратегического планирования, закреплённую Федеральным законом № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», и служит инструментом достижения целевых ориентиров стратегического управления промышленным регионом. Он обеспечивает баланс между национальными и региональными интересами, сочетает функции страхования и инвестирования, а также создаёт условия для реализации ЦУР 8 («Достойная работа и экономический рост»), ЦУР 10 («Сокращение неравенства»), ЦУР 11 («Устойчивые города и населённые пункты») и ЦУР 17 («Партнёрство в интересах устойчивого развития»).

Таким образом, подводя итог всему вышеизложенному, можно констатировать, что разработанные авторские инструменты и методы идентификации, оценки и регулирования социальных рисков и уровня качества жизни населения формируют целостный государственный механизм стратегического управления промышленным регионом на основе принципов риск-менеджмента. Его внедрение позволяет превратить риск-ориентированный подход в неотъемлемый элемент системы

стратегического планирования, закреплённой Федеральным законом № 172-ФЗ, согласовать социальные и экономические приоритеты с целями устойчивого развития (ЦУР 8, 10, 11, 17) и обеспечить адаптивность региональной политики к внутренним и внешним вызовам. В этом заключается его ключевая научная и практическая значимость: механизм не только снижает социальные риски и связанные с ними издержки упущенной выгоды, но и задаёт институциональную основу для устойчивого роста, повышения уровня качества жизни и укрепления конкурентоспособности промышленного региона в национальном и глобальном экономическом пространстве.

Вывод по 2 главе.

Вторая глава диссертационного исследования позволила теоретически и методически обосновать необходимость перехода к рискориентированной модели государственного стратегического управления промышленным регионом, в которой ключевым индикатором выступает уровень качества жизни населения. Разработанный инструментарий идентификации и оценки социальных рисков, основанный на интегральных коэффициентах социальной напряженности, обеспечивает возможность количественного анализа факторов, определяющих устойчивость социально-экономической системы, и позволяет выявлять критические зоны, препятствующие реализации стратегических приоритетов.

Авторская концептуальная модель промышленного региона как социально-экономической системы продемонстрировала взаимозависимость социальной и промышленной политики и показала, что именно дисбалансы между ними формируют «маятниковый эффект», подрывающий устойчивость развития. Предложенная система алгоритмов и расчетов (от корреляционного анализа до комплексного коэффициента социальной напряженности) формирует научно обоснованный механизм учета и регулирования социальных рисков в стратегическом управлении.

Особое значение имеет увязка инструментария с целями устойчивого развития ООН (ЦУР 8, 10, 11, 17). Это не только интегрирует национальную стратегию в глобальную повестку, но и задает ориентиры для гармонизации экономического

роста, социальной инклюзивности, пространственного развития и институционального партнерства. Такой подход повышает сопоставимость российского опыта с международными практиками и усиливает легитимность предложенного механизма.

Важным результатом второй главы стало также обоснование необходимости разработки специфических макроэкономических регуляторов – межбюджетных трансфертов, налоговых и инвестиционных инструментов, ориентированных на снижение социальных рисков и повышение устойчивости социально-экономической системы промышленного региона. Эти регуляторы органично встроены в систему стратегического планирования (ФЗ-172) и обеспечивают практическую реализацию рискориентированной концепции на региональном и федеральном уровнях.

Таким образом, вторая глава формирует методологическую и инструментальную основу для построения авторского механизма государственного стратегического управления промышленным регионом, обеспечивающего стратегический баланс между промышленным развитием, социальной устойчивостью и глобальными приоритетами устойчивого развития.

Практическое приложение данного механизма и оценка его социально-экономической значимости будут рассмотрены в следующей главе на примере Пермского края.

ГЛАВА 3. РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ ПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ И ОЦЕНКА ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

3.1. Институциональные основы применения государственного механизма стратегического управления промышленным регионом

Практическое использование авторского механизма государственного стратегического управления промышленным регионом возможно лишь в условиях его институциональной реализации. Важность институциональной среды заключается не только в юридическом оформлении процедур применения механизма, но и в формировании устойчивых законодательных норм для акторов государственной политики на федеральном и региональном уровнях, на основе которых макрорегуляторы и бюджет социально-ориентированного развития (СОР) обретают правовую силу и становятся частью управленческой практики. В противном случае управленческий механизм остаётся декларативным и не обеспечивает трансформацию методов государственного управления. Поэтому для оценки применимости авторского подхода необходимо рассмотреть систему нормативно-правовых актов, действующих органов власти и механизмов стратегического планирования, которые создают условия для внедрения механизма в конкретном регионе.

Государственное стратегическое управление в Российской Федерации представляет собой институционально закреплённую систему целей, инструментов и процедур, направленных на обеспечение устойчивого социально-экономического развития страны и её регионов. Его правовой фундамент формируется

совокупностью федеральных законов, ключевыми из которых являются Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Бюджетный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон № 488-ФЗ «О промышленной политике». Указы Президента о национальных целях и стратегических задачах, постановления Правительства о государственных программах и федеральные проекты дополняют эту основу, задавая конкретные приоритеты и механизмы их реализации.

Структурно стратегическое управление имеет многоуровневый характер. На федеральном уровне формируются стратегические ориентиры – национальные проекты, государственные программы, долгосрочные стратегии и концепции, обеспечивающие единство целей. На региональном уровне эти ориентиры адаптируются в стратегиях социально-экономического развития субъектов Федерации и региональных государственных программах. Муниципальный уровень реализует конкретные меры через планы комплексного развития территорий и муниципальные бюджеты. Такая вертикальная интеграция позволяет согласовать приоритеты центра и регионов и обеспечивает соподчинённость документов стратегического планирования.

Функционально контур государственного стратегического управления опирается на деятельность ряда ключевых акторов. Президент Российской Федерации задаёт стратегические направления через национальные цели и указы. Правительство Российской Федерации организует их реализацию посредством госпрограмм и распределения ресурсов. Министерство экономического развития координирует систему стратегического планирования, Министерство финансов обеспечивает её финансовую устойчивость и определяет порядок межбюджетного регулирования, а Министерство промышленности и торговли отвечает за отраслевую промышленную политику. Субъекты Федерации наделены полномочиями по формированию региональных стратегий и адаптации федеральных приоритетов к местным условиям, при этом они опираются на собственные органы исполнительной власти, отвечающие за экономику, промышленность, социальную сферу и финансы.

Важным принципом функционирования контура является увязка стратегического и бюджетного планирования, которая реализуется через систему государственных и региональных программ. Это позволяет не только формулировать цели, но и обеспечивать их ресурсное наполнение. Другим ключевым принципом является приоритетность национальных целей развития, определяющих логику региональной политики.

Таким образом, действующий контур государственного стратегического управления в Российской Федерации обеспечивает институциональные и правовые рамки для реализации национальных приоритетов и региональной политики. Однако проведённый анализ показывает, что в существующем виде он лишь частично учитывает риск-ориентированный подход и не предполагает системного применения макрорегуляторов как инструментов управления социальными и экономическими рисками.

Для того чтобы авторский механизм государственного стратегического управления промышленным регионом мог быть интегрирован в данную систему, требуется развитие институциональной базы и расширение функциональных возможностей федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ). Речь идёт не о создании новых институтов, а о наделении действующих ФОИВ дополнительными полномочиями, позволяющими включить управление социальными и экономическими рисками в практику стратегического планирования и бюджетного регулирования.

Именно это порождает необходимость создания институциональной методики, регламентирующей порядок применения авторского механизма государственного стратегического управления промышленным регионом, а также комплекса институциональных дополнений. В таблице 11 систематизированы предлагаемые дополнительные полномочия федеральных органов исполнительной власти, необходимые для практической реализации авторского механизма государственного стратегического управления промышленным регионом. Каждый орган власти получает расширенные функции, соотнесённые с конкретными видами социальных рисков, а также с целями устойчивого развития (ЦУР), что позволяет увязать авторский инструментарий с глобальной и национальной повесткой развития.

Новизна авторского подхода заключается в том, что полномочия федеральных органов власти впервые рассматриваются не как статичные функции, а как динамически расширяемые компетенции, увязанные с рисками и целями устойчивого развития

Таблица 11 – Развитие полномочий федеральных органов власти РФ

Федеральный орган власти	Предлагаемые дополнительные полномочия	Связь с рисками / ЦУР
Минэконом развития РФ	Ведение федерального реестра КСН и ККСН, включение индикаторов социальных рисков в систему стратегического планирования (ФЗ-172).	Все риски ЦУР 8, 10, 11
Минфин РФ	Формирование и администрирование бюджета СОР; дифференциация межбюджетных трансфертов с учётом уровня социальной напряжённости; корректировка ставок макрорегуляторов.	Риск 1 ЦУР 10, 17
Минтруд РФ	Мониторинг занятости и профессиональной заболеваемости; разработка программ профилактики; интеграция в госпрограммы.	Риски 2, 3 ЦУР 8, 10
Минздрав РФ	Регулирование отчислений предприятий на охрану здоровья кадров; разработка стандартов оценки ущерба от профзаболевания.	Риск 2 ЦУР 3, 8
Минстрой РФ	Планирование капитальных вложений в строительство школ, детсадов, учреждений культуры и спорта с учётом КСН.	Риски 3, 4 ЦУР 11
Минприроды РФ	Дифференциация ставок платежей за загрязнение с учётом региональной напряжённости; интеграция в экологическую политику.	Риск 5 ЦУР 11, 15
Минпромторг РФ	Увязка промышленной политики с социальными индикаторами; контроль влияния отраслевых стратегий на занятость и спрос.	Риск 1 ЦУР 8
Минобрнауки РФ	Развитие партнёрств «университет-бизнес-регион»; включение в расчёты КСН индикаторов человеческого капитала.	Все риски ЦУР 17

Предложенные макрорегуляторы могут быть реализованы только в институционально закреплённой системе государственного управления, что требует увязки каждого инструмента с компетенциями конкретных органов власти и нормативно-правовыми основаниями их деятельности. В таблице 12 представлено распределение полномочий по применению макрорегуляторов между федеральными и региональными органами власти.

Так, функции по распределению и дифференциации межбюджетных трансфертов закреплены за Министерством финансов РФ и Минэкономразвития РФ в соответствии с положениями Бюджетного кодекса РФ и Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Таблица 12 – Институциональное обеспечение применения макрорегуляторов

Макрорегулятор	Уполномоченный орган власти	Нормативно-правовая основа
Дифференциация межбюджетных трансфертов для поддержки потребительского спроса (по риску 1)	Министерство финансов РФ; Минэкономразвития РФ; финансовые органы субъектов РФ	Бюджетный кодекс РФ (гл. 16 «Межбюджетные трансферты», ст. 130–133); Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании» (ст. 8, 11); Федеральный закон № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»; Постановления Правительства РФ о распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности
Отчисления промышленных предприятий на охрану здоровья персонала (по риску 2)	Министерство труда и социальной защиты РФ; Минздрав РФ; Роспотребнадзор; региональные инспекции труда	Трудовой кодекс РФ (ст. 209-224 о безопасности труда); Федеральный закон № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда»; Федеральный закон № 323-ФЗ «Об охране здоровья граждан»
Капитальные вложения в строительство школьных и дошкольных учреждений (по риску 3)	Министерство просвещения РФ; органы управления образованием субъектов РФ	Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании»; Бюджетный кодекс РФ (гл. 21 «Бюджетные ассигнования и госпрограммы»); Постановления Правительства РФ о федеральных и региональных программах развития образования
Капитальные вложения в строительство учреждений культуры и спорта (по риску 4)	Министерство культуры РФ; Минспорт РФ; региональные министерства культуры и спорта	Федеральный закон № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте»; Федеральный закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия»; госпрограммы «Развитие культуры» и «Развитие физической культуры и спорта»
Дифференцированные платежи за загрязнение окружающей среды (по риску 5)	Министерство природных ресурсов и экологии РФ; Росприроднадзор; органы экологии субъектов РФ	Федеральный закон № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»; Федеральный закон № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»; Федеральный закон № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»; Постановления Правительства РФ об утверждении ставок платы за негативное воздействие на окружающую среду

В сфере охраны здоровья работников ключевыми институтами выступают Минтруд России и Минздрав России, действующие в рамках норм Трудового кодекса РФ, закона о специальной оценке условий труда и федерального законодательства об охране здоровья.

Реализация макрорегуляторов в области образования, культуры и спорта осуществляется профильными федеральными министерствами и их региональными подразделениями на основе федеральных законов «Об образовании», «О физической культуре и спорте», а также государственных программ развития соответствующих отраслей. В области экологического регулирования компетенции закреплены за Минприроды России и Росприроднадзором, что соответствует нормам федерального законодательства об охране окружающей среды и об отходах производства и потребления.

Правовую основу применения макрорегулятора в сфере стимулирования потребительского спроса составляют положения Бюджетного кодекса Российской Федерации (гл. 16), закрепляющие механизм предоставления межбюджетных трансфертов. Данный инструмент используется для выравнивания уровня бюджетной обеспеченности субъектов и может быть применён для поддержки регионов с наибольшей социальной напряжённостью, вызванной падением потребительской активности. Важным дополнением выступает Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который устанавливает требования по увязке финансовых инструментов с приоритетами социально-экономического развития, а значит – с задачами обеспечения устойчивого внутреннего спроса. Институционализация макрорегулятора позволяет снизить трансакционные издержки распределения ресурсов и придать межбюджетным трансфертам антициклический характер, что особенно значимо для промышленно ориентированных регионов.

При этом Федеральный закон № 488-ФЗ «О промышленной политике» конкретизирует возможности государства по стимулированию внутреннего спроса на продукцию отечественных предприятий и снижению рисков, связанных с падением платёжеспособности населения, формирует институциональную основу для государственной поддержки внутреннего спроса, выступая связующим звеном между задачами промышленного развития и обеспечением социальной устойчивости. Предусмотренные законом меры – от налоговых и финансовых льгот до инструментов стимулирования государственных закупок у отечественных

производителей – позволяют удерживать себестоимость и конечные цены на продукцию на доступном уровне. Это снижает риск падения платёжеспособности населения и поддерживает потребительскую активность, что имеет ключевое значение для устойчивости социально-экономической системы промышленного региона. В то же время данный закон напрямую соотносится с глобальной повесткой устойчивого развития: он способствует достижению ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост» через поддержку занятости и производительности труда, а также ЦУР 10 «Сокращение неравенства» за счёт выравнивания доступа населения к товарам и услугам.

Регулирование риска увеличения профессиональной заболеваемости основано на нормах трудового и социального законодательства. Трудовой кодекс Российской Федерации (ст. 209-224) закрепляет обязанности работодателей по обеспечению безопасных условий труда, снижению производственных рисков и компенсации вреда здоровью работников. Федеральный закон № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» вводит обязательность оценки вредных и опасных факторов на рабочих местах и формирует базу для систематического улучшения условий труда. В совокупности с положениями Федерального закона № 323-ФЗ «Об охране здоровья граждан» эти нормы определяют ответственность государства и предприятий за профилактику профессиональных заболеваний и укрепление здоровья трудовых ресурсов, что позволяет встроить соответствующий макрорегулятор в практику управления социальными рисками.

Решение проблемы доступности инфраструктуры для семей с детьми (риск 3) нормативно закреплено в Федеральном законе № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Документ предусматривает обязанность государства и региональных органов власти обеспечивать развитие сети дошкольных и школьных учреждений, что напрямую связано с условиями воспроизводства населения и социальной стабильности. Финансирование данной сферы обеспечивается в рамках программно-целевого метода, установленного Бюджетным кодексом РФ (гл. 21), который позволяет формировать федеральные и региональные программы по развитию социальной инфраструктуры. В практическом плане данные положения

реализуются через постановления Правительства РФ и национальные проекты («Демография», «Образование»), создающие институциональную основу для применения макрорегулятора.

Вопросы развития культурной и спортивной инфраструктуры закреплены в ряде нормативных актов. Федеральный закон № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте» определяет правовые гарантии в области физического воспитания и обязанность органов власти создавать условия для занятий спортом, включая строительство объектов. Федеральный закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия» в совокупности с государственными программами «Развитие культуры» задаёт институциональную основу для модернизации культурной инфраструктуры и сохранения культурной среды. Таким образом, использование макрорегулятора в этой сфере опирается на действующую правовую базу и направлено на снижение социальных рисков, связанных с ограниченным доступом населения к культурным и спортивным услугам.

Регулирование экологических рисков опирается на комплекс федеральных законов. Федеральный закон № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» устанавливает платность негативного воздействия на природу и закрепляет обязанности предприятий внедрять экологически безопасные технологии. В дополнение к этому Федеральный закон № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» конкретизирует порядок обращения с отходами и стимулирует развитие переработки, что позволяет уменьшать нагрузку на экологические системы. Наконец, Федеральный закон № 488-ФЗ «О промышленной политике» расширяет правовое поле за счёт ориентации промышленности на внедрение ресурсосберегающих и «зелёных» технологий, что позволяет рассматривать экологический макрорегулятор как элемент промышленной модернизации. Эта нормативная база обеспечивает институциональную легитимность авторских предложений по снижению экологических рисков.

Таким образом, каждый макрорегулятор соотнесён с действующей нормативно-правовой базой и встроен в систему стратегического планирования и государственного управления, что подтверждает институциональную состоятельность

предложенного инструментария и позволяет рассматривать его как практический механизм реализации государственной политики в промышленном регионе.

Графически государственный механизм стратегического управления промышленным регионом представлен на рисунке 8.

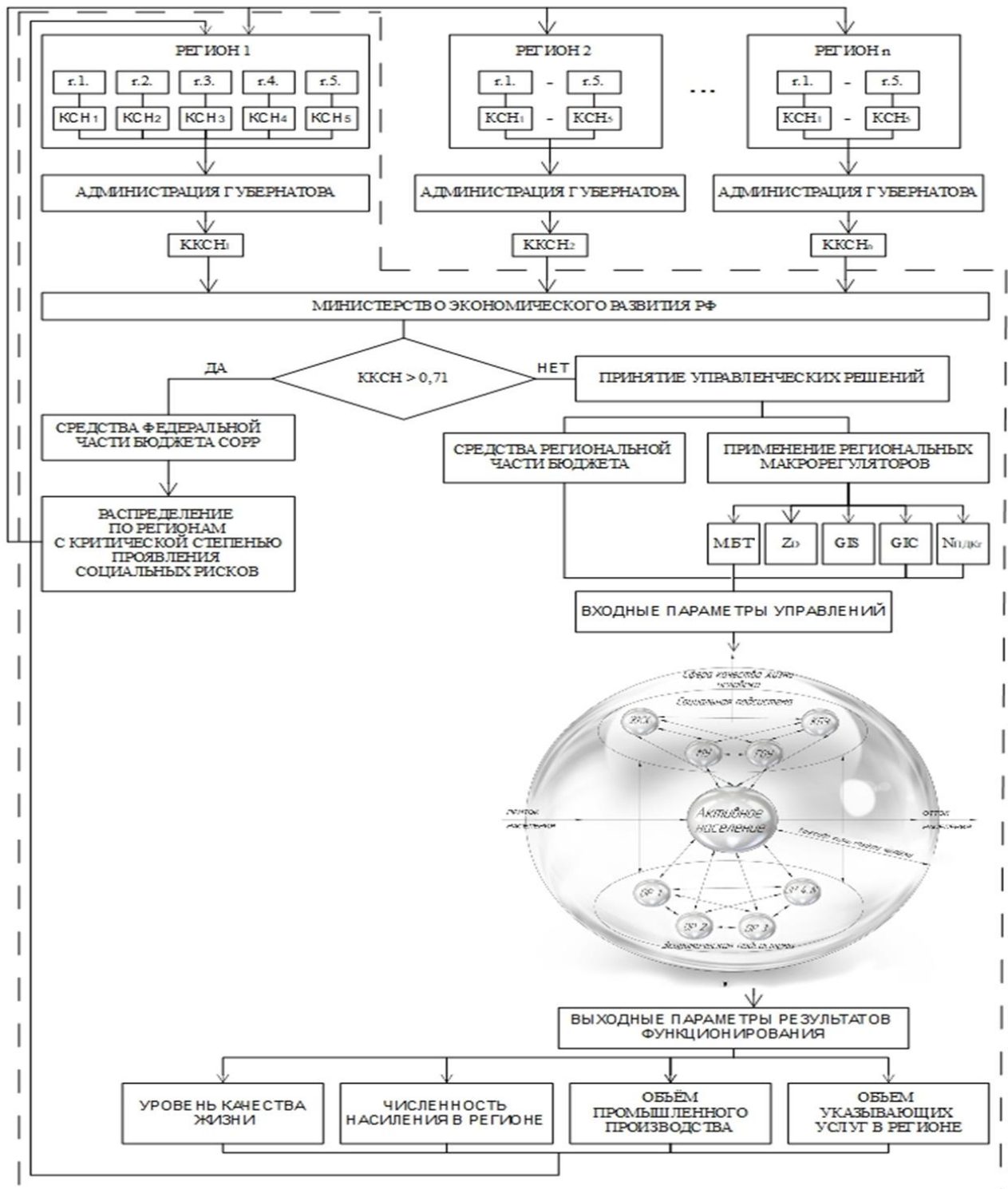

Рисунок 8. Графическая интерпретация государственного механизма стратегического управления промышленным регионом

Встраивание механизма в действующее правовое поле Пермского края позволяет обеспечить его легитимность, увязать с федеральным законодательством и интегрировать в систему региональных стратегий, бюджетных процедур и отраслевых программ (см. табл. 13).

Таблица 13 – Развитие полномочий государственной власти Пермского края

Орган власти Пермского края	Дополнительные полномочия в рамках механизма	Нормативная база	Связь с рисками / ЦУР
Министерство финансов	Дифференциация межбюджетных трансфертов; формирование и администрирование бюджета СОР	БК РФ (гл. 16, 21), закон Пермского края о бюджете	Риск 1 ЦУР 8, 10
Министерство экономического развития и инвестиций	Аналитика ККСН и КСН ₁₋₅ , подготовка обоснований для макрорегуляторов, мониторинг эффективности	ФЗ № 172-ФЗ, стратегия социально-экономического развития Пермского края	Риск 1, 5 ЦУР 8, 11
Министерство здравоохранения	Контроль и координация отчислений предприятий на охрану здоровья работников, реализация программ снижения профзаболеваемости	ФЗ № 323-ФЗ, ФЗ № 426-ФЗ, региональные программы здравоохранения	Риск 2 ЦУР 3, 8
Министерство труда и занятости населения	Мониторинг условий труда, взаимодействие с профсоюзами и работодателями, контроль за безопасностью труда	ТК РФ (ст. 209–224), региональные акты о занятости	Риск 2, 1 ЦУР 8, 10
Министерство социального развития	Реализация программ поддержки семей и снижения социальной напряжённости	ФЗ № 273-ФЗ, нацпроект «Демография», региональные соцпрограммы	Риск 3 ЦУР 4, 10
Министерство образования и науки	Планирование и реализация инвестиций в школьную и дошкольную инфраструктуру	ФЗ № 273-ФЗ, нацпроект «Демография»	Риск 3 ЦУР 4, 10
Министерство культуры	Реализация инвестиций в учреждения культуры, развитие культурного досуга	ФЗ № 73-ФЗ, госпрограмма «Культура»	Риск 4: ЦУР 10, 11
Министерство физической культуры и спорта	Развитие спортивной инфраструктуры и массового спорта	ФЗ № 329-ФЗ, госпрограмма «Развитие физической культуры и спорта»	Риск 4: ЦУР 3, 11
Министерство природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии	Дифференцированные ставки платы за загрязнение; экологический мониторинг и контроль	ФЗ № 7-ФЗ, ФЗ № 89-ФЗ, региональные законы об экологии	Риск 5 ЦУР 11, 12, 17

Такой подход устраняет риск создания «второго бюджета» и закрепляет инструментарий в рамках единой системы государственного управления, что соответствует принципам Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом

планировании в Российской Федерации», Бюджетного кодекса РФ и региональных нормативных актов.

Базовым уровнем институционализации макрорегуляторов выступает стратегическое планирование. В Пермском крае оно закреплено Законом от 02.04.2010 № 598-ПК «О стратегическом планировании в Пермском крае» и Стратегией социально-экономического развития до 2035 года (Закон Пермского края от 12.07.2024 № 329-ПК). Эти акты определяют систему стратегических целей, задач и индикаторов, что позволяет включать авторские коэффициенты социальной напряжённости (KCH_{1-5} , $KKCH$) в перечень показателей стратегических документов. Стратегическое ядро становится основой для внедрения риск-ориентированных индикаторов и их закрепления в долгосрочной повестке развития региона, что согласуется с требованиями ФЗ-172.

Второй уровень институционализации формируется в сфере бюджетного регулирования. Закон Пермского края «О бюджетном процессе» и ежегодные законы о бюджете определяют порядок формирования и исполнения бюджета, а также методы распределения межбюджетных трансфертов. Интеграция макрорегуляторов возможна через включение их в государственные программы, закрепление KPI, а также использование $KKCH$ как корректирующего параметра в формулах распределения стимулирующих дотаций.

В годы с пониженными региональными рисками часть дополнительных доходов аккумулируется в виде резервов (аналогично ст. 81 БК РФ), а при превышении порогов социальных рисков средства направляются на их снижение, что формирует антикризисную и антициклическую логику использования бюджета СОР.

Отраслевое законодательство Пермского края позволяет внедрить макрорегуляторы в промышленную, социальную и экологическую политики. Закон от 03.03.2015 № 440-ПК «О промышленной политике в Пермском крае» предусматривает возможность применения макрорегулятора отчислений предприятий на охрану здоровья персонала и встраивания механизма налоговой дифференциации.

Законы о государственно-частном партнёрстве и концессионных соглашениях обеспечивают правовую основу для макрорегуляторов капитальных вложений в

строительство школ, детсадов, объектов культуры и спорта. Региональное экологическое законодательство, принятое в развитие федерального закона «Об охране окружающей среды», обеспечивает легитимность применения дифференцированных ставок за загрязнение окружающей среды.

Таким образом, каждое отраслевое направление имеет свои возможности для внедрения макрорегуляторов, что делает систему комплексной. Важным направлением является распространение риск-ориентированного подхода на уровень муниципальных образований Пермского края. В соответствии с Бюджетным кодексом РФ и региональными нормативными актами распределение дотаций между муниципалитетами может учитывать КСН₁₋₅. Включение этих коэффициентов в методики распределения трансфертов позволяет направлять больше ресурсов в территории с проявлением наиболее острых социальных рисков. Это стимулирует органы местного самоуправления к снижению рисков и синхронизирует муниципальную политику с региональной стратегией.

Завершающим элементом методики применения механизма стратегического управления промышленным регионом является создание системы управления и контроля. Федеральный закон № 172-ФЗ и Закон Пермского края № 598-ПК предусматривают обязательный мониторинг реализации стратегических документов, что обеспечивает правовую основу для закрепления КРІ макрорегуляторов и регулярной корректировки управленческих решений. Контрольно-счётная палата Пермского края и Счётная палата РФ обладают полномочиями по аудиту эффективности бюджетных расходов, что позволяет встроить инструментарий в существующую систему контроля. Дополнительное включение институтов гражданского общества, НКО, профсоюзов и предпринимательских ассоциаций в наблюдательные советы обеспечит общественный контроль и снизит риск неэффективного использования ресурсов. Для минимизации «морального риска» применяются механизмы обязательного софинансирования, правила «use-it-or-lose-it» и санкции за невыполнение КРІ.

Таким образом, авторский механизм не только институционально совместим с действующим правовым полем, но и выступает комплементарным элементом

системы стратегического управления. Его внедрение обеспечивает координацию между уровнями власти, повышает адаптивность региона к кризисам и позволяет рассматривать риск как полноценный объект государственного регулирования, а не лишь побочный фактор социально-экономического развития.

3.2. Расчет региональных макрорегуляторов и оценка Пермского края по степени проявления социальных рисков

В системе государственного стратегического управления Пермского края апробация авторского механизма основана на расчёте интегральных коэффициентов социальной напряжённости ($KCH_{1...5}$) и сводного комплексного коэффициента социальной напряженности (ККСН). Эти индикаторы позволяют органам власти оценивать уровень рисков, связанных с сокращением потребительского спроса, профессиональной заболеваемостью, условиями для создания семьи, досуга и экологическим состоянием, что соответствует подходам, закреплённым в ФЗ-172 «О стратегическом планировании». Полученные значения КСН используются в управленческих решениях: корректируются стратегические документы, перераспределяются межбюджетные трансферты с учётом коэффициента KCH_1 , определяется объём средств бюджета социально-ориентированного развития на реализацию проектов в сфере здравоохранения, образования, культуры, спорта и экологии. В дальнейшем будет показано, как эти расчёты применяются при формировании макрорегуляторов и бюджета СОР для Пермского края.

В целях идентификации интервала принадлежности Пермского края к выделенным в таблице 8 состояниям системы по степени остроты проявления социальных рисков были рассчитаны интегральные коэффициенты социальной напряженности в регионе $KCH_{1...5}$ на основе статистических данных по Пермскому краю за

период 2004-2023 гг. в соответствии с перечнем показателей, представленных в таблице 7. Исходные численные значения показателей и результаты их нормализации с помощью линейного преобразования по формуле (1) приведены в приложениях 3 и 4 соответственно. Типовой методический расчет нормализованных значений показателей, отобранных для расчета интегральных коэффициентов социальной напряженности, может быть продемонстрирован на примере нормализации показателя «Уровень занятости, %» за 2023 г.:

$$f = \frac{f_j(x) - f_j^{\min}}{f_j^{\max} - f_j^{\min}} = \frac{57,6 - 56,3}{63,6 - 56,3} = 0,0548.$$

На основании репрезентативной статистической выборки по двадцати регионам РФ были рассчитаны весовые коэффициенты, характеризующие значимость каждого показателя для целей анализа. После проверки однонаправленности факторных показателей был вычислен коэффициент корреляции между численностью населения регионов, выбранных для анализа, и факторным показателем, а затем весовой коэффициент по формуле (2). Типовой методический расчет может быть продемонстрирован на примере расчета весового коэффициента для показателя «Уровень занятости, %» за 2023 год:

$$b_{2023} = \frac{r_{xч}}{\sum_{i=1}^n r_{x_1ч}} = \frac{0,27406}{11,22096} = 0,0269.$$

Расчет интегрального коэффициента социальной напряженности в Пермском крае проводился по формуле (6) и предполагал сумму произведений нормализованных значений и соответствующих весовых коэффициентов, которая была поделена на пять слагаемых. Такая процедура выполнялась по каждому периоду анализа. Данный методический расчет может быть продемонстрирован на примере оценки интегрального коэффициента социальной напряженности КСН₁ в Пермском крае за 2023 г.:

$$\begin{aligned} \text{КСН}_1^{2023} &= \frac{\sum_{j=1}^m j_m * b_m}{5} = \frac{(0,0266 * 0,0816) + (0,0825 * 0,0825)}{5} + \\ &+ \frac{(0,0015 * 0,0269) + (0,0000 * 0,0686) + (0,0054 * 0,0060)}{5} = 0,0018. \end{aligned}$$

Для определения комплексного коэффициента социальной напряженности по всем пяти социальным рискам была применена формула (7). Типовой методический расчет может быть продемонстрирован на примере вычисления комплексного коэффициента социальной напряженности ККСН в Пермском крае за 2023 г.:

$$\begin{aligned} \text{ККСН}_{2023} &= \sqrt[5]{\text{КСН}_1 * \text{КСН}_2 * \text{КСН}_3 * \text{КСН}_4 * \text{КСН}_5} = \\ &= \sqrt[5]{0,0018 * 0,0010 * 0,0023 * 0,0043 * 0,0000} = 0,0008. \end{aligned}$$

В соответствии с пороговыми значениями ККСН, представленными в таблице 8, по результатам расчетов можно сделать вывод, что социально-экономическая система Пермского края на протяжении всего периода анализа характеризуется незначительной степенью проявления социальных рисков, т.к. значения ККСН принадлежат интервалу $[0,00; 0,30]$ по шкале Чеддока.

На рисунке 9 представлена динамика комплексного (ККСН) и интегральных (КСН₁-КСН₅) коэффициентов социальной напряженности Пермского края за период 2004-2023 гг.

Анализ рассчитанных значений свидетельствует о том, что за двадцатилетний период наблюдения структура социальных рисков в регионе претерпела существенные изменения.

1. Риск «Сокращение потребительского спроса» (КСН₁) характеризуется постепенным снижением в 2004-2008 гг., после чего значения показателя стабилизируются на низком уровне с незначительными колебаниями в 2010-2023 гг. Это свидетельствует о сохранении стабильного уровня потребительской активности при умеренной чувствительности к макроэкономическим факторам.

2. Риск «Увеличение профессиональной заболеваемости» (КСН₂) имеет устойчиво низкие значения на протяжении всего периода (около 0,001) без существенных колебаний. Это подтверждает стабильную санитарно-гигиеническую ситуацию и отсутствие значимых угроз со стороны профессиональных заболеваний.

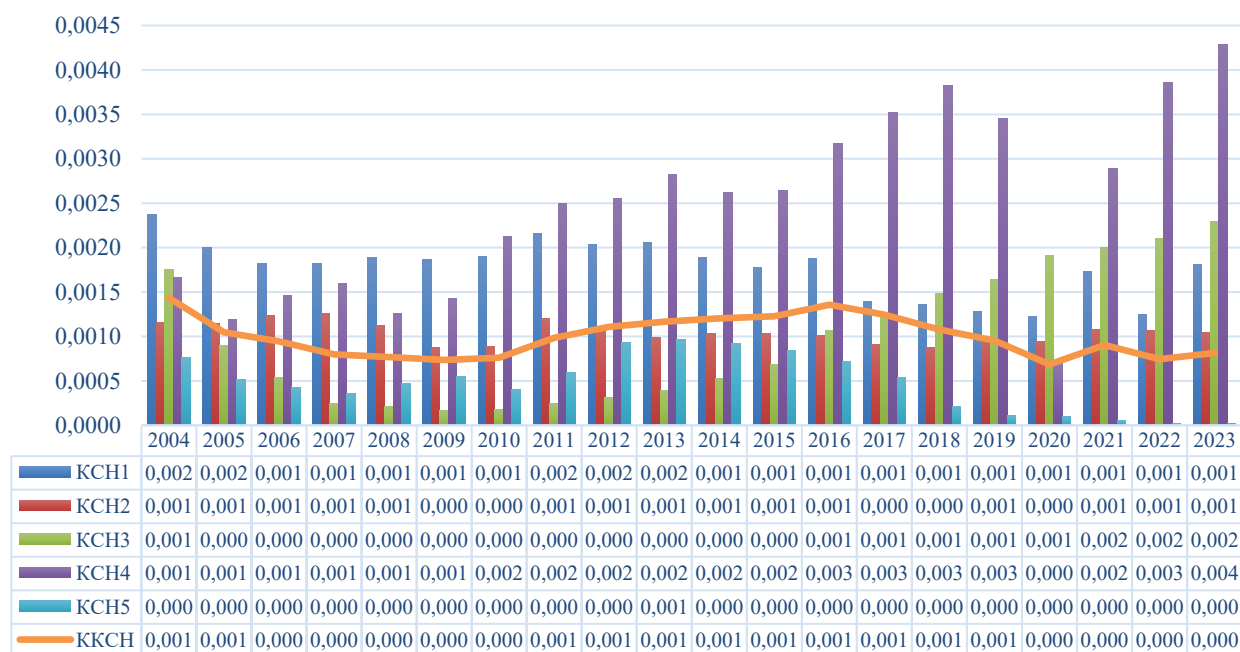

Рисунок 9. Динамика интегральных и комплексного коэффициентов социальной напряжённости в Пермском крае в 2004-2023 гг.

3. Риск «Ухудшение условий для создания семьи» (KCH₃) остаётся на стабильном уровне в течение всего анализируемого периода, с незначительным ростом в 2020-2023 гг. Это может отражать косвенное влияние экономических факторов и повышения стоимости жизни, но не свидетельствует о системной напряжённости в демографической сфере региона.

4. Риск «Ограничение доступа к культурным и досуговым благам» (KCH₄) за рассматриваемый период демонстрирует выраженный рост, особенно с 2017 г. по 2023 г. Данный тренд указывает на структурные проблемы в сфере региональной инфраструктуры досуга и культуры. Недостаточная насыщенность региона культурными и образовательными учреждениями формирует дополнительное напряжение и снижает привлекательность региона для молодого и активного населения.

5. Экологический риск (KCH₅) остаётся стабильным на протяжении всего периода анализа, без выраженных колебаний. Это свидетельствует о поддержании устойчивой экологической обстановки в регионе и об эффективности действующих природоохранных мер.

6. Комплексный коэффициент социальной напряжённости (ККСН) в Пермском крае в 2004-2023 гг. колеблется в диапазоне 0,001-0,002. После небольшого снижения в 2010-2016 гг. наблюдается умеренный рост, наиболее заметный после 2020 г. Это отражает постепенное увеличение чувствительности населения к социально-экономическим изменениям, при сохранении общего уровня социальной устойчивости региона.

Для того, чтобы управлять социальными рисками в Пермском крае, необходимо рассчитать авторские макрорегуляторы, описанные в параграфе 2.3.

1. Для апробации предложенного макрорегулятора распределения межбюджетных трансфертов приведём типовой расчёт на примере Пермского края за 2023 год. Макрорегулятор предназначен для учёта степени социальной напряжённости региона при распределении федерального пула финансовой поддержки. Его действие основано на принципе: чем выше значение интегрального коэффициента социальной напряжённости ($КСН_1$), тем больший объём трансфертов должен получить субъект Российской Федерации. При этом экономический уровень развития региона, измеряемый валовым региональным продуктом (ВРП), выступает корректирующим фактором, снижающим долю богатых и увеличивающим долю менее обеспеченных территорий. Расчет макрорегулятора выполняется в несколько этапов.

1) Определение корректирующего множителя по ВРП. Для выравнивания бюджетных возможностей регионов используется множитель φ_i , рассчитываемый по формуле (10). На основании данных о ВРП субъектов Российской Федерации за 2023 г. среднее значение ВРП по 20 рассматриваемым регионам составило ($\eta=1$) получаем:

$$\varphi = \frac{5\,505\,288,3}{2\,197\,280,1} = 2,5055.$$

Это означает, что при распределении федеральных трансфертов экономический вес Пермского края будет усилен примерно в 2,5 раза относительно регионов со средним уровнем ВРП.

2) Расчёт весового показателя региона в структуре макрорегулятора по формуле (9). Веса регионов определяются с учётом трёх параметров: интегрального коэффициента социальной напряжённости по риску r_1 , корректирующего множителя по ВРП и индикатора включения региона в распределение, который принимает значение 1, если KCH_1 превышает пороговое значение τ , и 0 – в противном случае.

Значение KCH_1 в Пермском крае за 2023 год составило 0,0018. В соответствии авторской классификацией степени остроты проявления рисков, показанной на рисунке 10, порог значимой остроты для Пермского края в 2023 г. равен 0:

$$KCH_1 = 0,0018 < \tau (0,30) \Rightarrow 0.$$

Значение ККСН	0-0,30	0,31-0,50	0,51-0,70	0,71-1,00
Сила связи между социально-экономическими процессами, измеряемая интегральным коэффициентом социальной напряжённости	слабая	умеренная	заметная	высокая
Степень остроты проявления рисков	незначительная	умеренная	значительная	критическая
Значение порога активации	0	0	1	1
Фаза цикла	фаза роста		фаза шока	

Рисунок 10. Авторская классификация степени остроты проявления рисков

Иными словами, при $KCH_1 < \tau$ регион не участвует в распределении трансфертов по данному риску, вне зависимости от величины корректирующего множителя по ВРП.

Поскольку весовой показатель Пермского края по r_1 равен нулю, доля региона в нормированном распределении по этому риску также равна нулю. При нулевой доле региона трансферт по риску r_1 для Пермского края в 2023 г. равен нулю.

Отсутствие трансферта отражает низкую выраженность риска «Сокращение потребительского спроса» в 2023 г.. Это соответствует логике макрорегулятора: бюджетная поддержка по данному каналу направляется лишь на территории, где социальная напряжённость по r_1 достигла значимой остроты ($KCH_1 \geq \tau$). Для Пермского края в 2023 г. приоритет перераспределения должен определяться другими рисками, по которым выполняется условие активации.

Таким образом макрорегулятор межбюджетных трансфертов обеспечивает пропорциональное перераспределение федеральных средств в пользу регионов с

повышенными социальными рисками и ограниченной бюджетной базой, что делает предложенный механизм инструментом адресного и адаптивного управления социально-экономическим развитием промышленных регионов.

2. Макрорегулятор, отражающий затраты промышленных предприятий на улучшение здоровья кадрового состава, рассчитывается по формулам (9)-(11) и позволяет определить объём средств, необходимых для поддержания здоровья работников в рамках реализации корпоративной социальной политики и предотвращения профессиональных заболеваний.

Для примера по предприятию ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ» расчёт был выполнен в следующей последовательности:

1) вычислена оценка расходов региона на лечение профессиональных заболеваний в Пермском крае:

$$\begin{aligned} RMC &= Ч * D * \frac{RC}{ND} = 2508,4 * 0,116 * \frac{3998,7}{305,4} = \\ &= 305,59 * 13,093 = 4,002 \text{ млн. руб.} \end{aligned}$$

2) найден удельный вес объема производства ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ», занимаемый в ВРП Пермского края:

$$EMC = \frac{TR}{BPP} = \frac{649700}{2197280,1} = 0,2957 = 29,57\%.$$

3) определены затраты ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ» на улучшение здоровья кадрового состава:

$$Z_D = RMC * EMC = 4001,9 * 0,2957 = 1\,183,36 \text{ тыс. руб.}$$

Полученное значение макрорегулятора свидетельствует о низком уровне финансовой нагрузки, необходимой для обеспечения профилактики и лечения профессиональных заболеваний на предприятии. Это отражает стабильную санитарно-гигиеническую ситуацию в промышленном секторе региона и эффективность действующих корпоративных программ в сфере охраны труда и здоровья работников.

При этом расчёты интегральных коэффициентов социальной напряжённости показывают, что показатель KCH_2 («Увеличение профессиональной заболеваемости») на протяжении всего периода анализа остаётся на уровне $\approx 0,001$ с

незначительными колебаниями, что свидетельствует об отсутствии выраженного роста профессиональной заболеваемости и о стабильности условий труда в регионе. Динамика КСН₂ имеет слабовыраженные колебания и демонстрирует устойчивую стабилизацию в последние годы, что подтверждает эффективность профилактических мер и корпоративных инвестиций в здоровье трудовых коллективов.

Таким образом, совпадение низкого значения КСН₂ и малой величины макрорегулятора затрат на здоровье персонала свидетельствует о достигнутом балансе между уровнем производственных рисков и объёмом инвестиций в профилактику заболеваний. В текущих условиях дополнительные значительные капитальные вложения в медицинскую инфраструктуру предприятий не требуются. Напротив, целесообразно сохранить приоритет мер нематериального характера – совершенствование корпоративных стандартов охраны труда, повышение культуры безопасности производства, расширение программ добровольного медицинского страхования, проведение регулярных профилактических осмотров и внедрение цифровых систем мониторинга здоровья работников.

В совокупности эти меры обеспечивают устойчивое снижение профессиональной заболеваемости и способствуют формированию долгосрочной стратегии сохранения человеческого капитала в промышленно развитом регионе.

3. Макрорегулятор капитальных вложений в строительство школьных и дошкольных учреждений, входящих в комплекс условий создания и развития семьи. Данный макрорегулятор предполагает расчет по формуле (14):

$$\begin{aligned} GIC &= \left(\frac{P_i}{AC} - SN_i \right) * SIC = \left(\frac{340836}{1000} - 476 \right) * 2200 = \\ &= (341 - 476) * 2200 = -297 \text{ млн. руб.} \end{aligned}$$

Рассчитанный по формуле (14) макрорегулятор капитальных вложений в строительство школьных и дошкольных учреждений показал отрицательное значение, что свидетельствует об отсутствии инфраструктурного дефицита в сфере общего и дошкольного образования Пермского края. Отрицательное значение макрорегулятора указывает на то, что существующая сеть образовательных учреждений

обеспечивает нормативный объём школьных и детсадовских мест и не требует дополнительных капитальных вложений.

В то же время анализ динамики интегрального коэффициента социальной напряжённости КСН_з «Ухудшение условий для создания семьи» сохраняется на стабильном уровне с незначительным увеличением в 2020-2023 гг., что указывает на повышение социальной чувствительности населения к факторам, затрудняющим реализацию семейных функций. На первый взгляд, отрицательное значение макрорегулятора и рост КСН_з могут восприниматься как противоречие, однако по своей природе они описывают разные аспекты одной проблемы.

Макрорегулятор отражает обеспеченность региона объектами материальной инфраструктуры, тогда как КСН_з характеризует социально-экономическую и институциональную среду, в которой реализуются семейные потребности. Рост КСН_з при отрицательном значении макрорегулятора означает, что проблема не связана с нехваткой детских садов или школ, а обусловлена иными причинами: снижением реальных доходов населения, ростом стоимости жилья, повышением расходов на воспитание детей, дефицитом гибких форм занятости для родителей, а также ограниченной доступностью услуг дополнительного образования и семейной поддержки.

Таким образом, в рассматриваемый период риск «Ухудшение условий для создания семьи» смещается из инфраструктурной в институциональную плоскость. В этих условиях ключевая задача региональной социальной политики заключается не в расширении сети образовательных учреждений, а в создании благоприятных социально-экономических условий для семьи: субсидировании ипотеки и аренды жилья, развитии программ поддержки молодых родителей, обеспечении гибких графиков работы, расширении инфраструктуры присмотра и ухода, а также в стимулировании работодателей к внедрению семейно-ориентированных практик.

Такое соотнесение показателей позволяет сделать вывод, что рост КСН_з при отрицательном значении макрорегулятора не свидетельствует о необходимости новых капитальных вложений, а напротив – указывает на необходимость

институциональных и экономических мер, направленных на снижение социальной напряжённости и повышение привлекательности региона для создания и воспитания семьи.

4. Макрорегулятор капитальных вложений в строительство учреждений культуры и спорта, входящих в комплекс удовлетворения культурно-просветительского спроса населения. Данный макрорегулятор предполагает расчет по формулам (16)-(18). Для примера определим сумму капитальных вложений, необходимых для удовлетворения потребностей населения Пермского края в посещении театров:

1) рассчитаем необходимое число посещений театров в Пермском крае на 1000 жителей:

$$V = \frac{\text{Ч}}{1000} * AV = \frac{2508,4}{1000} * 822 = 2062.$$

2) вычислим количество дополнительно необходимых посещений театров в Пермском крае на 1000 жителей:

$$NV = V - RV = 2062 - 349 = 1713.$$

3) определим сумму необходимых инвестиций в строительство театров в Пермском крае:

$$GIC = \left(\frac{1713}{940} - 13 \right) * 13 = -145,3 \text{ млрд. руб.}$$

Результаты расчёта макрорегулятора капитальных вложений в строительство учреждений культуры и спорта по формулам (16)-(18) оказались меньше нуля ($GIC = -145$ млрд руб.), что свидетельствует о достаточной обеспеченности населения Пермского края объектами культурно-досуговой инфраструктуры. Отрицательное значение макрорегулятора указывает на отсутствие необходимости строительства новых театров и подтверждает, что существующая сеть учреждений культуры обладает избыточным потенциалом пропускной способности.

В то же время расчёты интегральных коэффициентов социальной напряжённости демонстрирует устойчивую тенденцию к росту, особенно после 2017 г., отражающий повышение социальной напряжённости в сфере культурного досуга. Данное различие объясняется тем, что макрорегулятор отражает обеспеченность материальной инфраструктурой, тогда как КСН₄ фиксирует эффективность её

использования и фактическую доступность культурных благ для населения. Рост КСН₄ при отрицательном значении макрорегулятора означает, что проблема заключается не в нехватке театров как объектов капитального строительства, а в снижении уровня их востребованности и доступности для различных социальных групп.

Следовательно, в рамках государственной политики целесообразно переключить управленческие меры с капитальных вложений на оптимизацию использования существующей сети учреждений культуры. Приоритетными направлениями становятся повышение качества культурных услуг, субсидирование билетов для социально уязвимых категорий граждан, развитие гастрольной деятельности и выездных форматов, обновление репертуара, а также улучшение транспортной и информационной доступности театров. Такой подход позволяет снизить социальную напряжённость за счёт повышения вовлечённости населения в культурную жизнь региона без дополнительных затрат на новое строительство.

5. Пятый макрорегулятор направлен на управление риском КСН₅ «Увеличение уровня загрязнения окружающей среды» посредством дифференциации налоговых ставок за загрязнение окружающей среды. В отличие от предыдущих макрорегуляторов, которые отражают социальные и демографические аспекты, данный инструмент имеет выраженную фискально-экологическую природу и реализует принцип «загрязнитель платит» в рамках формирования доходной базы бюджета социально ориентированного развития (СОР). Расчёт регулируемой ставки платы за выброс 1 тонны загрязняющего вещества (на примере аммиака) осуществляется по формуле (19):

$$N_{\text{ПКДг}} = N_{\text{ПКДбаз}} * \frac{\Delta Q_{\text{P}} - \Delta Q_{\text{Pmin}}}{\Delta Q_{\text{Pmax}} - \Delta Q_{\text{Pmin}}} = 138,8 * \frac{70,76 - 0}{645,1 - 0} = 15,27 \text{ руб./т.}$$

Это означает, что в бюджет СОР Пермского края поступает 15,27 рубля за каждую тонну аммиака, выбрасываемую промышленными предприятиями региона. Сама величина ставки отражает относительно умеренный уровень загрязнения по сравнению с другими промышленными субъектами Российской Федерации, что подтверждает стабильную экологическую ситуацию и наличие потенциала для

постепенного экологического перехода без существенного увеличения фискальной нагрузки на бизнес.

При этом динамика коэффициента социальной напряжённости КСН₅ сохраняется на стабильно низком уровне без существенных колебаний, что указывает на последовательное улучшение экологических условий проживания населения. Данный тренд подтверждает, что действующие механизмы экологического регулирования (включая плату за негативное воздействие и систему разрешений) функционируют эффективно.

Таким образом, отрицательная динамика КСН₅ при положительном значении макрорегулятора дифференциации экологических платежей свидетельствует о правильной настройке регуляторной системы: платежи выполняют функцию не только фискального инструмента, но и экономического стимула к снижению загрязнения.

С точки зрения бюджета СОР, экологические платежи выступают самостоятельным источником доходов, закреплённым в соответствии со статьёй 16 Федерального закона № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» и отражённым в архитектуре СОР. Средства, поступающие в СОР от экологических сборов, формируют целевой «подфонд» экологической стабилизации, который используется для:

- финансирования программ по модернизации очистных сооружений и внедрения наилучших доступных технологий (НДТ);
- восстановления природных территорий, рекультивации земель и ликвидации накопленного ущерба;
- развития экологического мониторинга и систем раннего предупреждения;
- просветительских и образовательных инициатив, направленных на формирование экологической культуры населения.

Таким образом, макрорегулятор по риску КСН₅ обеспечивает устойчивую доходную базу бюджета СОР и одновременно выполняет функцию регулятора экологического поведения предприятий, увязывая экономические стимулы с целями снижения социальной напряжённости. Его применение позволяет формировать двойной эффект: фискальный – в виде поступлений в региональный фонд, и социально-

экологический – в виде снижения риска ухудшения условий жизни и здоровья населения.

Следовательно, Пермский край в текущий период не требует радикального увеличения ставок или дополнительных экологических налогов, а нуждается в поддержании действующего баланса: постепенном совершенствовании механизмов экологического мониторинга, стимулировании предприятий к внедрению НДТ и направлении собранных средств в проекты, повышающие качество окружающей среды. Такой подход обеспечивает реализацию принципа «устойчивого равновесия» бюджета СОР, при котором доходы от экологических сборов возвращаются в экономику региона через инвестиции в экологическую безопасность и комфортную среду обитания населения.

Проведённые расчёты пяти макрорегуляторов демонстрируют комплексный характер социально-экономических рисков и подтверждают возможность их количественной увязки с механизмами бюджетного регулирования. Каждый из макрорегуляторов представляет собой отдельный контур бюджетного реагирования, встроенный в систему бюджета социально ориентированного развития (СОР) и имеющий институционально закреплённый источник финансирования.

Таким образом, в данном параграфе был определён уровень социальных рисков в Пермском крае и рассчитаны региональные макрорегуляторы, направленные на их минимизацию. Полученные результаты делают необходимым построение в следующем параграфе системы рекурсивных уравнений, которая будет использоваться для моделирования последствий государственного регулирования социальных рисков и оценки динамики уровня качества жизни населения Пермского края. Данная система представляет собой модель, укрупненно описывающую социально-экономическое состояние промышленного региона, которая позволит оценить результативность такого государственного стратегического управления в Пермском крае.

3.3. Оценка социально-экономических результатов от применения авторского механизма государственного управления на примере Пермского края

В целях эмпирической верификации авторского механизма государственного стратегического управления применительно к Пермскому краю был проведён комплексный анализ репрезентативных статистических данных, охватывающих двадцатилетний период социально-экономического развития региона. Это позволило выявить ключевые тенденции и определить исходные параметры для дальнейшего моделирования зависимости уровня проявления социальных рисков в регионе от показателей уровня качества жизни населения. Исходные данные представлены в таблице 14.

Для оценки наиболее значимых социальных рисков собранные исходные данные были изучены и нормализованы с помощью линейного преобразования по формуле (1). Результаты расчетов даны в таблице 15. Механизм их вычисления может быть продемонстрирован на примере типового расчета нормализации показателя «Расходы на покупку товаров и оплату услуг, %» за 2023 г.:

$$f = \frac{f_j(x) - f_j^{\min}}{f_j^{\max} - f_j^{\min}} = \frac{79,4 - 64,0}{84,2 - 64,0} = 0,7624.$$

На основании репрезентативной статистической выборки по двадцати регионам РФ, представленной в таблице 6, были рассчитаны весовые коэффициенты, характеризующие значимость каждого показателя для целей анализа и уровень качества жизни в Пермском крае. После проверки однонаправленности факторных показателей был вычислен коэффициент корреляции между численностью населения регионов, выбранных для анализа, и факторным показателем, а затем весовой коэффициент по формуле (2).

Таблица 14 – Исходные статистические данные для расчета уровня качества жизни населения Пермского края за период 2004-2023 гг.

Период анализа	Рс	Нб	D	B	CG	S	№	P	T
2004	64,0	33,4	834,3	19,3	71,3	1238	213	435	5785
2005	65,0	32,2	894,4	19,6	70,2	1150	217	448	5831
2006	64,1	28,5	927,5	20,0	69,7	1092	226	431	5867
2007	65,3	27,8	966,8	20,3	70,1	1046	251	395	5895
2008	69,6	24,9	950,3	20,9	69,9	1016	244	375	5917
2009	68,2	23,7	964,2	21,2	66,5	901	240	322	5932
2010	68,8	23,0	931,3	21,5	67,1	869	262	325	6050
2011	74,2	22,8	937,3	21,9	65,9	856	327	375	6084
2012	74,5	22,8	928,4	22,1	65,3	842	316	344	6090
2013	74,5	22,7	929,7	22,5	66,0	833	306	368	6082
2014	73,1	23,7	981,6	22,2	70,9	820	316	312	6078
2015	66,6	22,7	979,7	23,1	74,4	808	334	299	6076
2016	77,9	22,2	950,2	23,3	74,4	805	328	309	6082
2017	80,4	21,7	930,4	23,7	74,8	766	335	311	6123
2018	83,8	21,3	931,3	24,3	76,3	756	343	293	6151
2019	82,9	20,4	921,8	24,9	79,5	665	356	293	6179
2020	79,4	19,2	871,4	25,6	81,8	507	122	281	6227
2021	84,2	19,3	986,5	26,5	86,1	509	255	275	6360
2022	79,5	19,0	1020,4	27,4	87,9	478	325	275	6402
2023	79,4	18,9	921,5	28,0	89,5	476	349	286	6403

Механизм вычисления весовых коэффициентов может быть продемонстрирован на примере типового расчета весового коэффициента для показателя «Расходы на покупку товаров и оплату услуг, %»:

$$b_i = \frac{r_{xч}}{\sum_{i=1}^n r_{x_iч}} = \frac{0,916117}{6,6698} = 0,1374.$$

Расчет уровня качества жизни в анализируемом регионе проводился по формуле (3) и предполагал последовательное умножение нормализованных значений на соответствующий весовой коэффициент и последующее суммирование полученных результатов в рамках каждого периода анализа. Результаты расчета представлены в таблице 15.

Механизм вычисления может быть продемонстрирован на примере типового расчета уровня качества жизни в Пермском крае за 2023 г.:

$$\begin{aligned} \text{КЖ}_{2023} &= \sum_{i=1}^m \frac{f_j(x) - f_j^{\min}}{f_j^{\max} - f_j^{\min}} * b_{ij} = 0,7624 * 0,1374 + \\ &+ 0,0000 * 0,1473 + 0,4686 * 0,1079 + 1,0000 * 0,1095 + \\ &+ 1,0000 * 0,1039 + 0,0000 * 0,1461 + 0,9701 * 0,1185 + \\ &+ 0,0636 * 0,0682 + 1,0000 * 0,0612 = 0,5492. \end{aligned}$$

Для демонстрации практической применимости авторского механизма государственного стратегического управления и оценки его влияния на социально-экономическую систему Пермского края целесообразно осуществить расчёты по разработанной во второй главе эконометрической модели. Данный шаг позволяет перейти от теоретического описания макрорегуляторов к их апробации на региональном уровне, выявить результаты функционирования системы и обосновать эффективность бюджетных и институциональных инструментов СОР. В результате последовательного применения метода наименьших квадратов к каждому уравнению системы, были определены ее регрессионные параметры, после чего она приобрела вид:

$$\begin{cases} Ч = 5852,668 * \text{КЖ}_i \\ y_{\text{пр}} = -69,8984 * Ч + 499093,8 * \text{КЖ}_i + 5,262104 * x_1 \\ y_y = 0,087 * Ч + 4,411 * y_{\text{пр}} - 20800,8 * \text{КЖ}_i - 0,253 * x_1 - 0,093 * x_2 \end{cases}.$$

Таблица 15 – Уровень качества жизни в Пермском крае за период 2004-2023 гг.

Период анализа	Рс	Нб	D	B	CG	S	Nc	P	T	Уровень качества жизни
Весомость	0,1374	0,1473	0,1079	0,1095	0,1039	0,1461	0,1185	0,0682	0,0612	
2004	0,0000	1,0000	0,0000	0,0000	0,2479	1,0000	0,4009	0,9249	0,0000	0,4298
2005	0,0495	0,9172	0,3229	0,0346	0,2025	0,8845	0,4185	1,0000	0,0745	0,4532
2006	0,0050	0,6621	0,5008	0,0808	0,1818	0,8084	0,4581	0,9017	0,1328	0,4220
2007	0,0644	0,6138	0,7120	0,1155	0,1983	0,7480	0,5683	0,6936	0,1781	0,4442
2008	0,2772	0,4138	0,6233	0,1848	0,1901	0,7087	0,5374	0,5780	0,2137	0,4260
2009	0,2079	0,3310	0,6980	0,2194	0,0496	0,5577	0,5198	0,2717	0,2380	0,3580
2010	0,2376	0,2828	0,5212	0,2540	0,0744	0,5157	0,6167	0,2890	0,4291	0,3605
2011	0,5050	0,2690	0,5535	0,3002	0,0248	0,4987	0,9031	0,5780	0,4841	0,4531
2012	0,5198	0,2690	0,5056	0,3233	0,0000	0,4803	0,8546	0,3988	0,4938	0,4299
2013	0,5198	0,2621	0,5126	0,3695	0,0289	0,4685	0,8106	0,5376	0,4809	0,4394
2014	0,4505	0,3310	0,7915	0,3349	0,2314	0,4514	0,8546	0,2139	0,4744	0,4676
2015	0,1287	0,2621	0,7813	0,4388	0,3760	0,4357	0,9339	0,1387	0,4712	0,4403
2016	0,6881	0,2276	0,6228	0,4619	0,3760	0,4318	0,9075	0,1965	0,4809	0,4984
2017	0,8119	0,1931	0,5164	0,5081	0,3926	0,3806	0,9383	0,2081	0,5469	0,5066
2018	0,9802	0,1655	0,5212	0,5774	0,4545	0,3675	0,9736	0,1040	0,5924	0,5381
2019	0,9356	0,1034	0,4702	0,6467	0,5868	0,2480	0,9427	0,1040	0,6384	0,5204
2020	0,7624	0,0207	0,1994	0,7229	0,6818	0,0407	0,0000	0,0347	0,7160	0,3314
2021	1,0000	0,0276	0,8178	0,8303	0,8595	0,0433	0,5859	0,0000	0,9312	0,5426
2022	0,7673	0,0069	1,0000	0,9307	0,9339	0,0026	0,8943	0,0000	0,9998	0,5808
2023	0,7624	0,0000	0,4686	1,0000	1,0000	0,0000	0,9701	0,0636	1,0000	0,5492
Коэффициент корреляции	0,92	0,98	0,72	0,73	0,69	0,97	0,79	0,45	0,41	-

Прогностические возможности модели были определены на основе коэффициента детерминации, который показывает на сколько процентов точно описывает существующую закономерность построенная регрессионная модель. Качественные характеристики трех уравнений системы подставлены в таблице 16.

Таблица 16 – Структурные характеристики факторных переменных системы рекурсивных уравнений, описывающих социально-экономическое состояние региона

Уравнение системы	Коэффициент детерминации R^2
$Ч = 5852,668 * КЖ_i$	0,98
$\Delta Y_{пр} = -173,845 * Ч + 1638586 * КЖ_i + 7,859 * x_1$	0,99
$\Delta Y_y = 0,087 * Ч + 4,411 * Y_{пр} - 20800,8 * КЖ_i - 0,253 * x_1 - 0,093 * x_2$	0,99

На основе данных таблицы 16 можно сделать вывод о достаточно высокой достоверности описания существующих взаимосвязей зависимых и независимых переменных. Теснота связи между численностью населения региона и уровнем качества его жизни была оценена по величине коэффициента множественной корреляции $R = 0,97$: то есть связь между факторами достаточно высокая. Теснота связи между объемом промышленного производства в исследуемом регионе и численностью населения, уровнем качества жизни и суммой инвестиций в промышленность составляет 98%, что также можно охарактеризовать как высокую. Теснота связи между объемом оказываемых населению услуг в исследуемом регионе и численностью населения, уровнем качества его жизни, суммой инвестиций в промышленность и уровнем социокультурных расходов, осуществляемых государством в исследуемом регионе, составляет 99 %, что также можно охарактеризовать как очень сильную, близкую к функциональной, равной 1.

Коэффициент детерминации первого уравнения системы $R^2 = 0,98$, то есть изменение численности населения в регионе на 98% обусловлено уровнем качества жизни в нем, а 2% – действием случайных факторов, не включенных в модель. Изменение объема промышленного производства в исследуемом регионе на 99% обусловлено изменением численности населения Пермского края, уровнем качества

его жизни и размером инвестиций в промышленность, а 1% – действием случайных факторов, не включенных в модель. Изменение объема оказываемых услуг в исследуемом регионе на 99% обусловлено изменением численности населения Пермского края, уровнем качества его жизни, размером инвестиций в промышленность и социокультурных расходов, осуществляемых государством в исследуемом регионе, а 1% – действием случайных факторов, не включенных в модель.

Полученные результаты статистического анализа подтверждают высокую степень взаимозависимости ключевых социально-экономических параметров, формирующих уровень качества жизни населения промышленного региона. Высокие значения коэффициентов множественной корреляции и детерминации свидетельствуют о системном и взаимно обусловленном характере взаимодействия демографических, производственных и социальных факторов. Это означает, что уровень качества жизни выступает не только результатом социально-экономического развития, но и важнейшим детерминантом его динамики, влияя на численность населения, уровень промышленного производства и объём оказываемых услуг.

С позиций государственного стратегического управления данные зависимости подтверждают необходимость комплексного подхода, при котором государственное стратегическое управление промышленным регионом должно учитывать в своем процессе регулирования социальных процессов, инвестиций в человеческий капитал и инфраструктуру. Высокая корреляция указывает на то, что изменения в социальной сфере и уровне качества жизни населения способны мультипликативно воздействовать на экономические результаты, усиливая либо, напротив, ограничивая их эффект.

Таким образом, выявленные закономерности эмпирически подтверждают обоснованность предложенного автором риск-ориентированного механизма государственного стратегического управления промышленным регионом, основанного на интеграции экономических и социальных факторов. Это позволяет рассматривать уровень качества жизни не только как целевой индикатор, но и как инструмент управления устойчивостью региональной социально-экономической системы.

Согласно результатам мониторинга за 2023 г., Пермский край характеризуется низкой выраженностью социальных рисков при умеренном росте показателей КСН₃ (r₃ «Ухудшение условий для создания семьи») и КСН₄ (r₄ «Снижение потребности в услугах досуга») (см. рис. 9). Расчёты макрорегуляторов показали отсутствие инфраструктурного дефицита по r₃ и r₄ (отрицательные значения показателей капитальных вложений), а также неактивацию r₁ (КСН₁ ниже порога). Следовательно, пакет мер формируется как институциональный, ориентированный на повышение фактической доступности и использования уже имеющейся социальной инфраструктуры, что согласуется с методикой, представленной в п. 3.1, и структурой бюджета СОР.

Координацию мероприятий осуществляет Правительство Пермского края. Оператором бюджета социально ориентированного развития (СОР) назначается Министерство финансов Пермского края, обеспечивающее планирование, распределение и контроль исполнения средств. Сооператорами по направлениям выступают профильные органы (культура, социальная защита, образование, занятость, цифровое развитие), которые отвечают за содержательное наполнение мер и достижение целевых показателей. Финансирование осуществляется за счёт средств бюджета СОР в части операционных расходов (без строительства), с применением принципа иерархической гармонизации «71/29» – преобладающее софинансирование из регионального контура при возможной федеральной поддержке – и с долевым участием бенефициаров (государственные и муниципальные учреждения культуры, работодатели). Механизм доведения средств построен на принципе «субсидий по результатам» (outcome-based): предоставление и окончательное принятие расходов увязываются с достижением заранее утверждённых индикаторов результативности (KPI), что минимизирует риск нецелевого использования и обеспечивает сопоставимость эффекта с расчётной моделью.

В условиях отсутствия сформированного бюджета СОР предлагается использовать в качестве первичного источника финансирования экологические платежи, которые будут поступать в результате реализации макрорегулятора дифференциации ставок платы за загрязнение окружающей среды для снижения рисков,

обусловленных экологическим загрязнением в субъекте РФ. Такой механизм обеспечивает фискально нейтральный запуск бюджета СОР: доходная база не требует введения новых налогов, а использует уже существующие фискальные потоки с их целевым перераспределением в рамках утверждённых программ.

Для демонстрации работоспособности механизма в горизонте одного бюджетного года принимаются малые, но реалистичные изменения нормированных показателей, непосредственно затрагиваемых институциональными мерами:

- *стимулирование потребления домохозяйствами* посредством кешбэк- и ваучерных программ на локальные товары и услуги (за исключением подакцизных позиций) с геопривязкой к региональным субъектам МСП; запускаются партнёрские акции с работодателями (программы лояльности, «дни локальных покупок») для стимулирования безналичного оборота. КРІ: прирост розничного оборота на душу населения на 1,5-2,0% относительно тренда; охват программами не менее 10% домохозяйств; рост доли транзакций в локальных МСП по данным эквайринга на 2,0 п.п. Указанные результаты соответствуют нормированному приращению R_c на 0,015.

- *приращение показателя фактической доступности культурных благ* посредством реализации адресных скидок и ваучеров на посещение государственных и муниципальных учреждений культуры для приоритетных групп (семьи с детьми, молодёжь, сельские жители) с лимитами и цифровой верификацией получателей; создание единой цифровой витрины расписаний, онлайн-бронирования и оплаты на основе донастройки действующей ИТ-инфраструктуры. КРІ: увеличение коэффициента загрузки мест не менее чем на 2,0 п.п.; прирост посещений на 1000 жителей в районах-приоритетах не менее 15-20 в год; доля льготных/адресных билетов – не менее 15% от валовой реализации; доля онлайн-бронирований – не менее 40%. Достижение указанных значений фиксирует нормированное приращение показателя N_c на 0,020.

- *для поддержки условия создания и развития семьи* предлагается расширение режима продлёнки и услуг присмотра в действующих школах за счёт

организационных решений и микро-закупок персонала (без расширения площадей); софинансируются семейно-ориентированные практики работодателей (гибкие графики, удалённые форматы, семейные выходные) при условии закрепления в коллективных соглашениях; создаётся «единое окно» семейных услуг в цифровом и фронт-офисном каналах. KPI: увеличение охвата продлёнкой на 5 п.п.; доля работодателей с внедрёнными семейно-ориентированными практиками – не менее 20% среди предприятий с численностью свыше 100 человек; снижение средних семейных расходов на присмотр и уход на 1 п.п. в структуре бюджета семьи. Данные значения обеспечивают нормированное приращение S на 0,005.

Указанные амплитуды лежат в пределах малых вариаций нормированного интервала $[0;1]$, не создают структурных разрывов в данных, и прямо соответствуют номенклатуре мероприятий, реализуемых без капитальных вложений. Прочие факторы формулы (3) сохраняются неизменными (допущение *ceteris paribus*), что обеспечивает изоляцию маржинального эффекта именно от институциональных мер, исключая завышение результата за счёт смежных «побочных» влияний.

Чтобы определить, каким образом изменение социальной напряженности и уровня качества жизни повлияет на параметры социально-экономической системы Пермского края под влиянием предлагаемых государственных мер, необходимо выполнить перерасчет эндогенных параметров системы «Численность населения» (Ч), «Объем промышленного производства в исследуемом регионе» (Упр) и «Объем оказываемых услуг в исследуемом регионе» (Уу). Произведем оценку уровня качества жизни населения Пермского края под влиянием указанных макро-регуляторов. В таблице 17 представлены исходные данные для пересчета уровня качества жизни.

Мониторинг и оценка результатов предполагает следующий алгоритм действий. Операционные KPI могут контролироваться ежеквартально на основе административных регистров (реестры льготных билетов и онлайн-бронирований, данные эквайринга по ваучерам, сведения служб занятости и социальной защиты, отчётность учреждений). По завершении бюджетного года KPI транслируются в нормированные приращения факторов P_c , S и N_c по утверждённым шкалам

нормировки, после чего рассчитывается обновлённое значение интегрального показателя качества жизни (КЖ) по формуле (3). Полученное значение КЖ подставляется в рекурсивную систему уравнений (4) для вычисления изменения численности населения, объёма промышленного производства и объёма оказываемых услуг. Такой порядок обеспечивает сопоставимость управленческих результатов с модельными расчётами и позволяет демонстрировать измеряемый «до/после»-эффект без привлечения капитальных вложений.

Таблица 17 – Исходные данные для расчета уровня качества жизни населения Пермского края в 2023 г. с учетом применения авторских предложений

Показатель	Рс	Нб	D	B	CG	S	Нс	P	T
Нормализованные значения	0,7624	0,0000	0,4686	1,0000	1,0000	0,0000	1,0000	0,0636	1,0000
Весомость	0,1374	0,1473	0,1079	0,1095	0,1039	0,1461	0,1185	0,0682	0,0612
Значения с учетом весомости	0,1068	0,0000	0,0505	0,1095	0,1039	0,0007	0,1174	0,0043	0,0612

В течение первых трёх месяцев утверждаются порядки предоставления субсидий и ваучеров, заключаются соглашения с учреждениями и работодателями, запускается цифровая витрина. На 4-6-м месяце проводится пилот в 5-7 муниципалитетах с последующей корректировкой инструментов по итогам мониторинга. На 7-12-м месяце осуществляется тиражирование на весь край, выполняется годовой пересчёт КЖ, расчет численности населения и объемов производства благ по системе (4), подготавливается отчёт «до/после». Соблюдение бюджетной дисциплины обеспечивается принципом «use-it-or-lose-it» (неосвоенные средства возвращаются в бюджет СОР), санкциями за невыполнение KPI, публичной отчётностью и выборочным аудитом.

В таблице 18 представлено изменение уровня качества жизни населения Пермского края в результате воздействия авторских рекомендаций. Расчеты по формулам (1)-(3) показали, что действие авторского организационного механизма управления уровень качества жизни населения Пермского края повысится на 0,94%.

Таблица 18 – Изменение уровня качества жизни населения Пермского края под влиянием авторских макрорегуляторов

Эндогенная переменная	Значение переменных		Отклонение	
	До применения	После применения	Абсолютное	Относительное
Уровень качества жизни населения	0,5492	0,5593	+0,0052	+0,94%

На основании нового значения уровня качества жизни в Пермском края был произведен перерасчет численности населения и объемов произведенных товаров и услуг по региону с использованием эконометрической модели (4). Результаты вычислений представлены в таблице 19.

Таблица 19 – Изменение параметров социально-экономической системы Пермского края под влиянием авторских рекомендаций

Эндогенная переменная	Значение переменных		Отклонение	
	До применения	После применения	Абсолютное	Относительное
Численность населения, тыс. чел.	2 508,4	2 538,8	+30,40	+1,21%
Объем промышленного производства в исследуемом регионе, тыс. руб.	2 151 395	2 154 625	+3 230,00	+0,15%
Объем оказываемых услуг в исследуемом регионе, тыс. руб.	242 794,60	256 936,04	+14 141,44	+5,82%

Проведённая апробация предложенной риск-ориентированной модели показала её практическую состоятельность. При неизменной инфраструктуре и без дополнительных капитальных вложений, за счёт институциональных мер интегральный показатель качества жизни вырос на +0,0052 (с 0,5541 до 0,5593), что соответствует +0,94%. Прогнозная оценка влияния этого прироста на экономику Пермского края, выполненная по рекурсивной системе уравнений, свидетельствует о том, что он положительно повлияет на ключевые макропоказатели: численность населения увеличилась на +30,4 тыс. чел. (+1,21%), объём промышленного производства – на +3 230 млн. руб. (+0,15%), объём оказываемых услуг – на +14 141,44 млн руб. (+5,82%). Полученные результаты подтверждают тезис о том, что

целенаправленное снижение социально-экономических рисков путем повышения уровня доступности уже предлагаемых на рынке благ приводит к измеримому улучшению качества жизни и, на этой основе, – к росту демографических и экономических результатов.

В совокупности эмпирически проделанные расчеты подтверждают, что предложенный автором риск-ориентированный механизм государственного стратегического управления промышленным регионом работоспособен и может служить основой для распространения практики его применения на территориях других промышленных регионов при условии адаптации числовых параметров авторского механизма стратегического управления на основе риск-менеджмента.

Вывод по 3 главе.

В третьей главе произведена практическая верификация разработанного риск-ориентированного механизма государственного стратегического управления на примере Пермского края: описана институциональная схема применения, рассчитаны макрорегуляторы по социальным рискам и задана методика пересчёта состояния системы до и после применения мер стратегического государственного управления. Для этого были использованы агрегированный показатель качества жизни (формула (3)) и рекурсивная система (4). Показано, что предложенный механизм соответствует действующей законодательной базе в сфере регионального управления и обеспечивает измеримую связь между авторскими инструментами и социально-экономическими результатами функционирования промышленных регионов.

Эмпирический анализ за 2023 г. выявил низкую общую выраженность социальных рисков при умеренном росте r_3 «Ухудшение условий для создания семьи» и r_4 «Снижение потребности в услугах досуга». Расчёты макрорегуляторов показали отсутствие инфраструктурного дефицита по r_3 и r_4 . В этих условиях предложен пакет институциональных мер без капитальных вложений: адресные ваучеры и цифровые сервисы в культуре, кешбэк-программы локального потребления, семейно-ориентированные практики занятости.

Прогнозный перерасчёт социально-экономического состояния Пермского края до и после регулирования свидетельствует о том, что применение государственных управленческих мер позволит повысить интегральный показатель качества жизни на 0,94%. За счет этого численность населения Пермского края могла бы увеличиться на 1,21% или 30,4 тыс. чел., объём промышленного производства – на 0,15% или на 3 229,9 млн руб., объём оказываемых услуг – на 5,82% или на 14 141,4 млн руб. Тем самым подтверждается важность и функциональная применимость разработанного авторского механизма государственного стратегического управления промышленным регионом на основе методов риск-менеджмента. Благодаря его применению удалось бы понизить уровень социальных рисков r_3 и r_4 и повысить доступность социальных благ в Пермском крае.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволило достичь поставленной во введении цели – теоретически обосновать и разработать методическое обеспечение механизма государственного стратегического управления промышленным регионом на основе социально ориентированного риск-менеджмента. Все задачи, сформулированные в работе, получили своё решение, что подтверждает её целостность и логическую завершенность. В процессе исследования получены следующие основные результаты.

Во-первых, уточнено содержание категории «государственное стратегическое управление промышленным регионом». Показано, что данная категория должна рассматриваться не только как совокупность институциональных, организационных и экономических мер, но и как механизм риск-ориентированного типа, обеспечивающий согласование интересов государства, бизнеса и населения в условиях высокой неопределённости. В отличие от традиционных подходов, акцентирующих внимание преимущественно на экономических показателях индустриализации или на социальных эффектах, авторский подход интегрирует их в единую систему государственного управления.

Во-вторых, теоретически обоснована необходимость формирования социально ориентированной парадигмы риск-менеджмента, обеспечивающей переход от постфактум-реагирования к превентивному управлению. В рамках данного подхода предложено рассматривать издержки упущенной выгоды от социальных рисков как ключевой индикатор результативности государственного стратегического управления. Разработанная автором концепция «Социально-СОС» включает три методологических подхода – социально-стратегический, социально-ответственный и социально-стоимостной, что позволило увязать государственное стратегическое

управление промышленным регионом с достижением Целей устойчивого развития ООН.

В-третьих, в работе предложен и апробирован инструментарий оценки рисков и издержек упущенной выгоды, что составляет методическую новизну исследования. Автором разработана система макрорегуляторов и представлена концепция бюджета социально ориентированного развития, позволяющая количественно оценивать последствия управленческих решений в долгосрочной перспективе. Эти инструменты формируют основу для интеграции социальных факторов в стратегические документы федерального и регионального уровня.

В-четвёртых, на основе анализа российской и международной практики выявлены ограничения действующих механизмов государственного управления промышленными регионами. К ним относятся институциональная фрагментарность, недооценка социальных рисков, слабая система мониторинга и высокая межрегиональная дифференциация. Показано, что именно промышленным регионам принадлежит особая роль в реализации политики технологического суверенитета и импортозамещения, однако они же наиболее чувствительны к структурным и социальным диспропорциям. Это предопределяет необходимость формирования адаптивного механизма нового типа.

В-пятых, проведена апробация предложенного механизма на материалах Пермского края. Результаты подтвердили возможность снижения издержек упущенной выгоды, повышения эффективности промышленного комплекса и укрепления социальной устойчивости региона. Практическая значимость исследования выражается в том, что предложенный механизм может быть использован органами власти при разработке стратегий социально-экономического развития, региональных программ модернизации промышленности и в практике государственно-частного партнёрства.

Научная новизна диссертации заключается в следующем:

- уточнено понятие государственного стратегического управления промышленным регионом как механизма реализации государственной политики на основе принципов риск-менеджмента;

- раскрыта роль социальных рисков в формировании издержек упущенной выгоды промышленного региона и обоснована необходимость их учёта как равнозначных факторов по отношению к экономическим факторам;
- предложена концепция «Социально-СОС» как теоретическая основа для интеграции социальных факторов и инструментов их измерения в систему государственного стратегического управления экономикой промышленного региона;
- разработан государственный методический инструментарий оценки и снижения издержек упущенной выгоды промышленного региона, включая систему макрорегуляторов и бюджет социально ориентированного развития.

Практическая значимость работы выражается в возможности применения предложенного механизма в деятельности федеральных и региональных органов власти, при разработке стратегических документов и программ развития, а также в образовательной и научной деятельности. Внедрение результатов исследования позволит повысить результативность государственной политики, минимизировать социально-экономические риски и обеспечить устойчивое развитие промышленного региона.

Таким образом, проведённое исследование вносит вклад в развитие теории государственного стратегического управления и регионалистики, формирует новую парадигму социально ориентированного риск-менеджмента и раскрывает потенциал её практической реализации в условиях современного этапа развития Российской Федерации. Авторский механизм позволяет перейти от декларативных формулировок к реально работающему инструментарии государственного управления, обеспечивающему устойчивый экономический рост и повышение качества жизни населения на основе регулирования уровня социальных рисков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абалкин Л.И. Концептуальные вопросы разработки промышленной политики в условиях современной российской экономики / Л. И. Абалкин // Промышленная политика России на пороге XXI века. – М.: ИздАТ, 1997
2. Абалкин Л.И. Хозяйственный механизм развитого социалистического общества. – М.: Мысль, 1973. 213 с
3. Аганбегян А.Г. Социально-экономическое развитие России. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: дело, 2004. 272 с
4. Адова И.Б., Калошина Т.В. Человеческий капитал как основа эндогенного социально-экономического развития региона // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16. – № 2. – С. 787–802. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-kak-osnova-endogenного-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-regiona>
5. Алаев А.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – М., 1983
6. Алейников Б.Н. Социальное государство и собственность // Государство и право. 2008. № 1.
7. Амерсланова А. Н. Мировая практика применения мер гос-ударственной поддержки организаций оборонно-промышленного комплекса. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovaya-praktika-primeneniya-mer-gosudarstvennoy-podderzhki-organizatsiy-oboronno-promyshlennogo-kompleksa>
8. Андреева Е.Л., Акьюлов Р.И., Беяев В.Н. и др. Оценка влияния фактора освоения природных ресурсов на формирование социально-экономической политики северных территорий: сб. статей. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. 58 с.

9. Анимица Е.Г., Романова О.А., Важенина И.С. Региональная политика и механизмы управления развитием промышленного комплекса. – Екатеринбург : УрГЭУ, 2014. – 356 с.
10. Анимица Е.Г., Силин Я.П. Средний Урал на пути к новой индустриализации // Экономика региона. 2013. №3 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredniy-ural-na-puti-k-novoy-industrializatsii>
11. Антология экономической классики: в 2 т. / сост. И.А. Столяров. – М.: Эконов, 1991. – Т 1. – 474 с., Т 2. – 487 с
12. Антропов В.В. Модели социальной защиты в странах ЕС / В.В.Антропов// Мировая экономика и международные отношения. – 2005. - №11. – с.70-77.
13. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. – М., 1993.
14. Асаул А.Н. Модернизация экономики на основе технологических инноваций / А.Н. Асаул [и др.]. – СПб: АНО ИПЭВ, 2008. 606 с.
15. Аузан А.А. Институциональная экономика: новые направления и приложения. – М. : Инфра-М, 2018. – 320 с.
16. Базуева Е.В., Родионова Л.Л. Эконометрическая оценка влияния социальных индикаторов на динамику регионального экономического роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13. – № 2. – С. 56–70. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonometricheskaya-otsenka-vliyaniya-sotsialnyh-indikatorov-na-dinamiku-regionalnogo-ekonomicheskogo-rosta>.
17. Баиева Н.А. Социальное государство и его основные критерии // [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://science.ncstu.ru/articles/law/f06/04/pdf>.
18. Баликоев В.Т. Реализация моделей социальной политики: мировая практика / Экономические интересы и социальная политика. – Ростов н/Д. Изд-во СКАГС, 2006.
19. Балюшина Ю.Л. Социальное государство в России: история и современность //Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2010. № 1. С. 126-129.
20. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну = Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

21. Белоусова Т.В. Проблемы индустриализации мирового сообщества и их теоретическое обоснование // Вестник ТГУ. 2012. Выпуск 8(112). С. 69-74.
22. Беляев С.О. Классификация рисков: классический и неклассический подходы // Философия права. 2008. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-riskov-klassicheskiy-i-neklassicheskiy-podhody>.
23. Бём-Баверк Е. Основы теории ценности хозяйственных благ // [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.finbook.biz/description2.html?prm=119>.
24. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Колмаков И.Б., Одинцова Е.В., Рязанцев В.И., Чащина Т.В., Черных ЕА. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2022 год // Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2022 год. 2023. №1 (202). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-dohodov-i-urovnya-zhizni-naseleniya-rossii-2022-god>.
25. Бобылев С.Н. Зеленая экономика: перспективы для России // Экологическое право. – М.: Юрист. 2011. № 6. С. 39-41.
26. Бобылев С.Н., Захаров В.М. «Зеленая» экономика и модернизация. Эколого-экономические основы устойчивого развития // Бюллетень «На пути к устойчивому развитию России». Изд-во: Институт устойчивого развития Общественной палаты РФ, 2012. № 60. – 90 с.
27. Бодрунов С.Д. Концепция нового индустриального развития России в условиях ВТО / монография // Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 2013. – 172 с.
28. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация российской экономики – возможности и ограничения // Научные труды Вольного экономического общества России № 1/2014.
29. Бодрунов С.Д. Формирование стратегии реиндустриализации России / монография // Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 2013 – 680 с.
30. Большой Урал: социально-экономические и пространственные изменения в первые десятилетия XXI века / под ред. д-ра экон. наук Лавриковой Ю.Г. – Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2024. – 324 с.

31. Борисов Е.Ф. Основы экономики: учебник и практикум для СПО / Е. Ф. Борисов. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. 399 с. – Серия: Профессиональное образование.
32. Братищев И.М., Макарян А.С. Социальная рыночная экономика и механизм ее становления в России. – М.: ЗАО Издательство «Экономика», 2003. – 216 с.
33. Братусь С.Н. Право и хозяйственный механизм / С.Н. Братусь // Правоведение. – 1983. – №4. С. 29-37.
34. Буданцева С.В. Пути достижения социально-ориентированной рыночной экономики: инструменты и методы //Социально-экономические явления и процессы. № 1 (017), 2010. С. 30-34.
35. Букреев А. М. Промышленная политика, ее сущность, условия и цели формирования / А. М. Букреев, Е. В. Левицкая // ИнВестРегион. – 2006. – № 5. – С. 2-5.
36. Бюджетный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.
37. Вертакова Ю.В. Моделирование устойчивого развития регионального хозяйственного комплекса // Современные технологии. Системный анализ. Моделирование. 2010. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-ustoychivogo-razvitiya-regionalnogo-hozyaystvennogo-kompleksa>
38. Вертакова Ю.В. Обзор экономических подходов и моделей для прогнозирования ВВП // Экономика и управление. 2016. №2 (124). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-ekonomicheskikh-podhodov-i-modeley-dlya-prognozirovaniya-vvp>.
39. Володин А.Г. Политическая экономическая демократия. – М.: Гуманитарий, 2008.
40. Вяткин В.Н., Гамза В.А. Маевский Ф.В. Риск-менеджмент: превентивное управление. – М.: АП «Наука и образование», 2013.
41. Гаврилов А.И. Региональное деление России // ОНС. – 2001. № 3.

42. Гаврилов А.И. Региональная экономика и управление: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 239 с.
43. Гегель Н. В. Сочинения в 14 т. Т. 12. Кн. 1. Лекции по эстетике / пер. Г. В. Столпнера. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. 494 с.
44. Глазьев С.Ю. Социально-экономический смысл бюджета – 2005// РЭЖ. 2004. №9/10.
45. Глазьев С. Нравственные начала в экономическом поведении и развитии – важнейший ресурс возрождения России / Под науч. Ред. О. Богомолова // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. – М.: ИНЭС, 2008. 406 с
46. Гончаров П.К. Социальное государство: сущность, мировой опыт, российская модель // Социально-гуманитарные знания: Научно-образовательное издание. №2. 2000. С. 18-37
47. Государственная программа РФ «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности»: утв. постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 328 (ред. от 30.12.2022). URL: <https://frprf.ru/download/gosrp.pdf>
48. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. Учебник для вузов. 2-е изд. – М.: ГУ ВШЭ, 2001, серия «Tacis», 496 с.
49. Григорьев Л.М. Сценарии развития и экономические институты // Экономическая политика. 2013. № 3.
50. Гриценко Н.Н. Выбор – социальное государство. // Аналитический Вестник Совета Федерации ФС РФ. 1999. № 24(112).
51. Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. №9. С. 3-27.
52. Губанов С. Новая целевая задача и условия ее решения // Экономист. 2008. №3. С. 3-21.
53. Губанов С. Системный выбор России и уровень жизни // Экономист. 2011. №11. С. 3-55.

54. Дадаев Л.М. Теоретические аспекты анализа кластерной организации региональной экономики / Л.М. Дадаев // Региональная экономика: теория и практика. 2008. №24 (81). С. 50-56.
55. Данилов И.П., Михайлова С.Ю., Морозова Н.В. Промышленная политика: российский опыт обобщения результатов научного поиска // Вестник экономики, права и социологии, 2014, № 4
56. Демичева Т.Н. Концептуальные предпосылки формирования социально ориентированной экономики// Бизнес в законе. 2009. №3. С. 184-187.
57. Десятниченко Д.Ю., Каранатова Л.Г., Москаленко В.Н. Инвестиционный потенциал региона как фактор достижения технологического суверенитета в ключевых отраслях экономики России // Экономика и управление. 2024. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsionnyy-potentsial-regiona-kak-faktor-dostizheniya-tehnologicheskogo-suvereniteta-v-klyuchevykh-otraslyah-ekonomiki-rossii>.
58. Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры. История географических идей. М.: Прогресс. 1988.
59. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год / под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. 204 с
60. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2015. 260 с
61. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год / под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016. 204 с.
62. Доклад о человеческом развитии URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2025>
63. Доменко Ю.Ю. Концепция и модель управления экономикой региона на основе инструментов стратегического планирования [Электронный ресурс] // Russian Journal of Management. – 2022. – URL: <https://rusjm.ru/ru/nauka/article/48399/view>.

64. Дорошенко С.В., Шорохова И.С. Институциональные эффекты и инновационное развитие регионов России // Пространственная экономика. 2023. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-effekty-i-innovatsionnoe-razvitie-regionov-rossii>.
65. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Социалистический хозяйственный механизм: закономерности развития. – М. Экономика, 1981
66. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 г. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view>.
67. Закон Пермского края от 07.09.2007 № 107-ПК (ред. от 03.04.2018) «О системе исполнительных органов государственной власти Пермского края» // [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.permkrai.ru/government/activity/thesis/>
68. Закон Пермского края №8-ПК от 06.03.2007 года «О Законодательном Собрании Пермского края» // [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zsperm.ru/upload/iblock/b52/8-ПК_09102016.pdf
69. Здорова Е.Н. Формирование кластера как элемент современной модели развития региона / Е.Н. Здорова, О.П. Харитонов // Вестник ОГУ. – 2009. - №2
70. Зубаревич Н. В. Регионы России в конце 2023 г.: удалось ли преодолеть кризисный спад? // (статья). 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regiony-rossii-v-kontse-2023-g-udalos-li-preodolet-krizisnyy-spad>
71. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М. : Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.
72. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: Проблемы и тенденции переходного периода. – Москва : Ленанд, 2023. – 288 с.
73. Зубаревич Н.В. Регионы России в конце 2023 г.: удалось ли преодолеть кризисный спад? // (статья). 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regiony-rossii-v-kontse-2023-g-udalos-li-preodolet-krizisnyy-spad>
74. Иванова И.А. Интегральная оценка и Прогнозирование инновационного потенциала регионов Приволжского федерального округа // Экономический

анализ: теория и практика. 2014. №36 (387). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integralnaya-otsenka-i-prognozirovanie-innovatsionnogo-potentsiala-regionov-privolzhskogo-federalnogo-okruga>

75. Иванова И.А. Разработка методологического подхода к прогнозированию экономических рисков в обеспечении национальной продовольственной безопасности с учетом цикличности в развитии агропродовольственной системы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 44. С. 53-59.

76. Игнатов В.Г., Бутов В.И. Регионоведение: методология, политика, экономика, право. – Ростов-на-Дону, 1998.

77. Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.

78. Ищенко И.В., Костыкова М.Ю. Жизненный цикл стратегического управления регионом: ключевые элементы и механизм функционирования // КЭ. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznennyy-tsikl-strategicheskogo-upravleniya-regionom-klyuchevye-elementy-i-mehanizm-funktsionirovaniya>.

79. Карелин И.Н., Гаткин О.С., Цыбина И.Ю. Оценка эффективности использования человеческого капитала в регионах России // Развитие территорий. – 2022. – № 3. – С. 43-53. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-ispolzovaniya-chelovecheskogo-kapitala-v-regionah-rossii>

80. Кистанов В.В., Копылов Н.В. Региональная экономика России: Учебник. – М.: Финансы и статистика, 2006. 584 с

81. Князев Ю. Современный взгляд на теорию социальной рыночной экономики // Общество и экономика. 2004. № 5-6. С. 17-53.

82. Коваленко Е., Зинчук Г., Кочеткова С., Маслова С., Полушкина Т., Рябова С., Якимова О. Региональная экономика и управление: Учебное пособие, 2-е изд., перераб. и доп. – Ситер, 2008. 288 с

83. Коваленко С.А. Социальная политика: основания и модели // Человек, общество, управление. 2007. №4. С. 108-120

84. Козаков Е.М. Социальная ответственность власти и бизнеса как базовое научно-практическое положение региональных исследований / Е. М. Козаков // Экономика региона. 2012. № 1. С. 11-20.

85. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

86. Концептуальные основы становления социальной ответственности бизнеса в России / Под ред. д.э.н., проф. Е.М. Козакова. Сб. науч. тр. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. 2008. 140 с

87. Концепция развития кластерной политики в Российской Федерации и План действий по реализации Концепции развития кластерной политики в Российской Федерации в 2007-2008 гг. // [электронный ресурс]. – Режим доступа: www.poria.ru/files/konc_klastern_259_10.doc

88. Косарева, Н.Б., Трунин, А.А. Управление рисками при реализации социальных проектов ГЧП // Региональная экономика: теория и практика. – 2020. – № 9. – С. 164-175

89. Кочетков В.В. Еще раз о сущности социального государства // Закон и право. 2009. №7. С.5-13.

90. Кочетков В.В. Конституциональные проблемы социального государства // Федерализм. 2011. №2. С. 89-98.

91. Кочетков В.В. Справедливость как сущность социального государства // Философия права. 2009. №5. С. 32-36.

92. Кочетков В.В., Кочеткова Л.Н., Социальное государство как идеальный тип: к философским основаниям современной политики // Труд и социальные отношения. 2010. №4. С. 106-115.

93. Краковская И.Н. Человеческий капитал региона: проблемы сохранения и развития // Регионология. 2006. № 2. С. 170-178.

94. Краюхин Г.А. Регулирование инновационных процессов в регионе / Г.А. Краюхин, Л.Г. Головач, Л.Ф. Шайбакова / Под. ред. д.э.н. проф. Г.А. Краюхина. СПбГИЭА. – СПб., 1997.
95. Кривошеев В.Т. Социальное государство и его роль в становлении социального партнерства // Социально-гуманитарные знания. 2004. №3. С. 112-124.
96. Ксенофонов В. И. Региональная промышленная политика как инструмент посткризисного восстановления экономического роста // Вестник УГТУ-УПИ. 2010. №4. С. 137-144.
97. Кузнецова О.В. Региональная политика в России: институциональные механизмы и результаты. – М. : Ленанд, 2015. – 336 с.
98. Куликов В.В. Социальная политика как приоритет и приоритеты социальной политики // Российский экономический журнал. 2005. №1. С. 3-17.
99. Куницына Н.Н. Зависимость неформальной занятости от уровня доходов населения российских регионов: уроки пандемии // Экономика региона. 2023. Т. 19, вып. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zavisimost-neformalnoy-zanyatosti-ot-urovnya-dohodov-naseleniya-rossiyskih-regionov-uroki-pandemii/pdf>
100. Кутузов И.А. и др. 1987. Атлас географический справочный. М. Главное управление геодезии; Народное хозяйство СССР. 1922-1982: Юбилейный статистический сборник. М.: Статистика и финансы, 1982.
101. Кучевский В.Б. Социальная философия: общество и сферы его жизнедеятельности. – М.: Пресс, 2003. – 152 с.
102. Кучуков Р. Приоритет экологических ценностей в процессах устойчивого развития / Р. Кучуков, А. Савка // Региональная экономика: теория и практика. – 2009. №31. – С. 91-96.
103. Лаврикова Ю.Г. Концептуальные основы и практика реализации кластерного подхода в регионах России // Региональная экономика. 2008. № 22. С. 21-31.
104. Лавров В.Н. Воспроизводство природной среды: источники, структура и эффективность. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1993. 212 с.
105. Лапаева М.Г., Крикотов О.А. Промышленная политика в регионе: проблемы и пути совершенствования // Вестник ОГУ. 2004. №10. С. 80-86.

106. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Основные понятия. Федеральные, региональные и муниципальные программы. – М.: Наука, 2001
107. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М. : Либроком, 2012. – 368 с.
108. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Муниципальная Россия: Социально-экономическая ситуация, право, статистика (энциклопедический справочник) – М.: Наука, 2001.
109. Лихачев Д.С. Экология культуры // Экология и жизнь. 2012. №6 (127). С. 37-39.
110. Лоскутова М.В., Карпунина Е.К. Промышленная политика как фактор экономического роста // Социально-экономические явления и процессы. 2008. №1(009). С. 69-73.
111. Лысков А.Ф. Человеческий капитал: понятие и взаимосвязь с другими категориями [Текст] / А. Ф. Лысков // Менеджмент в России и за рубежом. – № 6. – 2004. – С. 3-11.
112. Маркс К. Капитал / К. Маркс. – М.: Наука, 1983. Т.1. 1567 с.
113. Маршалл А. Принципы экономической науки. – Москва : Директ-Медиа, 2011. – 872 с.; Пигу А. С. Экономическая теория благосостояния. – Москва : Эксмо, 2008. – 864 с.
114. Мелман С. Прибыли без производства. – М.: Прогресс, 1987.
115. Методологические основы теории хозяйственного расчета / Под ред. В.В. Радаева. – М.: Мысль, 1981. 224 с.
116. Миграян А.А. Теоретические аспекты формирования конкурентоспособных кластеров в странах с переходной экономикой // [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.subcontract.ru/Docum/DocumList_DocumFolderID_18.html
117. Милецкий В.П. Социальное государство: эволюция идей, сущность и перспективы становления в современной России // Политические процессы в России в сравнительном измерении. СПб.: Изд-во Спб. ун-та, 1997.

118. Милль Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. – Москва : Эксмо, 2007. – 1056 с. – (Антология экономической мысли).

119. Министерство промышленности и торговли Российской Федерации. Доклад о новой индустриализации экономики России. – Москва : Минпромторг России, 2021. – 112 с.

120. Минкин А.А. Приоритеты регионального стратегирования: роль и детерминанты климатической повестки // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prioritety-regionalnogo-strategirovaniya-rol-i-determinanty-klimaticheskoy-povestki>.

121. Михеева Н.Н. Адаптация пространственной структуры российской экономики к внешним шокам // Проблемы прогнозирования. 2023. № 6(201). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-prostranstvennoy-struktury-rossiyskoy-ekonomiki-k-vneshnim-shokam>;

122. Моисеева Н.К. Современное предприятие: конкурентоспособность, маркетинг, обновление/ Н.К. Моисеева, Ю.П. Анискин. – М.: Внешторгиздат, 1993.

123. Моткин Г. Модернизация индустриально-экологического типа: современный подход // Проблемы теории и практики управления. 2012. №5. С. 109-114.

124. Мухаметова А.Д. Сценарии регионального экономического развития на основе использования человеческого капитала региона // Экономика. Информатика. – 2024. – Т. 51. – № 1. – С. 32-42. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stsenarii-regionalnogo-ekonomicheskogo-razvitiya-na-osnove-ispolzovaniya-chelovecheskogo-kapitala-regiona>

125. Навстречу «зелёной» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности. Обобщающий доклад для представителей властных структур. Резюме. Найроби: ЮНЕП, 2011. // [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old.ecocongress.info/5_congr/docs/doklad.pdf

126. Найт Ф.Х. Риск, неопределённость и прибыль = Risk, Uncertainty, and Profit. – Москва : Дело, 2003. – 360 с.

127. Научные труды Международного союза экономистов и Вольного экономического общества России. – Москва; Санкт-Петербург, 1995-2004. –т. 17 (61): Мировой экономический и социальный обзор, 2005. Финансирование развития = World economic and social survey 2005. Financing for development / Департамент по экономическим и социальным вопр. Орг. Объединенных Наций. – Москва: Международный Союз Экономистов, 2006. 304 с.

128. Некрасов Н.Н. Проблемы региональной экономики. – М, 1978.

129. Нестеренко А. Социальная рыночная экономика: концептуальные основы, исторический опыт, уроки для России // Вопросы экономики. 1998. № 8. С. 71-84.

130. Низамутдинов И.К. Региональная промышленная политика: особенности формирования и реализации: автореф. дис. ... канд. экон. наук / И.К. Низамутдинов. – Казань, 2012. 24 с.

131. Низамутдинов И.К. Сущность понятия «промышленная политика» в российской экономике // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. 2011. № 4. С. 102-106.

132. Никитская Е.Ф. Пространственная неравномерность инновационного развития макрорегионов и регионов России // Федерализм. 2020 №4. С. 68-89.

133. Новая индустриализация России. Теоретические и управленческие аспекты: Коллективная монография / под научн. ред. д.э.н. Н.Ф. Газизуллина. – СПб.: НПК «РОСТ», 2014. 237 с.

134. Новиков В.А. К вопросу о «новой индустриализации» в России // Вестник КГУ им. Некрасова. 2012. №6. С. 179-181.

135. Новоселов А.С. Методологические проблемы управления экономикой региона / А.С. Новоселов // Регион: Экономика и социология. 2008. № 2. С. 49-67.

136. Носиков А.Н. Процессы управленческого выбора и проектирования политик: «политические дизайны» // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessy-upravlencheskogo-vybora-i-proektirovaniya-politik-politicheskie-dizayny>

137. Носиков А.Н. Сопряжение сетевого пространства электронного государства и дизайн управления: риски и решения // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopryazhenie-setevogo-prostranstva-elektronnogo-gosudarstva-i-dizayn-upravleniya-riski-i-resheniya>

138. Олигин-Нестеров В.И. Использование экономических законов социализма и управление производством. – М. Экономика, 1974.

139. Осипов Ю.М. Основы теории хозяйственного механизма. М.: Изд-во МГУ, 1994. – 367 с.; Орлов И.Б., Сулакшин С.С., Колесник И.Ю., Виллисов М.В. Государство социального гуманизма – от теории к практике. Научный эксперт. М., 2008.

140. Охотский Е.В. Социальное государство как предмет теоретико-правового исследования //Труд и социальные отношения. 2006. № 3-4.

141. Оценка и прогноз социально-экономических последствий технологического развития Урала. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2004. 267 с.

142. Перегудов С., Семененко И. Бизнес и государство в социальной сфере: конфронтация или партнерство? // Мировая экономика и международные отношения. 2009. №7. С.11-20.

143. Пермский край в цифрах. 2025: Краткий статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. – Пермь, 2025 – 180 с.

144. Петти В. Экономические и статистические работы / В. Петти; пер. под ред. М. Смит; предисл. Д. Розенберга. – Москва: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1940.

145. Пигу А. Экономическая теория благосостояния / А. Пигу; пер. с англ. С.П. Аукуционенко. – М.: Прогресс, 1985. Т. 2. 456 с.

146. Постановление Правительства Пермского края от 03.09.2012 № 756-п «О Министерстве природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии Пермского края» // [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://priroda.permkrai.ru/about/polnomoch/>

147. Постановление Правительства Пермского края от 13.12.2007 № 331-п «О Министерстве культуры Пермского края» // [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mk.permkrai.ru/about/polnomochiya/>

148. Постановление Правительства Пермского края от 21.10.2013 № 1460-п «Об утверждении Положения о министерстве образования и науки Пермского края» // [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minobr.permkrai.ru/about/poln/>

149. Постановление Правительства Пермского края от 24.07.2006 № 4-п «Об утверждении Положения о министерстве здравоохранения Пермского края» // [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minzdrav.permkrai.ru/about/thesis/>

150. Постановление Правительства Пермского края от 26.04.2013 № 350-п «Об утверждении Положения о Министерстве промышленности, предпринимательства и торговли Пермского края» // [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minpromtorg.permkrai.ru/about/thesis/>

151. Постановление Правительства РФ от 05.06.2008 № 437 (ред. от 27.02.2018) «О Министерстве экономического развития Российской Федерации» // [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_77491/

152. Постановление Правительства РФ от 13.09.2016 № 913 (ред. от 27.02.2018) «О ставках платы за негативное воздействие на окружающую среду и дополнительных коэффициентах» // [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n>

153. Праздничных А. Региональные отраслевые кластеры в экономике России и перспективы кластерной политики в регионе / А. Праздничных // [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.economy.samregion.ru/report/330/>

154. Производительность труда в России и в мире. Влияние на конкурентоспособность экономики и уровень жизни // [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.council.gov.ru/media/files/CQNOp1HscHaTulPa5BYZesqLNqUSQeHw.pdf>

155. Протасеня С.И. Теория и практика оценки эффективности использования средств дорожных фондов Российской Федерации // Финансы и кредит. 2017. №48 (768). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-i-praktika-otsenki-effektivnosti-ispolzovaniya-sredstv-dorozhnyh-fondov-rossiyskoy-federatsii>

156. Публичная декларация целей и задач Министерства образования и науки Российской Федерации на 2018 г. // [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://минобрнауки.рф/media/events/files/41d6aa9c7579ea10d761.pdf>

157. Раевский С.В. Кластерная концепция организации структуры экономики регионов / С.В. Раевский, Ю.В. Винокурова // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 5.

158. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 1. – Ст. 74.

159. Ратьковская Т.Г. Социальная инфраструктура в региональных рейтингах качества жизни населения РФ [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-infrastruktura-v-regionalnyh-reytingah-kachestva-zhizni-naseleniya-rf>;

160. Рахманин Ю.А., Новиков С.М., Иванов С.И. Современные научные проблемы совершенствования методологии оценки риска здоровью населения // Гигиена и санитария. 2005. № 2. С. 7-10.

161. Региональная экономика: Учебник / Под ред. В.И. Видяпина и М.В. Степанова. – М.: Инфра-М, 2012. 666 с.

162. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. / Росстат. – М., 2014. 900 с.

163. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. 900 с.

164. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. / Росстат. М., 2024.

165. Реструктуризация регионального промышленного комплекса: от индустриальной к социально ориентированной модели. В 2 т. Т. I / РАН, УрО, Ин-т

экономики; под общ. ред. Чл.-кор. РАН А.И. Татаркина. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2005. 722 с.

166. Рисин С. Региональная промышленная политика: сущность, целевая функция, принципы // Вестник ТГУ, выпуск 6(74), 2009. С. 88-90.

167. Родионова И., Рубцов В., Трофимов А. Классификация стран мира, отражающая тенденции глобального процесса индустриализации // Вестник РУДН, сер. Экономика, 2004. №1(10). С. 42-54.

168. Родионова О.В. Социальные функции государства: правовая сущность и проблемы субъектов ее осуществления на современном этапе // Государство и право. 2006. № 8. С. 98-100.

169. Романова Л.А. Экономика региона: самостоятельность и государственное регулирование. – Пермь, 1994. С. 20-24.

170. Романова О.А. Взаимодействие государства, корпораций, институтов гражданского общества в рамках национальной промышленной политики // Известия УрГЭУ. 2013. № 1(45). С. 39-44.

171. Романова О.А. Неоиндустриализация как фактор повышения экономической безопасности старопромышленных регионов // Экономика региона. 2012. №2. С. 70-80.

172. Романова О.А. Промышленная политика: эволюция механизма реализации / О.А. Романова // Современная конкуренция. 2008. № 6 (12). С. 32-44.

173. Романова О.А. Развитие высокотехнологичных производств в региональных промышленных системах // Вестник УРФУ. Серия экономика и управление. 2012. №3. С. 80-92.

174. Романова О.А. Ресурсный потенциал реиндустриализации старопромышленного региона / О.А. Романова, О.С. Брянцева, Е.А. Позднякова. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. 251 с.

175. Романова О.А. Теория и практика развития частно-государственного партнерства // Вестник УГТУ. 2007. №3. С. 39-50

176. Романова О.А., Лаврикова Ю.Г. Кластерное развитие экономики региона: теоретические возможности и практический опыт // Экономика региона. Приложение к №4/2007. С. 40-50.
177. Романова О.А., Ткаченко И.Н. Устойчивое промышленное развитие: условия и факторы // Известия УрГЭУ. 1999. №2. С.3-9.
178. Романова О.А., Ченчевич С.Г., Шешуков О.Ю. Особенности технологической модернизации металлургических предприятий региона в условиях мирового кризиса // Экономика региона. 2009. №3. С. 54-61.
179. Российский статистический ежегодник. 2016: Стат. сб. /Росстат. – М., 2016. 693 с.
180. Россия: экономика в условиях санкций [Электронный ресурс] // The Insider. – 2024. – URL: <https://theins.ru/en/economics/284081>
181. Россия: экономика в условиях санкций [Электронный ресурс] // The Insider. – 2024. – URL: <https://theins.ru/en/economics/284081>.
182. Рощина И.В., Мальцев Д.Б. Уровни социально ориентированной экономики и процесс становления различных форм «новой экономики» // Экономика. 2009. №4.
183. Рыбаковский О.Л. Климатический фактор в демографии регионов России (2017–2023 гг.) // Народонаселение. 2025. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klimaticheskiiy-faktor-v-demografii-regionov-rossii-2017-2023-gg>.
184. Рябченко Ю. Кластерные технологии – эффективный инструмент регионального развития // [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.economy.samregion.ru/report/330/>
185. Савченко В.В. Человеческий капитал как цель региональной социально-экономической политики // Народонаселение. 2008. №1. С.93-101.
186. Санто Б. Инновация как средство экономического развития: Пер. с венг. / Общая ред. Б.В. Сазонова. – М.: Прогресс, 1990.
187. Сафронов А.П. Внутренние противоречия шведской модели «благополучия» // [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://riskprom.ru/_ld/0/80_NEx_11_2008_Swe.pdf

188. Свиридов А.С. Организационные основы управления региональной промышленностью в контексте задач укрепления обороноспособности России // Экономика и бизнес. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnye-osnovy-upravleniya-regionalnoy-promyshlennostyu-v-kontekste-resheniya-zadach-ukrepleniya-oboronosposobnosti-rossii>;

189. Селин В. С. Проблемы и направления «третьей» индустриализации // Север и рынок. 2012. №1(29). С. 26-30.

190. Селин В.С., Селин И.В. Оценка возможностей и факторов инновационного развития региональной экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013 (28). С. 82-91.

191. Селищев А.С. Макроэкономика. 3-е изд. – СПб.: Питер, 2005.

192. Сениор Н.У. Очерк науки политической экономии. – Москва : Директ-Медиа, 2008. – 312 с. – (Антология экономической мысли).

193. Серебрякова С.В. Моделирование региональной структуры современного российского общества (на примере Приволжского округа) / С.В. Серебрякова // Регионология. 2008. № 4.

194. Сигал А.В., Сигал С.А. Параметрическая игра Луки Пачоли и её применение в экономике // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/parametricheskaya-igra-luki-pacholi-i-eyo-primenenie-v-ekonomike>

195. Синтез в экономической теории и экономической политике. Колл. монография / Под общей ред. В.И. Маевского и С.Г. Кирдиной-Чэндлер. М.: ИЭ РАН, 2022. – 444 с.

196. Смешко О.Г., Плотников В.А., Вертакова Ю.В. Трансформация производственной структуры современной экономики: сервисизация или новое индустриальное развитие? // Экономика и управление. 2025. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-proizvodstvennoy-struktury-sovremennoy-ekonomiki-servisizatsiya-ili-novoe-industrialnoe-razvitie>.

197. Смирнов В.В. Теоретические аспекты формирования концепции и парадигмы эффективного социально-экономического развития региона // Региональная экономика: теория и практика. 2008. №10 (67). С. 64-74.

198. Смирнов С.В. Динамика промышленного производства и экономический цикл в СССР и России, 1861-2012: препринт WP2/2012/04 [Текст] / С. В. Смирнов; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 76 с.

199. Смирнова О.О. Три шага к стратегическому управлению [Электронный ресурс] // Препринты Института проблем управления РАН. – 2024. – URL: <https://vspu2024.ipu.ru/preprints/3876.pdf>

200. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов : в 2 т. Т. 1. – Москва : Соцэкгиз, 1962. – 684 с.

201. Сморгун Л.В. Институты доступности цифровых платформ и государственная управляемость // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология и международные отношения. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-dostupnosti-tsifrovyyh-platform-i-gosudarstvennaya-upravlyaemost>.

202. Собрание сочинений и писем: В 15 т. / В.С. Соловьев; [Под ред. С.М. Соловьева, Э.Л. Радлова]. – [Репринт. изд.]. – М.: Логос, 1993. 413 с.

203. Совершенствование хозрасчетных отношений развитого социализма / Под ред. В.В. Радаева. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1986. 215 с.

204. Спешиллов С.М. Основные типы кластеров функционирования регионального производственного комплекса/С.М. Спешиллов// Вестник ОГУ. – 2009. - №2

205. Спиридонов С.П. Индикаторы качества жизни и методологии их формирования // Вопросы современной науки и практики. 2010. №10-12(31). С. 208-223.

206. Стеблякова Л. Кластерный подход к решению проблемы модернизации экономики: системный и социальные аспекты // Человек и труд. 2010. №3. С. 64-67.

207. Стиглиц Дж.Ю. Экономика государственного сектора. Пер. с англ. – М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М, 1997. – 720 с.

208. Стиглиц Дж.Ю., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / пер. с англ. И. Кушнаревай; науч. ред. перевода Т. Дробышевская. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 216 с

209. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2035 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 8.

210. Суворова А.В. Особенности измерения социально-экономического пространства в региональных стратегиях развития / Институт экономики УрО РАН. – материал конференции, 2020. – 12 с.

211. Сухарев О., Стрижакова Е. Новая индустриализация – путь к повышению производительности труда в промышленности // Экономист. 2014. №5. С. 6-18.

212. Сухарев О.С. «Новые-старые» задачи по управлению промышленностью на современном этапе // Учет. Анализ. Аудит. 2016. № 3. С. 7-23.

213. Сухарев О.С. Индустриальная политика и развитие промышленных систем / О.С. Сухарев, Е.Н. Стрижакова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 15. С. 2-21.

214. Татаркин А.И. Оборотные средства хозрасчетных предприятий (политико-экономический аспект). – Иркутск. Изд-во Иркут. Ун-та, 1985. 272 с.

215. Татаркин А.И. Промышленная политика как основа системной модернизации экономики России // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 19. С.5-17.

216. Татаркин А.И. Ресурсы хозрасчетного предприятия: механизм управления. – М. Экономика, 1989. 95 с.

217. Татаркин А.И., Лаврикова Ю.С. Региональная экономика и управление. – Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2012. – 410 с.

218. Татаркин А.И., Романова О.А. Промышленная политика и механизмы ее реализации: системный подход // Экономика региона. 2007. №3. С.19-31.

219. Татаркин А.И., Романова О.А. Промышленная политика: генезис, региональные особенности и законодательное обеспечение / А. И. Татаркин, О. А. Романова // Экономика региона. 2014. № 2. С. 9-21.

220. Татаркин А.И., Романова О.А., Филатова М.Г Структурная перестройка промышленности как элемент длинноволнового процесса // Федерализм. 2000. №4.

221. Теневая экономика и хозяйственный комплекс региона: монография / А. А. Куклин, Г. А. Агарков, Е.А. Зыкова. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2005. 169 с.

222. Территориальная конкуренция в экономическом пространстве / Важенин С.Г., Берсенев В.Л., Важенина И.С., Татаркин А.И. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2011. – 540 с.

223. Тимушев Е.Н., Яговкина В.А. Резервные фонды в регионах России: факторы учреждения и оценка эффективности // Финансовый журнал. 2023. Т. 15. № 5. С. 61–78. URL: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-5-61-78>. https://www.finjournal-nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2023/5/statii/04_5_2023_v15.pdf (дата обращения: 12.09.2024)

224. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. – М.: Профиздат, 2008. 569 с.

225. Трубинская К.А. Социально-ответственный бизнес и государство: государственно-частное партнерство // Актуальные проблемы гуманитар. и естеств. Наук. 2011. №7. С. 226-228.

226. Трудосбережение как основной вектор неоиндустриальной модернизации: круглый стол редакции журнала «Экономист» и ФНПР // Экономист. 2011. №5 С. 18-36.

227. Трунова Н. Проблемные зоны использования кластерного подхода в России // Бюджет. 2007. №6.

228. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 596 «О долгосрочной экономической политике» // [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35260>.

229. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 20. – Ст. 2817.

230. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 20. – Ст. 3290.

231. Ускова Т.В. Региональная политика территориального развития [Текст]: монография / Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 156 с.

232. Ушакова Э.Т., Фролова Е.А. Социальное государство: теоретическая концепция и особенности ее практической реализации // Вестник томского государственного университета. Серия «Экономика». 2011. №1(13). С. 31-40.

233. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 26 (ч. I). – Ст. 3378.

234. Хайруллина О.И. Анализ факторов, влияющих на бедность: национальный и региональный аспекты // КЭ. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-faktorov-vliyayuschih-na-bednost-natsionalnyy-i-regionalnyy-aspekty>.

235. Ходачек В.М. Территориальное деление государства // Вопросы экономики. 2003. № 5.

236. Хозяйственный механизм на современном этапе / Под ред. П.Г. Бунича. – М.: Экономика, 1980. 232 с.

237. Хозяйственный механизм общественных формаций / Под общ. ред. Л.И. Абалкина. – М.: Мысль, 1986. 269 с.

238. Хозяйственный механизм управления экономикой СССР: Учеб. пособие для экон. спец. вузов / Лапуста М.Г., Масленников В.В., Шеремет А.Д. и др.; Под ред. П.Г. Бунича. – М.: Экономика, 1991. 318 с.

239. Хозяйственный механизм: формирование целостности: Сборник научных трудов. Институт экономики АН СССР. – М.: Институт экономики АН СССР, 1990. 188 с.

240. Хозяйственный расчет как система отношений / Под ред. В.В. Радаева. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1980. 304 с.

241. Хуторова Н.А. Перспективы использования инструментов устойчивых (ESG) финансов в контексте регионального развития РФ. Сборник лучших докладов Ломоносовские чтения «Поколения экономических идей» – 2021 М.: МГУ.

242. Цапиева О.К. Социальное рыночное хозяйство: синтез свободы и социального государства (вопросы теории) // [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusrand.ru/Dokladi2/Zapieva>

243. Царев В.В., Кантарович А.А., Черныш В.В. Оценка конкурентоспособности предприятий (организаций). Теория и методология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Экономика и управление». – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 799 с.

244. Черковец В.Н. Социализм как экономическая система. – М., 1982.

245. Шаймиев М. Татарстан на пути реформ - опыт государственного управления. // Проблемы теории и практики упр. 1996. № 4.

246. Шаккум М. Национальная промышленная политика в свете присоединения России к ВТО // Промышленная политика в Российской Федерации. 2007. №1.

247. Швецов А.Н. Управление процессами территориального и хозяйственного развития – М.: Наука, 2001.

248. Шеломенцев А.Г., Дорошенко С.В., Трушкова Е.А., Шихвердиев А.П. Стратегии-2030: подходы к разработке в регионах России // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Том 9. № 4

249. Шилов А.В., Петренко Л.К., Назаренко И.А. Техничко-экономическое обоснование строительства различных видов школ // Технические науки – от теории к практике: сб. ст. по матер. LV междунар. науч.-практ. конф. № 2(50). – Новосибирск: СибАК, 2016. С. 152-157.

250. Шнипер Р.И. Регион: диагностика и прогнозирование / под ред. В.В. Кулешова. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1996. 135 с.

251. Шнипер Р.И., Новосёлов А.С. Региональные проблемы рынковедения: экономический аспект. – Новосибирск: Наука, 1993. 436 с.

252. Шумпетер Й. Теория экономического развития: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1982.
253. Щекотин Е.В. Качество и уровень жизни: единство и уважение в зависимости // Социально-гуманитарные знания. 2013. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-i-uroven-zhizni-edinstvo-i-razlichie-v-opredelenii>.
254. Щекотин Е.В. Качество и уровень жизни: единство и различие в определении / Е.В. Щекотин // Вестник социального анализа. 2013. № 2. С. 45-56.
255. Щепакин М. Б. Человекоцентричный ресурс – драйвер инновационных изменений в условиях мобилизационной экономики [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovekotsentrichnyy-resurs-drayver-innovatsionnyh-izmeneniy-v-usloviyah-mobilizatsionnoy-ekonomiki>
256. Щепин О., Белов В. Роль здравоохранения в формировании общественного здоровья // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2007. №3.
257. Экономика знаний и инноваций: перспективы России / Под ред. А.В. Бузгалина. – М.: ТЕИС, 2008. 188 с.
258. Экономика переходного периода / Под ред. В.В. Радаева, А.В. Бузгалина. – М.: Изд-во МГУ, 1995. 410 с.
259. Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма / под ред. А.Я. Рубинштейна, А.Е. Городецкого, Р.С. Гринберга. – СПб.: Алетейя, 2020 – 424 с.
260. Эрхард Л. Благополучие для всех. – М.: Начала-Пресс, 1992.
261. Юхолин Э. Ради бизнеса или ради блага всех? Финский подход к корпоративной социальной ответственности // ЖИСП. 2005. №3. С.379-396.
262. Ялалова А.И. Стратегическое управление промышленными предприятиями региона в условиях цифровой трансформации: проблемы и направления решений [Электронный ресурс] // ResearchGate. – 2023. – URL: https://www.researchgate.net/publication/382895949_STRATEGICESKOE_UPRAVLЕНИЕ_PROMYSLENNYMI_PREDPRIATIAMI_REGIONA_V_USLOVIAH_CIFROVOJ_TRANSFORMACII_PROBLEMY_I_NAPRAVLENIA_IH_RESENIJ;

263. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. 527 с.
264. Allen J.A. Scientific innovation and industrial prosperity. – London, 1966.
265. Barro R.J. Economic Growth. 3rd ed. – Cambridge, MA : MIT Press, 2015. – 568 p.
266. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. – London : Sage Publications, 1992. – 260 p.
267. Dionne G. Risk management: History, definition and critique. 2013.
268. Dolowitz D., Rhodes R. Policy Transfer: A Framework for Comparative Analysis. – Governance. – 2000. – Vol. 13(1). – P. 5-24.
269. Easton D. A Systems Analysis of Political Life. – New York : Wiley, 1965. – 507 p.
270. Foreman-Peck J. Industrial Policy in Europe in the 20th Century / J. Foreman-Peck // [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.econstor.eu/bitstream/10419/44853/1/515648485.pdf>.
271. Harman A.J. The International Computer Industry. Innovation and Comparative Advantage. – Cambridge (Mass): Harvard University Press, 1971.
272. Hood C. The Tools of Government. – London : Macmillan, 1983. – 197 p.
273. Hood C., Rothstein H., Baldwin R. The Government of Risk: Understanding Risk Regulation Regimes. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 236 p.
274. Howlett M. Designing Public Policies: Principles and Instruments. – 2nd ed. – London : Routledge, 2019. – 290 p.
275. Inglehart, R. Aspirations Adapt to Situation – But Why Are the Belgians so Much Happier than French? / R. Inglehart, J. Rabier // Research on the Quality of Life / edited by Frank M. Andrews. – Ann Arbor, 1986. P. 1-56.
276. International Public Sector Accounting Standards Board (IPSASB). 2025 Handbook of International Public Sector Accounting Pronouncements. – New York : IFAC, 2025. – 2 vol.
277. Jackson T. Prosperity without Growth: Foundations for the Economy of Tomorrow. 2nd ed. – London : Routledge, 2017. – 310 p.

278. Kern F., Howlett M. Implementing Transition Management as Policy Reforms: A Case Study of the Dutch Energy Sector. – Policy Sciences. – 2009. – Vol. 42(4). – P. 391-408.
279. Krueger P., Sautner Z., Starks L. The Importance of Climate Risks for Institutional Investors // Review of Financial Studies. – 2020. – Vol. 33(3). – P. 1067-1111.
280. Krugman, P. Trade with Japan: Has the Door Opened Wider? / P. Krugman. – Chicago, Ill.USA: University of Chicago Press, 1991.
281. Kuzmin, E. Assessing the spread and coverage of ESG practices in Russia [Электронный ресурс] // Sustainability. – 2025. – URL: <https://www.frontiersin.org/journals/sustainability/articles/10.3389/frsus.2025.1574190/full>
282. Nove A. An Economic History of the USSR, 1917–1991. – 3rd ed. – London : Penguin Books, 1992. – 474 p.
283. OECD. Government at a Glance 2025. – Paris : OECD Publishing, 2025. – 290 p. – DOI: 10.1787/9789264303072-en; OECD. Governing for the Green Transition // Government at a Glance 2025. – Paris : OECD Publishing, 2025. – P. 120-146.
284. OECD. Green Budgeting and Climate Change: OECD Report. – Paris : OECD Publishing, 2020. – 142 p.
285. OECD. Framework for the Governance of Infrastructure Risk. – Paris : OECD Publishing, 2014. – 68 p.
286. Pavitt K., Walker W. Government policies towards industrial innovation // Review Research Policy, 1976. № 5. P. 221-239.
287. Pernick R. It's All in the Count: The Vexing but Critical Challenge of Green Jobs Accounting // [электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cleandedge.com/views
288. Reserve Funds of Federal Subjects: A Comparative Analysis of Nature and Practice in Russia and the USA and Canada, ResearchGate, 2025. URL: https://www.researchgate.net/publication/340484115_Reserve_funds_of_federal_subjects_A_comparative_analysis_of_nature_and_practice_in_Russia_and_the_US.
289. Regional Disparities and Fiscal Federalism in Russia. – IMF Working Paper WP/21/112. – Washington, DC : International Monetary Fund, 2021. – 41 p.

290. Regional Inequality in Russia: Anatomy of Convergence [Электронный ресурс] / Konstantin Gluschenko. – 2023. – URL: https://www.researchgate.net/publication/378360524_Regional_Inequality_in_Russia_Anatomy_of_Convergence.
291. Rodrik D. Industrial Policy for the Twenty-First Century. Harvard University, 2004 // [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hks.harvard.edu/fs/drodrik/Research%20papers/UNIDOSep.pdf>
292. Romer P. Endogeneous Technological Change // Journal of Political Economy. 1990. October. P. 71-102.
293. Rostow W.W. The stage of economic growth. A non-communist Manifesto. – Camb., 1960.
294. Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. The Measurement of Economic Performance and Social Progress Revisited // [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/documents/overview-eng.pdf>
295. Stiglitz J.E., Fitoussi J.-P., Durand M. Measuring What Counts: The Global Movement for Well-Being. – New York : The New Press, 2019. – 390 p.
296. Storper M. The Regional World: Territorial Development in a Global Economy. – New York : Guilford Press, 1997. – 338 p.
297. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development : Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015, A/RES/70/1. – New York : United Nations, 2015. – 41 p
298. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development : Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015, A/RES/70/1. – New York : United Nations, 2015. – 41 p.
299. World Bank. ESG Integration in Public Sector Management. – Washington, DC : World Bank Group, 2021. – 96 p.

ОБЗОР ОПРЕДЕЛЕНИЙ ПОНЯТИЯ «РЕГИОН»

Автор	Определение
Территориальный подход	
А. Гранберг ⁹⁸	Часть территории страны, имеющую сходные природные, социально-экономические и общественно-политические условия, а также определенную степень целостности, внутреннего единства, чувство общности, которые и отличают ее от других частей страны
С. Глазьев ⁹⁹	Комплекс, состоящий из земли, воздуха, флоры, фауны и человеческого населения, которые могут рассматриваться в их соотношениях друг с другом и которые составляют вместе определенную и характерную часть поверхности Земли
Н. Некрасов ¹⁰⁰	Крупная территория страны с более или менее однородными природными условиями и характерной направленностью развития производительных сил на основе сочетания комплекса природных ресурсов с соответствующей сложившейся и перспективной материально-технической базой, производственной и социальной инфраструктурой
В. Видяпина, М. Степанова ¹⁰¹	Определенная общность народнохозяйственных задач, базирующаяся на совокупности используемых или намеченных к эксплуатации природных богатств, исторически сложившейся структуре хозяйственной деятельности или плановой структуре экономического развития
Э. Алаев ¹⁰²	Локализованная территория, обладающая единством, взаимосвязанностью составляющих элементов, целостностью, являющейся объективным условием и закономерным результатом развития данной территории
«Основные положения региональной политики в РФ»	Часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, культурных и иных условий. Регион может совпадать с границами субъекта РФ или объединять территории нескольких субъектов
П. Джеймс, Дж. Мартин, В. Джонс, Вуфтер, Р. Хартсон, Р. Платт ¹⁰³	Часть территории страны, обладающая четырьмя базовыми видами региональной однородности: географической (природный и территориальный ландшафт); производственно-функциональной (преобладающие виды деятельности или отраслевой срез, хозяйственная специализация); градостроительной (особенности производственной и жилой инфраструктуры); социально-экономической (нормы поведения, традиции, культура, предпринимательская практика, качество жизни населения). При этом последняя (социально-экономическая) однородность вытекает из сочетания трех предыдущих

⁹⁸ Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. – М.: Изд-во Гос. Ун-та «Высшая школа экономики», 2003. С. 16

⁹⁹ Глазьев С.Ю. Социально-экономический смысл бюджета – 2005// РЭЖ. 2004. №9/10. С. 21.

¹⁰⁰ Некрасов Н.Н. Проблемы региональной экономики. – М, 1978. С. 29.

¹⁰¹ Региональная экономика: Учебник / Под ред. В.И. Видяпина и М.В. Степанова. – М.: ИНФРА-М, 2007. 666 с. С. 7.

¹⁰² Алаев А.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – М., 1983. С. 68.

¹⁰³ Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры. История географических идей. М.: Прогресс. 1988.

Продолжение Приложения 1

Автор	Определение
Территориально-административный подход	
В. Игнатов и В. Бутов ¹⁰⁴	Территория в административных границах Российской Федерации, характеризующаяся комплексностью, целостностью, специализацией и управляемостью, т.е. наличием политико-административных органов управления.
М. Шаймиева ¹⁰⁵	Субъект Российской Федерации, имеющий соответствующий орган управления
Л. Романова ¹⁰⁶	Территориальное образование, входящее в состав РФ, наделенные в соответствии с федеративным устройством статусом субъекта РФ, собственной компетенцией, правами, обязанностями и ответственностью, определенными Конституцией РФ, конституциями автономных республик, уставами автономных областей, округов, краев, областей, федеративными договорами
Декларация о регионализме в Европе от 4 декабря 1996 ¹⁰⁷	Выражение отличительной политической самобытности, которая может принимать самые различные политические формы, отражающие демократическую волю каждого региона принимать ту форму политической организации, которую он сочтет предпочтительной. Регион сам избирает своё руководство и устанавливает знаки различия своего представительства
В. Лексин и А. Швецов ¹⁰⁸	Административно-территориальное образование или субъект РФ
Системный подход	
Б. Родоман, В. Сухоруков, Г. Черкашин, А. Гаврилов ¹⁰⁹	Территориальная система, обладающая своей структурой, функциями, связями с внешней средой, историей, культурой, условиями жизни населения.
А. Добрынина	Территориально специализированная часть народного хозяйства страны, характеризующаяся единством и целостностью производственного процесса.
В. Ходачек ¹¹⁰	Крупная территориальная система государства, в которой есть развитые внутренние социально-экономические связи, присутствует своеобразие условий хозяйствования и жизнедеятельности, развитая система управления и организационно-хозяйственного центра. При этом, автор, характеризуя регион как большую социально-экономическую систему, в ее состав включает социально-демографическую, экономическую и экологическую системы.

¹⁰⁴ Игнатов В.Г., Бутов В.И. Регионоведение: методология, политика, экономика, право. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 18.

¹⁰⁵ Шаймиев М. Татарстан на пути реформ - опыт государственного управления. // Проблемы теории и практики упр. 1996. № 4.

¹⁰⁶ Романова Л.А. Экономика региона: самостоятельность и государственное регулирование. – Пермь, 1994. – С. 20-24.

¹⁰⁷ Серебрякова С.В. Моделирование региональной структуры современного российского общества (на примере Приволжского округа) / С.В. Серебрякова // Регионоведение. 2008. № 4.

¹⁰⁸ Лексин В.Н., Швецов А.Н. Основные понятия. Федеральные, региональные и муниципальные программы. – М.: Наука, 2001. – С. 19.; Швецов А.Н. Управление процессами территориального и хозяйственного развития – М.: Наука, 2001.

¹⁰⁹ Гаврилов А.И. Региональное деление России // ОНС. – 2001. № 3. – С. 32-42.

¹¹⁰ Ходачек В.М. Территориальное деление государства // Вопросы экономики. – 2003. – № 5. – С. 15.

Продолжение Приложения 1

Автор	Определение
А. Маршаллов и А. Новосёлов ¹¹¹	Подсистема социально-экономического комплекса страны, а также относительно самостоятельная её часть с законченным циклом воспроизводства, особыми формами проявления стадий воспроизводства и специфическими особенностями протекания социальных и экономических процессов.
Е. Коваленко, Г. Зинчук, С. Кочеткова, С. Маслова, Т. Полушкина, С. Рябова, О. Якимова ¹¹²	Система, отличительными чертами которой является: высокая размерность; большое количество взаимосвязанных подсистем различных типов с локальными целями; многоконтурность управления; иерархичность структуры; значительное запаздывание координирующих воздействий при высокой динамичности элементов; неполная определенность состояния элементов.
А. Гаврилов ¹¹³	Социально-экономическая система, которая обладает совокупностью следующих основных ее элементов: системообразующая база, системообслуживающий комплекс, экология, население, инфраструктура рынка. При этом главным фактором, обеспечивающим взаимосвязь и взаимодействие указанных подсистем, интегрирующим их в единую социально-экономическую систему, является деятельность человека, который, являясь основной компонентой производительных сил национального хозяйства, образует социально-территориальную общность через связи и отношения с другими людьми. Отсюда следует, что результативное управление развитием экономики региона невозможно без учета социального фактора.
В. Смирнов ¹¹⁴	Многоуровневая конструкция из взаимодействующих элементов, объединенных в подсистемы нескольких уровней для достижения единой цели – повышения эффективности социально-экономического развития.

¹¹¹ Новоселов А.С. Методологические проблемы управления экономикой региона / А.С. Новоселов // Регион: Экономика и социология. 2008. № 2. С. 49-67.

¹¹² Коваленко Е., Зинчук Г., Кочеткова С., Маслова С., Полушкина Т., Рябова С., Якимова О. Региональная экономика и управление: Учебное пособие, 2-е изд., перераб. и доп. – Ситер, 2008. – 288 с.: ил. – (Серия «Учебное пособие»). С. 22-23.

¹¹³ Гаврилов А.И. Региональная экономика и управление: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 239 с.

¹¹⁴ Смирнов В.В. Теоретические аспекты формирования концепции и парадигмы эффективного социально-экономического развития региона // Региональная экономика: теория и практика. - 2008. - №10 (67). – С. 64 – 74. (С. 66).

Приложение 2

Таблица 2.1 – Исходные данные для расчета коэффициентов весомости показателей по риску 1 «Сокращение потребительского спроса» в 2023 г.

Показатель	Численность населения	j.1.1	j.1.2	j.1.3	j.1.4	j.1.5
Москва	13 104 177	894,8	117 306	64,9	4,5	9,4
Московская область	8 591 736	764,8	65 095	65,1	5,5	11,0
Краснодарский край	5 819 345	353,8	54 691	59,9	8,7	8,2
Санкт-Петербург	5 600 044	535,1	72 022	66,7	4,4	9,0
Свердловская область	4 239 161	503,6	53 309	60,0	7,6	10,0
Ростовская область	4 164 547	345,8	46 772	60,9	9,5	8,7
Республика Башкортостан	4 077 600	334,9	39 957	57,4	9,5	7,2
Республика Татарстан	4 001 625	420,4	52 532	62,0	4,6	7,5
Тюменская область	3 851 234	592,8	69 697	63,9	9,5	8,5
Челябинская область	3 407 145	453,8	39 637	64,6	10,0	9,5
Республика Дагестан	3 209 781	114,7	39 824	53,1	12,8	6,7
Самарская область	3 142 683	374,0	42 600	62,5	10,2	10,9
Нижегородская область	3 081 817	361,8	33 210	64,0	7,2	9,6
Ставропольский край	2 891 204	175,5	32 901	57,3	11,3	9,6
Красноярский край	2 845 545	259,2	50 385	60,2	12,7	11,0
Новосибирская область	2 794 266	210,1	49 894	58,7	9,6	9,3
Кемеровская область	2 568 238	287,9	39 250	56,1	9,8	8,4
Пермский край	2 508 352	273,2	45 639	56,7	9,9	10,4
Волгоградская область	2 470 057	189,6	35 459	59,6	9,1	9,5
Саратовская область	2 404 944	185,7	33 210	58,8	12,5	9,4
Весомость	-	0,0816	0,0825	0,0269	0,0686	0,0060

Таблица 2.2 – Исходные данные для расчета коэффициентов весомости показателей по риску 2 «Увеличение профессиональной заболеваемости» в 2023 г.

Показатель	Численность населения	j.2.1	j.2.2	j.2.3	j.2.4
Москва	13 104 177	173,2	132,9	1 189	1
Московская область	8 591 736	156,1	223,7	896	6
Краснодарский край	5 819 345	137,6	219,3	451	3
Санкт-Петербург	5 600 044	118,6	109,4	770	10
Свердловская область	4 239 161	115,6	220,4	927	11
Ростовская область	4 164 547	124,7	259,5	379	123
Республика Башкортостан	4 077 600	135,5	225,4	496	3
Республика Татарстан	4 001 625	162,3	220,9	492	2
Тюменская область	3 851 234	136,6	165,5	1 097	16
Челябинская область	3 407 145	136,2	231,7	713	11
Республика Дагестан	3 209 781	156,2	249,3	58	7
Самарская область	3 142 683	140,1	197,3	479	6
Нижегородская область	3 081 817	109,1	198,6	437	12
Ставропольский край	2 891 204	123,6	223,2	168	4
Красноярский край	2 845 545	129,3	200,3	667	111
Новосибирская область	2 794 266	111,5	169,8	387	2
Кемеровская область	2 568 238	112,1	228,6	878	11
Пермский край	2 508 352	132,0	201,5	463	21
Волгоградская область	2 470 057	115,6	218,1	253	1
Саратовская область	2 404 944	107,6	197,1	252	2
Весомость	-	0,0060	0,0474	0,0441	0,0585

Продолжение Приложения 2

Таблица 2.3 – Исходные данные для расчета коэффициентов весомости показателей по риску 3 «Ухудшение условий для создания семьи» в 2023 г.

Показатель	Численность населения	j.3.1	j.3.2	j.3.3	j.3.4	j.3.5
Москва	13 104 177	22,15	541	1,424	51,9	1201,2
Московская область	8 591 736	34,01	700	1,352	78,6	1074,5
Краснодарский край	5 819 345	31,04	668	1,532	65,6	783,6
Санкт-Петербург	5 600 044	27,83	530	1,257	87,8	595,9
Свердловская область	4 239 161	29,8	713	1,551	82,7	563,7
Ростовская область	4 164 547	28,34	695	1,272	70,9	470,1
Республика Башкортостан	4 077 600	29,63	709	1,414	82,6	523,7
Республика Татарстан	4 001 625	29,62	566	1,454	77,6	503,5
Тюменская область	3 851 234	25,74	771	1,720	83,6	572,5
Челябинская область	3 407 145	29,15	732	1,471	87,3	440,3
Республика Дагестан	3 209 781	21,85	2 828	1,745	38,8	479,9
Самарская область	3 142 683	30,04	707	1,330	77,3	365,5
Нижегородская область	3 081 817	30,34	657	1,309	85,1	351,0
Ставропольский край	2 891 204	25,93	812	1,297	70,3	324,5
Красноярский край	2 845 545	27,29	730	1,436	75,1	373,2
Новосибирская область	2 794 266	28,85	718	1,492	73,1	373,4
Кемеровская область	2 568 238	27,41	701	1,221	78,8	320,3
Пермский край	2 508 352	27,96	721	1,527	89,5	340,8
Волгоградская область	2 470 057	26,42	757	1,119	75,4	264,4
Саратовская область	2 404 944	31,90	765	1,103	71,9	256,8
Весомость	-	0,0230	0,0424	0,0086	0,0268	0,0938

Таблица 2.4 – Исходные данные для расчета коэффициентов весомости показателей по риску 4 «Снижение потребности в услугах досуга» в 2023 г.

Показатель	Численность населения	j.4.1	j.4.2	j.4.3	j.4.4
Москва	13 104 177	7 058,5	15 649	1 864	6 382 662
Московская область	8 591 736	893,3	4 841,5	1 143	413 210
Краснодарский край	5 819 345	579,0	2 028,2	5 392	391 334
Санкт-Петербург	5 600 044	4 539,3	25 407,9	1 002	781 765
Свердловская область	4 239 161	1 304,6	2 118,0	575	266 774
Ростовская область	4 164 547	845,0	1 707,5	627	235 515
Республика Башкортостан	4 077 600	1 047,3	1 175,1	584	151 328
Республика Татарстан	4 001 625	1 255,7	8 926,7	669	354 384
Тюменская область	3 851 234	1 174,4	2 388,3	695	199 206
Челябинская область	3 407 145	764,8	745,6	556	162 112
Республика Дагестан	3 209 781	393,7	586,3	266	87 176
Самарская область	3 142 683	850,9	1 268,5	494	238 982
Нижегородская область	3 081 817	964,6	2 292,7	546	208 171
Ставропольский край	2 891 204	338,8	1 227,7	567	122 800
Красноярский край	2 845 545	1 094,4	2 028,2	474	102 747
Новосибирская область	2 794 266	1 087,9	707,1	364	129 396
Кемеровская область	2 568 238	456,1	1 261,6	330	84 394
Пермский край	2 508 352	873,2	991,6	480	303 112
Волгоградская область	2 470 057	527,6	4 024,1	452	87 741
Саратовская область	2 404 944	637,6	1 102,8	338	52 978
Весомость	-	0,0770	0,0557	0,0434	0,0840

Продолжение Приложения 2

Таблица 2.5 – Исходные данные для расчета коэффициентов весомости показателей по риску 5 «Увеличение уровня загрязнения окружающей среды» в 2023 г.

Показатель	Численность населения	j.5.1	j.5.2	j.5.3	j.5.4	j.5.5
Москва	13 104 177	54,42	833	63	45,5	22 791,9
Московская область	8 591 736	97 125,69	806	205	62,3	28 215,6
Краснодарский край	5 819 345	9 423,61	34	361	74,7	40 319,5
Санкт-Петербург	5 600 044	258,58	936	67	34,8	29 053,3
Свердловская область	4 239 161	9 454 271,73	487	817	90,1	141 882,2
Ростовская область	4 164 547	83 326,25	97	128	72,7	4 612,6
Республика Башкортостан	4 077 600	807 845,71	170	447	41,2	22 879,8
Республика Татарстан	4 001 625	4 909,86	199	320	33,1	61 565,6
Тюменская область	3 851 234	295 767,00	180	2223	14,8	134 896,1
Челябинская область	3 407 145	1 842 989,21	244	410	83,4	57 387,1
Республика Дагестан	3 209 781	15,30	74	12	48,6	10 309,3
Самарская область	3 142 683	7 284,61	344	222	49,7	21 913,5
Нижегородская область	3 081 817	889,00	315	129	46,0	33 297,4
Ставропольский край	2 891 204	1 351,11	116	99	46,9	19 303,1
Красноярский край	2 845 545	1 829 004,02	299	2489	71,3	205 990,2
Новосибирская область	2 794 266	222 984,61	81	199	85,1	50 088,9
Кемеровская область	2 568 238	26 243 706,35	212	1429	70,1	30 633,7
Пермский край	2 508 352	51 380,87	124	285	80,6	40 452,2
Волгоградская область	2 470 057	3 452,79	203	172	41,4	48 170,2
Саратовская область	2 404 944	97 010,90	88	138	77,1	11 903,1
Весомость	-	0,0133	0,0698	0,0035	0,0051	0,0003

Приложение 3

Таблица 3.1 – Исходные данные для расчета коэффициентов социальной напряженности в Пермском крае по риску 1 «Сокращение потребительского спроса» и риску 2 «Увеличение профессиональной заболеваемости» за 2004-2023 гг.

Период	j.1.1	j.1.2	j.1.3	j.1.4	j.1.5	j.2.1	j.2.2	j.2.3	j.2.4	j.2.5
2004	382,6	6 371	61,2	20,1	7,2	82,8	184,6	2345	84	928
2005	368,9	8 202	59,8	16,9	8,0	85,3	183,4	2298	86	815
2006	360,7	10 982	62,2	14,1	6,3	95,9	186,2	2196	72	793
2007	356,5	13 481	62,5	13,5	6,0	97,8	184,1	2017	108	759
2008	349,5	16 119	62,0	14,0	7,0	108,7	187,7	1695	55	754
2009	339,5	17 572	61,5	14,2	7,9	114,1	183,5	1329	44	676
2010	342,0	19 834	62,7	13,2	8,6	114,6	184,4	1328	40	646
2011	352,2	21 307	63,6	14,4	8,6	115,2	200,1	1155	39	630
2012	353,0	23 361	63,5	12,2	7,4	115,4	200,3	1043	22	617
2013	360,1	25 014	62,4	11,4	7,9	115,9	196,6	1022	19	639
2014	327,6	27 343	60,8	12,0	8,4	111,3	203,1	923	14	667
2015	284,3	31 754	61,9	12,6	10,8	115,8	202,9	810	15	1 026
2016	285,5	27 907	63,0	14,9	9,7	118,7	202,9	710	10	1 053
2017	227,5	28 530	61,5	15,1	9,1	121,0	195,4	716	28	1 045
2018	225,7	28 960	61,2	14,9	9,8	122,6	196,0	631	18	1 067
2019	225,3	30 891	59,5	13,8	9,4	127,1	197,8	632	24	1 021
2020	221,9	30 550	59,6	13,2	10,8	133,0	196,1	507	21	1 071
2021	220,3	33 139	61,3	12,7	10,7	131,0	200,7	522	29	1 047
2022	222,0	39 767	56,3	10,6	10,9	132,1	202,1	434	24	1 391
2023	273,2	45 639	56,7	9,9	10,4	132,0	201,5	463	21	1 549

Продолжение Приложения 3

Таблица 3.2 – Исходные данные для расчета коэффициентов социальной напряженности в Пермском крае по риску 3 «Ухудшение условий для создания семьи» и риску 4 «Снижение потребности в услугах досуга» за 2004-2023 гг.

Период	j.3.1	j.3.2	j.3.3	j.3.4	j.3.5	j.4.1	j.4.2	j.4.3	j.4.4	j.4.5
2004	19,3	703	1,443	71,3	327,81	602,9	739,6	137	138 318	289,49
2005	19,6	557	1,370	70,2	298,00	594,8	731,7	164	69 097	291,45
2006	20,0	586	1,386	69,7	281,20	618,7	904,1	165	65 865	298,45
2007	20,3	543	1,520	70,1	270,60	683,1	801,6	187	77 530	301,23
2008	20,9	597	1,630	69,9	266,40	662,9	756,6	173	46 817	315,32
2009	21,2	538	1,690	66,5	267,50	650,5	846,1	213	50 957	313,47
2010	21,5	459	1,769	67,1	270,80	691,1	1 090,2	231	88 829	303,23
2011	21,9	436	1,782	65,9	274,70	861,1	917,7	271	103 320	296,34
2012	22,1	496	1,905	65,3	275,30	831,6	954,5	275	115 464	270,32
2013	22,5	523	1,931	66,0	276,80	806,8	959,7	262	165 080	291,45
2014	22,2	543	1,977	70,9	280,90	833,1	963,3	269	123 302	316,34
2015	23,1	493	2,021	74,4	288,00	881,2	1 027,5	348	80 710	311,80
2016	23,3	693	1,987	74,4	295,80	864,7	1 093,1	356	150 409	323,19
2017	23,7	571	1,763	74,8	308,05	879,4	995,6	434	198 129	240,40
2018	24,3	651	1,699	76,3	314,66	889,2	1 092,6	411	225 629	256,36
2019	24,9	654	1,589	79,5	319,93	893,4	1 093,2	399	171 844	226,75
2020	25,5	795	1,571	81,8	324,40	313,4	507,4	438	90 802	279,12
2021	26,5	728	1,614	86,1	329,76	646,6	851,8	468	212 879	301,47
2022	27,4	643	1,541	87,9	336,44	818,8	1 115,6	479	239 568	346,13
2023	27,9	721	1,527	89,5	340,84	873,2	991,8	480	303 112	380,24

Таблица 3.3 – Исходные данные для расчета коэффициентов социальной напряженности в Пермском крае по риску 5 «Увеличение уровня загрязнения окружающей среды» за 2004-2023 гг.

Период	j.5.1	j.5.2	j.5.3	j.5.4	j.5.5
2004	44 563,5	340,0	434,8	79,0	1 904,015
2005	46 500,0	317,0	448,1	82,0	1 200,399
2006	48 563,7	302,0	431,1	80,6	3 863,405
2007	49 500,0	278,8	395,3	85,5	8 198,240
2008	45 020,4	367,4	375,3	83,5	8 032,064
2009	39 571,3	314,2	321,9	71,4	4 572,100
2010	26 030,0	308,2	324,6	78,7	6 309,010
2011	39 036,0	398,4	375,2	77,4	4 565,280
2012	30 702,8	413,0	343,7	72,7	3 249,620
2013	36 210,8	410,5	368,0	74,4	8 680,330
2014	40 997,6	397,8	312,5	84,7	11 233,620
2015	40 994,8	383,0	298,6	76,6	77 161,380
2016	38 872,0	357,8	308,9	77,3	53 092,990
2017	41 267,0	317,1	310,8	79,9	7 280,486
2018	45 723,0	212,0	292,8	75,8	12 553,576
2019	46 387,6	209,5	293,1	80,4	11 233,509
2020	47 840,4	194,2	280,8	77,8	9 399,653
2021	49 265,9	156,9	275,2	78,3	19 135,151
2022	38 655,3	134,6	274,6	78,8	2 6753,339
2023	51 380,9	124,0	285,7	80,6	40 452,255

Приложение 4

Таблица 4.1 – Нормализованные значения показателей для расчета коэффициентов социальной напряженности в Пермском крае по риску 1 «Сокращение потребительского спроса» и риску 2 «Увеличение профессиональной заболеваемости» за 2004-2023 гг.

Период	j.1.1	j.1.2	j.1.3	j.1.4	j.1.5	j.2.1	j.2.2	j.2.3	j.2.4	j.2.5
2004	1,0000	0,0000	0,6712	1,0000	0,2449	0,0000	0,0609	1,0000	0,7551	0,3339
2005	0,9156	0,0466	0,4795	0,6863	0,4082	0,0498	0,0000	0,9754	0,7755	0,2125
2006	0,8651	0,1174	0,8082	0,4118	0,0612	0,2610	0,1421	0,9220	0,6327	0,1882
2007	0,8392	0,1811	0,8493	0,3529	0,0000	0,2988	0,0355	0,8284	1,0000	0,1522
2008	0,7961	0,2482	0,7808	0,4020	0,2041	0,5159	0,2183	0,6599	0,4592	0,1463
2009	0,7344	0,2852	0,7123	0,4216	0,3878	0,6235	0,0051	0,4683	0,3469	0,0634
2010	0,7498	0,3428	0,8767	0,3235	0,5306	0,6335	0,0508	0,4678	0,3061	0,0312
2011	0,8127	0,3804	1,0000	0,4412	0,5306	0,6454	0,8477	0,3773	0,2959	0,0141
2012	0,8176	0,4327	0,9863	0,2255	0,2857	0,6494	0,8579	0,3187	0,1224	0,0000
2013	0,8614	0,4748	0,8356	0,1471	0,3878	0,6594	0,6701	0,3077	0,0918	0,0235
2014	0,6611	0,5341	0,6164	0,2059	0,4898	0,5677	1,0000	0,2559	0,0408	0,0530
2015	0,3943	0,6464	0,7671	0,2647	0,9796	0,6574	0,9898	0,1968	0,0510	0,4386
2016	0,4017	0,5484	0,9178	0,4902	0,7551	0,7151	0,9898	0,1444	0,0000	0,4672
2017	0,0308	0,5643	0,7123	0,5098	0,6327	0,7610	0,6091	0,1476	0,1837	0,4590
2018	0,0099	0,5753	0,6712	0,4902	0,7755	0,7928	0,6396	0,1031	0,0816	0,4826
2019	0,0000	0,6244	0,4384	0,3824	0,6939	0,8825	0,7310	0,1036	0,1429	0,4333
2020	0,0105	0,6157	0,4521	0,3235	0,9796	1,0000	0,6447	0,0382	0,1122	0,4869
2021	0,3259	0,6817	0,6849	0,2745	0,9592	0,9602	0,8782	0,0460	0,1939	0,4612
2022	0,0105	0,8505	0,0000	0,0686	1,0000	0,9821	0,9492	0,0000	0,1429	0,8304
2023	0,3259	1,0000	0,0548	0,0000	0,8980	0,9801	0,9188	0,0152	0,1122	1,0000

Продолжение Приложения 4

Таблица 4.2 – Нормализованные значения показателей для расчета коэффициентов социальной напряженности в Пермском крае по риску 3 «Ухудшение условий для создания семьи» и риску 4 «Снижение потребности в услугах досуга» за 2004-2023 гг.

Период	j.3.1	j.3.2	j.3.3	j.3.4	j.3.5	j.4.1	j.4.2	j.4.3	j.4.4	j.4.5
2004	0,0000	0,7437	0,1121	0,2479	0,8250	0,4991	0,3818	0,0000	0,3570	0,4088
2005	0,0346	0,3370	0,0000	0,2025	0,4245	0,4852	0,3688	0,0787	0,0869	0,4215
2006	0,0808	0,4178	0,0246	0,1818	0,1988	0,5264	0,6523	0,0816	0,0743	0,4671
2007	0,1155	0,2981	0,2304	0,1983	0,0564	0,6374	0,4837	0,1458	0,1198	0,4852
2008	0,1848	0,4485	0,3994	0,1901	0,0000	0,6026	0,4097	0,1050	0,0000	0,5770
2009	0,2194	0,2841	0,4916	0,0496	0,0148	0,5812	0,5569	0,2216	0,0162	0,5650
2010	0,2540	0,0641	0,6129	0,0744	0,0591	0,6512	0,9582	0,2741	0,1639	0,4983
2011	0,3002	0,0000	0,6329	0,0248	0,1115	0,9443	0,6746	0,3907	0,2205	0,4534
2012	0,3233	0,1671	0,8218	0,0000	0,1196	0,8934	0,7351	0,4023	0,2678	0,2839
2013	0,3695	0,2423	0,8618	0,0289	0,1397	0,8507	0,7437	0,3644	0,4614	0,4215
2014	0,3349	0,2981	0,9324	0,2314	0,1948	0,8960	0,7496	0,3848	0,2984	0,5837
2015	0,4388	0,1588	1,0000	0,3760	0,2902	0,9790	0,8551	0,6152	0,1322	0,5541
2016	0,4619	0,7159	0,9478	0,3760	0,3950	0,9505	0,9630	0,6385	0,4042	0,6283
2017	0,5081	0,3760	0,6037	0,3926	0,5595	0,9759	0,8027	0,8659	0,5904	0,0889
2018	0,5774	0,5989	0,5054	0,4545	0,6483	0,9928	0,9622	0,7988	0,6977	0,1929
2019	0,6467	0,6072	0,3364	0,5868	0,7191	1,0000	0,9632	0,7638	0,4878	0,0000
2020	0,7229	1,0000	0,3088	0,6818	0,7791	0,0000	0,0000	0,8776	0,1716	0,3412
2021	0,8303	0,8134	0,3748	0,8595	0,8513	0,5745	0,5663	0,9650	0,6479	0,4868
2022	0,9307	0,5766	0,2627	0,9339	0,9409	0,8714	1,0000	0,9971	0,7521	0,7778
2023	1,0000	0,7939	0,2412	1,0000	1,0000	0,9652	0,7964	1,0000	1,0000	1,0000

Таблица 4.3 – Нормализованные значения показателей для расчета коэффициентов социальной напряженности в Пермском крае по риску 5 «Увеличение уровня загрязнения окружающей среды» за 2004-2023 гг.

Период	j.5.1	j.5.2	j.5.3	j.5.4	j.5.5
2004	0,7311	0,7474	0,9233	0,5390	0,0093
2005	0,8075	0,6678	1,0000	0,7518	0,0000
2006	0,8889	0,6159	0,9020	0,6525	0,0351
2007	0,9258	0,5356	0,6957	1,0000	0,0921
2008	0,7491	0,8422	0,5804	0,8582	0,0899
2009	0,5342	0,6581	0,2726	0,0000	0,0444
2010	0,0000	0,6374	0,2882	0,5177	0,0673
2011	0,5130	0,9495	0,5798	0,4255	0,0443
2012	0,1843	1,0000	0,3983	0,0922	0,0270
2013	0,4016	0,9913	0,5383	0,2128	0,0985
2014	0,5904	0,9474	0,2184	0,9433	0,1321
2015	0,5903	0,8962	0,1383	0,3688	1,0000
2016	0,5066	0,8090	0,1977	0,4184	0,6831
2017	0,6010	0,6682	0,2086	0,6028	0,0800
2018	0,7768	0,3045	0,1049	0,3121	0,1495
2019	0,8030	0,2958	0,1066	0,6383	0,1321
2020	0,8603	0,2429	0,0357	0,4539	0,1079
2021	0,9166	0,1138	0,0035	0,4894	0,2361
2022	0,4980	0,0367	0,0000	0,5248	0,3364
2023	1,0000	0,0000	0,0640	0,6525	0,5167